

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ**

КИТАЙСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

**VIII МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
МАТЕРИАЛЫ**

Москва, 25–26 июня 1996 г.

Москва 1996

Редакционная коллегия

В.М.СОЛНЦЕВ (отв. редактор)
И.Н.КОМАРОВА (отв. секретарь)
К.В.АНТОНЯН

Редактор
Е.В.БАРИНОВА

Компьютерный дизайн,
изготовление восточных шрифтов
И.В.САМАРИНА

В книге представлены исследования грамматического строя современного литературного китайского языка, диалектов китайского языка, а также языков национальных меньшинств Китая, опирающиеся на обширный языковой материал. Важное место в книге занимают проблемы лексикологии, словообразования, морфологии и синтаксиса, рассматриваются вопросы фонетики, истории изучения и методики преподавания китайского языка. Среди авторов известные отечественные, китайские и вьетнамские ученые.

Редколлегия не считала нужным вносить какие-либо коррективы в содержание, хотя взгляды членов редколлегии не во всем совпадают с идеями авторов данного издания.

The book presents studies in the modern Chinese and its dialects as well as in the languages of ethnic minorities of China, based on the vast linguistic materials.

The book contains a theoretical description of the grammar, lexicology and phonetics of the Chinese language, some papers deal with the history of studies and methods of its teaching.

The concepts of the authores are not necessarily coincide with those of the editorial board.

А.Н.Алексахин
(Москва)

СИНГАРМОНИЗМ КАК СРЕДСТВО СОЗДАНИЯ
ФОНЕТИЧЕСКОЙ ЦЕЛЬНООФОРМЛЕННОСТИ СЛОВ
КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА ПУТУНХУА¹

Сингармонизм как фонетическое явление обеспечивает фонетическую целостность и отдельность словоформы. Полагают, что в этой функции сингармонизм соотносится с ударением индоевропейских языков. Сингармонизм существует на основе ассимиляции и обычно как фонетическое явление иллюстрируется на примере тюркских и финноугорских языков, в которых гласные непервых слогов слова уподобляются по ряду, а в некоторых из этих языков и по работе губ гласному первого, начального слога. Применительно к тюркским языкам рассматривается и лингвальная гармония гласных, то есть их гармония по степени раствора. Считается, что сингармонизм присущ, главным образом, агглютинативным языкам.

Попытки определения слогов по ударности—безударности в многосложных словах китайского языка путунхуа (фонетическая система пекинского диалекта, — ПД) в имеющихся научно-методических описаниях идут по двум направлениям. В одних описаниях ударение в двусложных словах по сравнению с русским выделяется и описывается, в других показывается его несущественность в звукорядах многосложных слов путунхуа: носители этого языка не могут разметить многосложные слова по признаку ударения [Румянцев, 1974].

Сравнение двусложных слов пекинского, шанхайского и мэйсяньского диалектов (ПД, ШД, МД) показывает, что отношения между гласными в сопологающихся слогосоемах регулируются определенными правилами их реализации и сочетаемости в позициях левого и правого слогочетов (0123 + 0123). Эти позиционные правила фонетической реализации гласных, детерминированные тоновой коррелятивностью гласных ПД, МД и ШД, являются достоянием каждой фонетической системы и неотъемлемой характеристикой облика слов соответствующих разговорных языков. Поэтому закономерно, что при сравнении родственных фонетических систем ПД, МД и ШД в соотношении гласных (слогов),

¹ На материале пекинской, шанхайской и мэйсяньской фонетических систем.

входящих в звукоряды их слов, не обнаруживается отношений ударности—безударности.

Сингармонизм действует как в односложных, так и в многосложных словах. Сингармонизм в односложных словах обеспечивается действием фонетического закона звуковой системы путунхуа. По работе голосовых связок, или в тоновом отношении, четные гласные ассимилируют нечетные, а по работе надгортанных резонаторов, или в тембровом отношении, нечетные гласные ассимилируют четные (четность и нечетность гласных определяется по позициям номемнослоговой позиционной матрицы /0123/ [Алексахин, 1987; 1990]). Это означает, что нечетные гласные сингармонизируются с четными по характеру одного из пяти укладов голосовых связок, реализующих пять тоновых корреляций гласных, включая и корреляцию гласных легкого, или нейтрального тона. Например, [t'a⁵⁵] 'он' и [t'iaɪ⁵⁵] 'небо'. Экспериментально многократно показано, что частотные F₀ (тоновые) характеристики четной гласной [a⁵⁵] определяют частотные F₀ (тоновые) характеристики слабых гласных левого и правого нечетов [-i⁵⁵-] и [-ɪ⁵⁵]. В тембровом же отношении четные гласные стремятся сингармонизироваться с нечетными. Например, /t'iaɪ⁵⁵/ → [t'iaɪ⁵⁵] → [t'ieɪ⁵⁵] → [t'ieɪ⁵⁵] 'небо': лингвальная (по раствору) и рядная сингармония; /kəʊ²¹⁴/ – [kəʊ²¹⁴] 'собака', /kʰə²¹⁴/ – [kʰə²¹⁴] 'плод': лабиальная сингармония.

На основе прогрессивной дистантной ассимиляции достигается тоновая сингармония четных гласных со слабой ретрофлексной гласной в пятитембровых слогах типа [hɰaɪ̯ə³⁵] 'желток' в отличие от [hɰaɪ̯ə³⁵] 'желтый'. Расщепление, или мутация, позиции правого нечета /0123/, которая произошла в данных слогинонемах [21230] в фонетической системе ПД, стала возможной благодаря большой инерционности тонопроизводящего уклада голосовых связок четных гласных и яркой контрастности слабой рефлексной гласной [ə]. Фонологическая система ПД использует инерционное распространение артикуляторной энергии через позицию правого нечета не только путем расщепления последней, но и в случае реализации звонких согласных в правом тонально сингармонистическом слоге, то есть в реализации слогиносоединенных (в отличие от слогиносоединенных) позиций и оппозиций согласных и гласных. Тонально сингармонистический слог реализуется как примыкающий, и в нем согласные оказываются в интервокальном окружении, максимально неблагоприятном для реализации свойств глухих согласных по месту работы голосовых связок. Ассимилирующее воздействие градуально дифференцированных тонопроизводящих масс голосовых связок четных гласных левого слога возрастает настолько, что в случае уменьшения тонопроизводящей массы четной гласной правого слога до нейтральной происходит максимальное уподобление связочного уклада глухих непридыхательных согласных звонкому укладу соседних гласных, например, [hau²¹⁴da⁰] 'хорошо', [pa³⁵gə⁰] 'восемь', [i²¹⁴dzi⁰] 'стул'. В тонально сингармонистическом слоге ПД достигается и лингвальная гармония в СГ слоговой коартикуляции, так как время реализации тонально сингармонистического слога в два и более раза сокращается по сравнению со слогами гласных остальных четырех тоновых корреляций. Это говорит об усилении антирастворности (силе смычки) согласных в этой позиции и об уменьшении растворности коартикулирующих с ними глас-

ных, то есть о сингармонии согласных и гласных по раствору в интересах достижения фонетической цельнооформленности двусложных слов. О лингвальной гармонии интервокальных согласных в остальных слогах говорят экспериментальные данные, согласно которым время реализации согласных ПД в этой позиции сокращается в среднем на 24% по сравнению с согласными левого слога [Фэн Лун, 1985].

Об этом же говорят экспериментальные данные Т.П.Задоевко [1980]: в ритмическом слове *hěn xǐhuan* 'очень нравится' начальное *h* [x] правильно воспроизводится за диктором, а интервокальное напоминает аудитору русское [к].

Тонально сингармонистический слог ПД фонетически связан с левым слогом. Фонетическая связанность с левым слогом слова является основой сингармонизма слогов в составе фонетического слова. Формирование в ПД тонально сингармонистического слога является ярчайшим свойством части (то есть слогосономы) по сравнению с целым (слогномом).

В двусложных словах ПД как целостных слогономемных образованиях тонально сингармонистические части выделены не только по своим артикуляционно-акустическим индивидуальным свойствам, но и позиционно: правые в словах ПД. Определение слога через соному показывает, что целое, слогономема, определяет свойства частей (слогносом) и у частей появляются свойства, характерные только для частей. Благодаря изменениям фонетических свойств частей (слогносом) на основе сингармонизма достигается фонетическое оформление целого (слогномом).

Одним из ведущих факторов в ходе речевой реализации цепочки слогов и их одновременного построения в ритмически организованные структуры в потоке речи является длительность. Именно длительность китайских двусложных (многосложных) слов, отражающая временные характеристики слогосономных согласных и гласных и их сингармонистическую компрессию в интересах обеспечения фонетической цельнооформленности китайских многосложных слогономем, является наиболее интегральным и экспериментально получаемым доказательством артикуляторно-акустической (фонетической) целостности китайских многосложных слов. Фонетическая реализация односложных, двусложных и трехсложных слов обнаруживает тенденцию к изохронности.

Возникновение позиционно сингармонистической модели двусложных слов ПД структурно демонстрируется как полная исчерпанность позиций односложного слова и переход к использованию в системе вторичной СГ коартикуляции на основе инерционного распространения произносительной энергии из матрицы левого слога: 212302123 (например, [hʈaɪ³⁵ – hʈaɪ³⁵] 'тревожный'). В первом (непервом) слоге происходит воспроизведение позиционной структуры первого по аналогии и на основе действия прогрессивной дистантной ассимиляции в отношении всех звуков, могущих реализоваться в непервой слоговой матрице. Прогрессивная дистантная ассимиляция (уподобление) может быть либо полной по всем позициям и по всем звукам в этих позициях, либо частичной. Полное уподобление правого слога левому означает повтор, или редупликацию. Получается, что редупликация означает предельный случай слогового матричного сингармонизма.

Матрично-слоговой сингармонизм (в основе которого прогрессивная ассимиляция как инерционное распространение на правые слоги фонетических признаков левого слога) в правых слогах с гласными корреляции нейтрального тона почти не действует, но компенсируется формированием тонально сингармонистических слогов и образованием цепочек слогов с гласными, гармонирующими по признаку нейтрального уклада голосовых связей.

В путунхуа гласный суффикса существительных и гласные видовременных показателей глагола гармонируют парадигматически по признаку нейтрального тона, а различные модификаторы направленного действия глаголов выделены гармонией гласных нейтрального тона синтагматически, например, $t'ai^{33} - \epsilon a^0 - t\epsilon'u^0$ 'продолжать разговаривать', $\varsigma u\epsilon^{55} - pu^0 - t\varsigma'u^0 - lai^0$ 'не в состоянии выговорить'. Гласные морфологических показателей существительного и глагола уравниваются в слоговой гармонии с гласной относительного служебного слова: $t\varsigma u\epsilon^{55} - t\varsigma i^0 - \varsigma a\epsilon^0 - t\epsilon^0 \varsigma u^{55}$ 'книга, которая на столе' и $\varsigma u\epsilon^{55} - pu^0 - t\varsigma'u^0 - lai^0 - t\epsilon^0 h\varsigma a^{51}$ 'слова, которые не могут высказать', где гласные суффикса существительных и послелога гармонируют по признаку нейтрального тона с гласной относительного служебного слова, а гласные нейтрального тона глагольных модификаторов тоже гармонируют по этому признаку с гласной относительного служебного слова. Такого рода гармония гласных отмечается как тематическая, то есть такая, которая охватывает морфологические показатели [Щербак, 1970]. Благодаря артикуляционно-акустической силе левого слога в правых слогах, в зависимости от грамматической потребности, всякий раз образуется тонально сингармонистическая живая цепочка слогов с гласными нейтрального тона. Эти агглютинирующие слабые слоги относительно небольшого количества служебных морфем различаются благодаря согласным, а вводятся в речевые цепочки ритмических слов благодаря сингармонистическим гласным нейтрального тона.

Что касается тонального сингармонизма в отношениях гласных остальных четырех тоновых корреляций, то сингармонизация фонетической реализации связочных укладов четных гласных левого и правого слогов осуществляется на диссимилятивной основе со стороны четной гласной правого слога, где сформировалась более сильная позиция тоновой выраженности четных гласных и где реализуются тоновые оппозиции гласных всех пяти тоновых корреляций. Сингармонистические изменения связочных укладов четных гласных левого слога приводятся в пособиях по фонетике путунхуа в виде цифровых правил на основе нотно-цифровой шкалы.

Сингармонизм может осуществляться посредством различных фонетических явлений, но суть их в одном – в фонетической взаимообусловленности (правой части от левой в составе целого) частей в составе целого. Тональный и слогоматричный виды сингармонизма – это типологическая характеристика фонетической цельнооформленности слов китайского языка.

ЛИТЕРАТУРА

Алексахин А.Н. Диалект хакка (китайский язык). М., 1987;

Алексахин А.Н. Структура слога китайского языка как проявление системообразующих свойств согласных и гласных (Теория согласно-гласной коартикуляции)//Вопросы языкознания, 1990, №1;

Алексахин А.Н. Фонологическая система китайского языка в сопоставительном аспекте/Дисс. ... док. филол. наук. М., 1990;

Задоевко Т.П. Ритмическая организация потока китайской речи. М., 1980;

Румянцев М.К. К проблеме ударения в современном китайском языке путунхуа//Вопросы китайской филологии. М., 1974;

Солнцев В.М. Введение в теорию изолирующих языков. М., 1995.

А.А.Антиповский
(Москва)

К ХАРАКТЕРИСТИКЕ НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ ЯЗЫКА ПРОИЗВЕДЕНИЙ ЛАО ШЭ

Лао Шэ – один из крупнейших современных писателей Китая – выделяется блестящим искусством владения современным народным языком.

Любознательность, страстность и пытливость ума писателя, жившего в юности в большой нужде, обеспечили ему прекрасное знание языка пекинских простолюдинов и позволили перенести яркие образцы их речи на страницы художественных произведений уже на начальном этапе творчества.

Богатство и сочность речевых оборотов простых людей (народного говора пекинских улиц и переулков), умелое их использование в сочетании с вэньянизмами, еще прочно державшимися в китайском языке в силу многих объективных и субъективных причин, позволили Лао Шэ создать удивительную языковую мозаику на широком полотне своих произведений. Синтез байхуа и вэньяня – двух, казалось бы, далеких друг от друга основ одного и того же языка – обеспечил начинающему писателю возможность создания причудливо-простого и вместе с тем неповторимого стиля.

Прочный сплав вэньяня и народного языка уже в первом романе лондонского периода обеспечил Лао Шэ устойчивые позиции не только в литературных кругах, но и у читателя, заслуженное признание, которое с годами возрастало по мере роста мастерства и накопления знаний. Уже к середине 1930-х годов роман «Рикша» с его неповторимо богатым пекинским говором, можно сказать, окончательно закрепил за Лао Шэ славу непревзойденного «пекинца».

Постижение богатой истории Китая, великих памятников литературы и искусства, а также знакомство с западной (английской, на первых порах) культурой и литературой способствовали постоянному обогащению таланта писателя.

Аналитический ум, страстное стремление к познанию окружающего мира, неудовлетворенность существующим положением вещей, стремление изменить хоть как-то этот мир не давали покоя Лао Шэ с первых

шагов на его творческом пути. Отсюда стремление его к осмеянию пороков и беспощадному сарказму. Высокопрофессиональное мастерство – художественная и речевая образность – привели в конце концов, не могли не привести писателя к драматургии, к использованию накопленного опыта на более высоком творческом уровне и в новых исторических условиях жизни китайского общества.

*В.И. Антонов
(Москва)*

КАДРОВАЯ РЕФОРМА В КНР И ЛЕКСИКА КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА

Лексическая система современного китайского языка отражает глубинные пласты истории Китая и современное состояние общества. Лексические единицы, входящие в общественно-политический словарь современного китайского языка, весьма разнообразны с точки зрения обозначаемых ими реалий и понятий, что, в свою очередь, определяет их зависимость от социальных факторов.

Время реформ в Китае (1978–1996) наложило свой отпечаток на современную лексику: с одной стороны, появилась новая терминология, с другой – вновь вошла в оборот давно забытая старая, связанная с древними традициями и обычаями. Это в полной мере относится и к реформе органов государственной власти в КНР (1993–1996).

Кадровая политика КНР наследует многовековые традиции и богатый опыт подготовки чиновничества в старом Китае. С древних времен в Китае с уважением относились к образованному человеку. Конфуций (551–479 гг. до н.э.) называл лучших представителей образованных людей «цзюньцзы» 君子 ‘благородный человек’ и считал, что только из числа цзюньцзы могут отбираться люди к делам управления государством, то есть в те времена уже существовало чиновничье сословие. В эпоху Суй император Вэньди (589–605 гг. н.э.) ввел систему 科举制 кэ-цзюйчжи ‘система государственных экзаменов’ для отбора людей на государственную службу. Эта система была усовершенствована в эпоху Тан (618–907 гг. н.э.). Для получения чиновничьей должности в уезде надо было сдать экзамены и получить ученую степень 秀才 ‘сючай’, в провинции – 举人 ‘цзюйжэнь’, в столице – 进士 ‘цзиньши’¹.

В КНР, унаследовавшей четырнадцативековой опыт и традиции подготовки чиновничьего сословия, всегда уделяли и продолжают уделять первостепенное внимание кадровой политике. Вопросами подготовки и распределения кадров в Китае занимаются семь ведомств: Организационный отдел ЦК КПК, Комиссия по штатам центрального аппарата, Министерство кадров, Министерство гражданской администрации, Министерство труда, Министерство обороны, Государственный комитет по образованию КНР. Архитектор китайских реформ Дэн Сяопин, понимая важность кадрового обеспечения проведения экономической реформы, в августе 1980 года на заседании Политбюро ЦК КПК в своем

¹ См. Синь чжиши цядянь (Новый словарь знаний). Шанхай, 1958, с.1028.

докладе «Перестройка системы партийного и государственного руководства» выдвинул курс на совершенствование кадрового корпуса, на «революционизацию, омоложение, повышение общеобразовательного и профессионального уровня руководящих кадров всех ступеней». И этот курс неуклонно претворяется в жизнь.

В апреле 1993 года Постоянное бюро Государственного совета КНР приняло «Временное положение о государственных служащих» 国家公务员暂行条例 гоцзя гунгьюань чжаньсин тьяоли. В соответствии с этим «Положением», для государственных служащих устанавливаются 15 рангов: 1-й ранг (一級 ицзи) имеет премьер Государственного совета (国务院总理 гофьюань цзунли); делопроизводители (办事員 баньшиюань) – 10–15 ранги (十至十五級 ши чжи шиу цзи).

В «Положении» регламентируются отбор (择优 цзю 'отбор'), экзамены (考试 каоши 'экзамен'), зачисление государственных служащих на работу (录用 луюн 'зачисление'), их аттестация (考核 каохэ 'аттестация'), повышение в должности (晋升 цзиньшэн 'повышение'), оплата труда (工資 гунцзы 'оплата труда'), поощрения (奖励 цзянли 'поощрение'), наказания (处分 чуфэн 'наказание'), увольнение с работы (开除 кайчу 'увольнение'), страхование (保险 баосянь 'страхование'), выход на пенсию (退休 туйсю 'выход на пенсию') и т.д.

В «Положении» определено, что Министерство кадров КНР и отделы кадров местных народных правительств уполномочены и ответственны за проведение в жизнь системы государственных служащих. По указанию Министерства кадров КНР, в 1994 году в 26 учреждениях центрального государственного административного аппарата в соответствии с «Временным положением о государственных служащих» приступили к проведению открытых экзаменов для принятия на службу государственных служащих.

В сентябре 1994 года учреждена Государственная административная академия (国家行政学院 гоцзя синчжэн сюэюань), на открытии которой премьер Государственного совета КНР Ли Пэн подчеркнул, что Академия учреждается для удовлетворения потребностей страны в административно-управленческих кадрах современного типа. Ректором Академии назначен член Государственного совета КНР, член ЦК КПК Ли Гуйсянь.

Китайское руководство уделяет также большое внимание кадровому вопросу в сфере науки и техники. Государственный совет КНР принял постановление о введении звания академика Академии наук Китая (中国科学院院士 чжунго кэсюэюань юаньши) вместо существовавшего до сих пор (с 1955 г.) звания члена одного из пяти отделений АН Китая (отделение математики и физики, отделение химии, отделение биологии, отделение наук о Земле, отделение технических наук).

На декабрь 1995 года в Академии наук Китая имелось 578 академиков АН Китая (в Академии Синика, учрежденной в 1928 г. и использовавшей звание «академик», в 1948 г. насчитывалось всего 80 академиков). Президентом Академии наук Китая с 1987 года является Чжоу Гуанчжао.

В июне 1994 года на учредительном собрании была создана Инженерная академия Китая (ИАК) (中国工程院 чжунго гунчэнюань), принят Устав ИАК, избрано 96 академиков ИАК, в том числе 30 из них од-

новременно являются академиками АН Китая. Президентом Инженерной академии Китая избран Чжу Гуанья.

В настоящее время в Китае сложился и функционирует руководящий кадровый корпус (на конец 1991 г. в КНР было 33 млн «ганьбу» – кадровых работников), который поддерживает в стране стабильную обстановку, успешно осуществляет экономическую реформу и политику открытости, добивается к 2000 году повышения жизненного уровня китайского народа до уровня «сяокан» (小康 сяокан 'малый безбедный достаток'), а к середине XXI века – вывода Китая в число передовых стран мира, и в обозримом будущем – построения в Китае общества Датун (大同社会 датун шэхуэй) – Общества великого единения и благоденствия.

В заключение отметим, что общеупотребительная общественно-политическая лексика используется в текстах, относящихся к разным функциональным стилям. Что касается класса лексики, относящейся к кадровой политике в КНР, то она преимущественно встречается в текстах массовой коммуникации.

К.В.Антонян
(Москва)

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ РЕЗУЛЬТАТИВНОЙ КОНСТРУКЦИИ В КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Результативная конструкция (РК) занимает важное место в грамматической системе китайского языка. Это одна из наиболее продуктивных моделей образования сложных глагольных комплексов. Кроме того, именно на основе РК в китайском языке формируется система постпозитивных видовых показателей.

К таким постпозитивным видовым показателям относятся, прежде всего, показатели 了 *le* (совершенный вид), 着 *zhe* (продолженный вид), 过 *guo* (испытанный вид), а также значительное число модификаторов, выражающих различные оттенки результативной завершенности или пространственной ориентации действия.

У некоторых из них наряду с лексическими выработались и абстрактные, грамматические значения. Так, из 26 представленных в современном китайском языке модификаторов, обозначающих направление, 11 имеют наряду с пространственными также и чисто грамматические значения. Модификаторы 上 *shang* 'подняться', 起 *qi* 'подняться', 起来 *qilai* 'подняться (к говорящему)', 开 *kai* 'раскрыть', 开来 *kailai* 'раскрыть' наряду с указанными лексическими значениями имеют также и значение начала действия; 出 *chu* 'выйти', 出来 *chulai* 'выйти (к говорящему)', 到 *dao* 'достигнуть', 下 *xia* 'спуститься', – значение результативного завершения действия; 下来 *xialai* 'спуститься (к говорящему)', 下去 *xiaqu* 'спуститься (от говорящего)' – значение продолжения действия.

В силу вышеизложенного представляет интерес история развития РК, которая и будет кратко освещена в настоящей работе.

Предложения со сказуемыми-РК исторически развились из предложений с двумя сказуемыми, каждое из которых имело собственные зависимые члены. В классическом древнекитайском языке современным РК соответствовали предложения с двумя сказуемыми, соединенными союзом *er*. Ср.:

工師得大木則王喜,以爲能勝其任也;匠人斫而小之,則王怒,以爲不勝其任矣

Gongshi de da mu, ze wang xi, yiwei neng sheng qi ren ye; jiangren zhuo er xiao zhi, ze wang nu, yiwei bu sheng qi ren yi.

‘Если производитель работ найдет большие бревна [для строительства], ван обрадуется, решив, что тот знает свое дело; если же плотники будут их слишком сильно обтесывать (букв. ‘обрубив, уменьшат их’), ван рассердится, решив, что тот не в состоянии справиться с задачей’ (Mengzi; пример взят из кн. [Wang Li, 1989, с.262]).

В одной из частей этого сложного предложения, а именно:

匠人	斫	而	小	之
<i>jiangren</i>	<i>zhuo</i>	<i>er</i>	<i>xiao</i>	<i>zhi</i>
‘плотники’	‘рубить’	союз	‘уменьшить’	мест. ‘их’,

представлено два сказуемых: 斫 *zhuo* ‘рубить’ и 小 *xiao* ‘уменьшить’, соединенных союзом 而 *er*. Их общий актанта – объект действия (‘бревна’) выражен стоящим после второго сказуемого местоимением 之 *zhi*.

В эпоху Хань (206 г. до н.э. – 220 г. н.э.) появились употребления, в которых союз 而 *er* отсутствовал. В языке III–V веков союз 而 в подобных предложениях вообще не употреблялся [Гуревич, 1974, с.72]. В результате исчезновения союза фактически получились предложения с сериальным глагольным сказуемым, то есть цепочкой соединенных бессоюзной связью предикативов (второй компонент мог быть выражен и прилагательным), имеющих по крайней мере один общий актанта.

Отметим, что в некоторых грамматических работах предложения современного китайского языка со сказуемыми-РК рассматриваются как предложения с сериальным глагольным сказуемым СГК (连动式 *liandongshi*). Это, например, работы Гао Минкая [Hanyu yufa xiuci dian, 1988, с.495] и Ван Ли [Wang Li, 1985, с.76; Wang Li, 1989, с.255–261]. РК рассматриваются как разновидность предложения с СГК также в рамках изучения типологии полипредикативных связей [ср. Hansell, 1993].

Однако в отличие от компонентов современных РК компоненты СГК могли располагаться дистантно. Их могло разделять дополнение. Ср.:

我今面貌,端正如此,何故爲他持瓠取水即打破

Wo jin mianmao, duanzheng ru ci, he gu wei ta chi jiang qu shui, ji da jiang po.

‘Я так красива, почему я должна кувшином таскать для других воду? И тут же она разбила кувшин’ («Сутра ста притч»; пример взят из кн. [Гуревич, 1974, с.89]). В последней части этого сложного предложения:

即	打	瓠	破
<i>ji</i>	<i>da</i>	<i>jiang</i>	<i>po</i>
‘тут же’	‘бить’	‘кувшин’	‘разбить’,

сказуемое представлено СГК. Общее для первого и второго компонентов дополнение 諸 *jiang* 'кувшин' стоит между ними.

Существовали употребления, в которых общий объект действия был выражен дважды: дополнением, стоящим между первым и вторым компонентами, и местоимением 之 *zhi*, стоящим после второго компонента. Ср.:

攻	鄭	敗	之
<i>gong</i>	<i>Zheng</i>	<i>bai</i>	<i>zhi</i>
'напасть'	'Чжэн'	'разбить'	мест. 'его'

'напал на Чжэн и разбил его' [Гуревич, 1974, с.93; Zhu Minque, 1958, с.26].

Существовали, однако, и такие употребления, в которых оба компонента располагались контактно. Ср:

今諸侯王皆推高寡人,將何以處之哉?

Jin zhuhou wang jie tui gao guaren, jiang he yi chu zhi zai?

'Теперь чжухоу и ваны возвышают меня, что же с этим поделаешь?' (Han shu; пример взят из кн. [Wang Li, 1989, с.263]).

Дополнение 寡人 *guaren* 'я' располагается после второго компонента СГК; компоненты СГК 推 *tui* 'толкать' и 高 *gao* 'высоко' расположены контактно.

Число СГК с контактным расположением компонентов резко возросло во время династии Тан (618–907 гг.). Это связано с появлением и распространением двух синтаксических конструкций: *ba*-предложений (предложений, в которых дополнение оформляется предлогом 把 *ba* и выносится в препозицию) и *bei*-предложений (пассивных предложений, в которых именная группа, обозначающая производителя действия, вводится с помощью предлога 被 *bei*) [Li & Thompson, 1976, с.485–488]. Эти два типа предложений объединяет то, что общий объект выражен либо препозитивным дополнением, либо подлежащим; таким образом, глагольные компоненты СГК оказываются ничем не разделенными.

Возможность дистантного расположения компонентов СГК сохранялась вплоть до конца династии Сун (960–1279 гг.). Примеры таких употреблений обнаруживаются даже в романе «Речные заводы» (памятник литературного языка XIV–XVI вв.). Ср.:

王婆收拾房裏干淨了。

Wang po shoushi fang-li ganjing le.

'Тетушка Ван чисто убрала дом' (дополнение 房裏 *fang-li* 'в доме' стоит между 收拾 *shoushi* 'убирать' и 干淨 *ganjing* 'чистый') [Wang Li, 1989, с.264].

В настоящее время способность к дистантному расположению сохраняется только у РК со вторым компонентом – составным глаголом направления движения. Прочие же РК утратили употребления с дистантным расположением компонентов, превратившись, таким образом, в грамматические слова.

В современном языке РК практически во всех случаях (кроме РК со вторым компонентом, выраженным глаголом движения, и следующим за ней дополнением места) рассматривается как единый член предложения, аналогичный простому глаголу [ср. Shiyong xiandai hanyu yufa, 1983, с.335]. Однако компоненты РК продолжают сохранять свои соб-

ственные семантические связи (кроме полностью грамматикализованных вторых компонентов РК), что, собственно, является «наследием» того времени, когда оба компонента были самостоятельными сказуемыми.

ЛИТЕРАТУРА

Гуревич И.С. Очерк грамматики китайского языка 3–5 веков. М., 1974;

Hansell M. Serial Verbs and Complement Constructions in Mandarin: A Clause Linkage Analysis//Advances in Role and Reference Grammar. Ed. by R.D. van Valin. Amsterdam–Philadelphia, 1993;

Hanyu yufa xiuci cidian (Словарь грамматических и стилистических терминов). Hefei, 1988;

Li C.N., Thompson S.A. Development of the Causative in Mandarin Chinese: Interaction of Diachronic Processes in Syntax//Syntax and Semantics: The Grammar of Causative Constructions. Vol. 6. Ed. by M.Shibatani. N.Y.–San Francisco–London, 1976;

Shiyong xiandai hanyu yufa (Практическая грамматика современного китайского языка). Beijing, 1983;

Wang Li. Zhongguo xiandai yufa (Грамматика современного китайского языка). Beijing, 1985;

Wang Li. Hanyu yufa shi (История грамматической системы китайского языка). Beijing, 1989;

Zhu Minque. Xian Qin Liang Han shiqi de dongci buyu (Дополнительный элемент к глаголу в доциньское время и в период династии Хань)//Yuyanxue luncong. Shanghai, 1958, №2.

Е.Б.Астрахан
(Москва)

ЛЕКСИКА СО ЗНАЧЕНИЕМ «ЖИЛИЩЕ» В ДИАЛЕКТАХ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА

Проводившиеся в разное время диалектологические обследования китайского языка способствовали накоплению значительного материала по фонетике, грамматике и лексике диалектов. Результаты полевых исследований опубликованы в виде отдельных монографий или статей в специальной периодической печати.

В соответствии с традиционной направленностью китайской филологической науки, при сборе данных и их обобщении наибольшее внимание уделялось прежде всего фонетическим особенностям диалектов. В результате именно фонетический аспект оказался лучше разработанным при изучении китайских диалектов методами лингвистической географии. Он также больше учитывался и при составлении классификаций диалектов.

Однако следует иметь в виду, что границу между диалектами разных групп, особенно в так называемых зонах «вибраций», невозможно провести только на основании фонетических признаков [Завьялова,

1982]. Решение этой задачи осуществимо при комплексном изучении диалектных групп китайского языка в плане не только фонетическом, но также лексическом и грамматическом [Яхонтов, 1966].

Комплексный подход является отличительной чертой современного этапа изучения китайских диалектов. Дж. Норман предлагает классифицировать диалекты китайского языка на основании комплекса из десяти признаков, характеризующих диалекты со стороны фонетики, грамматики и лексики [Норман, 1988].

В состав классификационных признаков входят: 1) местоимение 3-го лица; 2) определительно-именной суффикс; 3) отрицание при глаголе; 4) аффикс, обозначающий пол домашних животных; 5) наличие регистровых различий в этимологическом ровном тоне; 6) палатализация заднеязычных перед медиалью *-i-*; а также некоторые слова: 7) *zhan* 'стоять', 8) *zou* 'ходить', 9) *erzi* 'сын', 10) *fangzi* 'дом'. Комплекс содержит шесть лексических признаков из десяти.

Слово *fangzi* 'дом' – один из лексических признаков комплекса – служит для обозначения весьма специфического элемента китайской материальной культуры. Обычно под этим названием подразумевается крестьянский дом с каном. Область распространения этого типа жилища охватывает все районы расселения китайцев на северо-востоке, севере и северо-западе Китая. Однако использование термина *fangzi* не ограничено только упомянутыми выше северными областями Китая, а распространено почти по всей его территории и не связано со специфически северным типом жилья. Значение этого термина может не совпадать в разных диалектах.

При обследовании диалектов китайского языка терминология, описывающая жилище, неизменно привлекала внимание исследователей. Почти все списки лексики отдельных диалектов содержат тематический раздел «жилище», однако объем этого раздела в разных материалах неодинаков.

Различия между списками диалектной лексики объясняются не только разным объемом представленного материала. В «Словаре диалектов китайского языка», где собраны данные по 18 диалектам разных групп и само расположение материала предполагает наличие единой анкеты диалектологического обследования, есть помета, что различия в некоторых наименованиях элементов усадьбы не только лексические, но также отражают функциональные и конструктивные особенности типа жилища, используемого в данном пункте ареала.

Таким образом, есть основание предположить, что расхождения в диалектной терминологии, описывающей жилище, иногда обусловлены разным членением семантического пространства, связанным с конкретными реалиями жизни носителей диалекта.

Например, в описании диалекта синин провинции Цинхай [Чжан Чэнцай, 1987] находим детальное описание усадьбы *zhuanquo*, надворные постройки которой именуются *fangzi* или *fangfang*.

Подробные списки диалектных наименований элементов жилища единичны. В основном в лексических материалах находим слова, обозначающие строение как таковое, главное (центральное) жилое строение (помещение), боковые жилые строения (помещения), отдельное поме-

шение (комната) и кухню. В сведениях по некоторым диалектам указаны лишь наименования строения в целом и помещения (комнаты) как части внутреннего пространства. Однако даже весьма ограниченные данные по лексике, описывающей жилище, можно использовать для изучения семантического микрополя с общим значением «жилище» в разных диалектах китайского языка в силу того, что приводимые термины отражают наиболее существенные особенности китайского дома: наличие комплекса отдельных строений, обнесённых стеной, и разделение внутреннего пространства на помещения между пролётами каркаса.

Ограничим изучение семантического поля с общим значением «жилище» рассмотрением коррелированной пары наиболее существенных его элементов, а точнее реальным выражением этого семантического противопоставления в каждом диалекте.

Практически на всей территории распространения как северной, так и южной групп диалектов в состав лексем, обслуживающих семантическое микрополе: дом (целое строение) – комната (часть строения), входят корневые морфемы *fang* 'дом, комната' и *wu* 'комната, дом'. Семантический объем названных корневых морфем в разных диалектах и их соотношение с другими лексическими единицами в пределах данного семантического микрополя неодинаковы.

Совпадение в двух основных значениях корневых морфем *fang* и *wu* предполагает, что в современных диалектах китайского языка эти морфемы должны быть дополнительно распределены в системе каждого диалекта. Для изучения данной лексической группы могут быть эффективны методы лингвистической географии.

Традиционным лингвогеографическим приемом является картографирование отдельного значения или отдельной лексемы. Понимание лексико-семантической сферы диалекта как системы позволило выйти за рамки такого «атомарного» подхода и дало возможность комплексно рассматривать сложные лексико-семантические различия между диалектами с помощью метода семантического микрополя (упомянутая методика разработана на материале славянских диалектов Н.И. Толстым, Г.П. Клепиковой и др.). Этот метод позволяет учитывать все значения одной лексемы, употребляемые в разных диалектах.

В основе проведенного исследования – данные по 128 диалектам разных диалектных групп китайского языка.

С точки зрения количественной характеристики диалектные термины представляют собой однослог или двуслог.

Двусложные лексические единицы, содержащие морфемы *fang* и *wu*, могут быть образованы либо путем сочетания с именным суффиксом *-zi* (реже с суффиксом *-er*), либо путем соединения двух знаменательных морфем по атрибутивной модели (*fangjian*, *fangjuar*, *fangwu*, *wufang*).

Наличие или отсутствие суффиксального оформления у знаменательной морфемы, как это доказано А.А. Беликовым, связано с механизмом использования именных суффиксов *-zi* и *-er* в качестве грамматических актуализаторов при синтаксической несамостоятельности морфем в том или ином диалекте или при отсутствии определенного лексического окружения (наличие определения) [Беликов, 1985].

Использование суффиксально-оформленных и бессуффиксальных лексических единиц в одной клетке микрополя делает их сопоставимыми и позволяет рассматривать как диалектные варианты. Присоединение суффикса не связано с выражением нового значения, поэтому при лингвогеографическом изучении этой группы диалектных слов целесообразно сосредоточить внимание на корневых морфемах и не учитывать суффиксальное оформление.

Перенесение лексических данных на географическую карту позволяет выделить на территории Китая прежде всего две крупные диалектные области, граница между которыми проходит следующим образом: с запада на восток вдоль р.Янцзы до провинции Аньхой, далее на север и, огибая с востока северо-западные районы провинции Аньхой, поворачивает на восток и проходит далее по территории провинции Шаньдун севернее точки Аньцю. Конечно, прохождение границы по районам западнее провинции Аньхой намечено весьма условно в силу неполноты имеющихся сведений по диалектной лексике.

Признаком, позволившим провести эту изоглоссу, является лексическое выражение семы «дом, строение» данного микрополя.

В диалектах, расположенных к северу от прочерченной границы сема «дом, строение» передается с помощью корневой морфемы *fang*.

В диалектах, находящихся к югу от этой границы, в составе диалектного термина используется корневая морфема *wu* (или специфические диалектные лексические единицы).

Важно отметить, что диалекты провинции Цзянсу по особенностям реализации значений изучаемого микрополя относятся к северной диалектной области, что, возможно, является результатом средневековых миграций населения р.Хуанхэ.

Обе намеченные диалектные области не являются однородными: внутри каждой из них в свою очередь можно провести диалектные границы, но уже с учетом других признаков.

ЛИТЕРАТУРА

Беликов А.А. Суффиксы *-zi* и *-er* в китайском языке 14–16 вв./Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1985;

Завьялова О.И. Некоторые вопросы лингвогеографического изучения фонетики гуаньхуа//Вопросы языкознания, 1982, №3;

Софронов М.В. [Рецензия на книгу] *Norman J. Chinese*. Cambridge. Cambridge University Press, 1988//Вопросы языкознания, 1990, №1;

Типы традиционного сельского жилища народов Юго-Восточной, Восточной и Центральной Азии. М., 1979;

Ханьюй фаньянь цыхуй (Словарь диалектной лексики китайского языка). Пекин, 1963;

Чжан Чэнцай, Чжу Шигуй. Синин фаньянь чжи (Описание диалекта Синин). Синин, 1987;

Яхонтов С.Е. Классификация диалектов китайского языка //Исследования по филологии стран Азии и Африки. Л., 1966;

Norman J. Chinese. Cambridge. Cambridge University Press, 1988.

**КИТАЙСКИЕ НАЦИОНАЛЬНЫЕ ЛИНГВОМЕТОДИЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ:
КОГНИТИВНЫЙ СТИЛЬ ПОЗНАВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

Познавательная деятельность этнотипа, также как и национальная технология обучения языкам и учебно-педагогическое общение, предопределены спецификой цивилизационного опыта той или иной этнической группы.

Логика традиционного китайского мышления стремится функционировать не по принципу линейной последовательности (исходное положение – вывод), а концентрически – путем выделения центрального понятия и подстраивания к нему ряда сопоставлений. Такому мышлению присущи интуитивность, ассоциативность, холизм, ориентация на аналогию.

Для верификации этих положений в рамках констатирующего эксперимента (гг. Иркутск и Москва) было проведено тестирование (использовался тест Р.Оксфорда), в котором приняло участие 119 китайцев.

Для количественного и качественного анализа использовалась шкала отношений, позволяющая выявлять нейтральные, а также абсолютно положительные и абсолютно отрицательные оценки-характеристики.

В соответствии с полученными результатами определялись абсолютно положительные величины (позитивное отношение) и абсолютно отрицательные (негативное отношение). Они позволили установить приоритетность учебных стратегий в исследуемой этногруппе.

**Абсолютно предпочитаемые китайским этнотипом
учебные стратегии (0,71 – 1,0)**

1. Когнитивные стратегии:

а) «формальная»
тренировка | – итеративность действий,
ориентация на зрительный образ. |
|-------------------------------|--|

2. Компенсационные стратегии:

а) преодоление нехватки
речевых средств	– ориентация на резервные
возможности;
б) догадка	– ситуативная и контекстуальная
зависимость, интуитивность.

3. Метакогнитивные стратегии:

а) целенаправленность
учебной деятельности	– самостоятельность, тщательность,
гибкая ориентировка в учебных
условиях, внутренняя мобилизация,
направленное внимание;
б) организация и планирование
процесса учения	– организованность,
самостоятельность.

4. Аффективные стратегии:

а) снятие напряжения	– самоконтроль.

Абсолютно отвергаемые китайским этнотипом учебные стратегии (0 – 0,19)

1. Стратегии с опорой на память:

- а) создание смысловых связей – отказ от группировки, анализа и синтеза;
- б) комбинирование звуков и образов – отказ от «рифм»;
- в) компрессия – отказ от синтеза, индукции, группировки.

2. Когнитивные стратегии:

- а) тренировка – отказ от тренировки в звуковой системе (языка);
- б) прием и передача сообщений – отказ от дополнительной письменной практики.

3. Компенсационные стратегии:

- а) преодоление нехватки речевых средств – отказ от жестов (сдержанность);
- б) языковая догадка – ориентация на зрительный образ.

4. Аффективные стратегии:

- а) экспликация эмоционального состояния – отказ от демонстрации чувств.

Таким образом, китайцы опираются преимущественно на компенсационный потенциал (ситуативность, контекст, интуиция, волевой фактор) и чуждаются логических операций (анализ, синтез, индукция).

В целом своеобразие представителей китайского этнотипа сводится к следующему:

- учащиеся не проявляют инициативы в учебной деятельности, предпочитают пользоваться привычными «алгоритмами»;
- знания накапливают за счет итеративности;
- избегают логических операций;
- предпочитают дедуктивный способ усвоения материала;
- располагают большим компенсационным потенциалом (опора на интуицию, ситуативность, контекстуальность);
- самостоятельны, активны, пунктуальны, целеустремленны;
- умеют управлять чувствами; для них характерны самоанализ и самоконтроль;
- в общении сдержаны (интровертны).

Результаты нашего экспериментального исследования позволяют сделать следующие важные не только в методическом отношении, но и для целей общения вообще выводы.

1. Холистическое мышление – ключ к ориентации на системность языкового и неязыкового поведения. Для китайского этнотипа важно, чтобы учебный материал был внутренне связан, а его части естественно переходили друг в друга. Существенно также систематическое реанимирование старого материала и введение нового на его основе (принцип системности).

2. Холистическое мышление ориентировано на объемное восприятие учебного материала по принципу: структура (форма) – функции (минимум значений, но максимум функций) (принцип комплексной функциональности).

3. Ориентация на зрительную модальность диктует необходимость использования большого количества визуальных опор – схем, таблиц, пиктограмм (принцип зрительной доминанты).

4. Ситуативно-контекстуальная зависимость оказывается важной при обучении не только лексике, но и грамматике (принцип связанности).

5. Традиционная ориентация на авторитеты и действия по аналогии предопределяет дедуктивный способ подачи материала и обучение по моделям и образцам (принцип аналогии).

6. Поскольку китайская этногруппа предпочитает не логические, а компенсационные стратегии, то вполне оправдана разработка специальной системы переориентационных упражнений, расширяющих когнитивный потенциал китайских учащихся. Целесообразно знакомить их с европейской системой логических операций: анализом, синтезом, обобщением, доказательством.

*М. А. Брейтер
(Москва)*

ГИПЕРЛЕКСЕМНАЯ СТРУКТУРА КИТАЙСКОЙ ЛЕКСИКИ

Системный характер лексики любого языка является в настоящее время общепризнанным лингвистическим фактом. В рамках этого подхода язык рассматривается как саморегулирующая система, развивающаяся на основании определенных законов, которые возможно описать как изменение некоторых языковых параметров, таких как частота, употребительность, длина единицы (в слогах и фонемах), ее семантический и категориальный объем, участие в омонимических и антонимических отношениях, частеречная принадлежность, стилистическая маркированность и др. С этой точки зрения, интересный объект изучения представляет собой лексическая подсистема языка, в которой системообразующие параметры представлены более явно, чем на других уровнях языка (морфологическом и синтаксическом), что позволяет выявить закономерности языковой динамики в целом.

Системные зависимости в значительной степени проявляются в лексической подсистеме языка, которая представляет собой совокупность лексических единиц и отношений, их характеризующих. Статические параметры лексики описываются, например, частотными словарями, которые можно рассматривать как модель распределения частот употребления слов в тексте. В системно-количественной лингвистике широко проводился анализ фонетических, грамматических, семантических, функциональных, стилистических аспектов лексических систем различных языков как в теоретико-лингвистических, так и в прикладных це-

лях, например, при решении проблем автоматической переработки текстов [см. Поликарпов, 1987].

Изучение системных зависимостей и анализ модели развития лексических систем практически не коснулись изолирующих языков, представляющих специфический объект, поскольку именно в этих языках в силу типологических особенностей многие лексические параметры проявляются наиболее наглядно, без наложения грамматических характеристик. В связи с типологическими особенностями китайского языка как изолирующего возникает проблема выделения единиц лексической системы. Так, в китайском языке существуют многочисленные типы образований, занимающие по своим характеристикам промежуточное положение между лексическими единицами разных уровней – морфемой и словом, словом и словосочетанием. Единицы первого типа являются, очевидно, языковой универсалией и встречаются, в том или ином выражении, в языках различных типов, однако наиболее распространены они в языках изолирующих. В китайском языке, например, традиционно выделяется класс так называемых «квазиаффиксов», или «связанных служебных слов», имеющих самостоятельное служебное лексическое и грамматическое значение, но не употребляющихся изолированно. Б.Л.Уорф [1972] предлагает использовать термин «пустое слово» для единиц такого рода (в отличие от «полных слов»), подчеркивая, что пустое слово является элементом, который в первую очередь специализируется на указании грамматических и синтаксических свойств.

Для обозначения «слов» второго типа, то есть промежуточных единиц между словом и словосочетанием, в лингвистике использовались термины «словосцепление» (А.А.Пашковский), «слитное словосочетание» (В.Б.Касевич), «синтема» (А.Мартине), «групповое слово» Л.Блумфилд, «лексико-синтаксический бином» (И.М.Ошанин), «свободное словосложение» (А.С.Бархударов), «слово-комплекс» (Н.С.Яхонтов), «*сouvround unit*» (O.Jespersen), а также описательные термины типа «синтаксическое сочетание, переходящее к слову» (Г.Пауль), «*complex unit derived from syntactic structures*» (D.Kastorsky). В традиционной теории слова выделяется набор признаков, позволяющих отделить сложное слово от словосочетания, например, фонетические признаки (единое ударение или изменение/потеря тона одной из составляющих), морфологические (цельнооформленность), синтаксические (присоединение некоторых самостоятельно не употребляющихся корней, то есть «квазиаффиксов»), семантические (терминологическая устойчивость, идиоматизация и воспроизводимость), стилистические (стилевая закреплённость) и др. Разделяя моно- и полисиллабы и определяя их статус в китайском языке, необходимо также обратить внимание на такую особенность китайского языка, как наличие/отсутствие частеречных характеристик лексических единиц.

Вследствие минимальной формализации китайского языка многие вопросы грамматики, в том числе проблема выделения частей речи, могут быть решены неоднозначно. Не затрагивая тему определения критериев для разбивания лексических единиц по частям речи, обратим внимание, что уже в трудах древних грамматистов выделялись определенные классы слов с точки зрения их грамматических свойств. Для китайского языка характерно явление поливалентности (или функцио-

нальной транспозиции), то есть использование слова в функции нескольких частей речи, не сопровождающееся формальными или семантическими изменениями. Изменение категориальной принадлежности лексической единицы требует определения ее статуса в языковой системе и решения вопроса о принципиальных характеристиках и методах выделения лексических единиц китайского языка.

В качестве единицы лексической подсистемы, выделяемой на основе типологической специфики китайского языка, может быть выделена гиперлексема. Гиперлексема в китайском языке – это группа, состоящая из нескольких лексем, имеющих тождественные наборы лексико-семантических компонентов хотя бы в одном из значений и одинаковое фонетическое или графическое (в зависимости от уровня выделения) выражение. Например, гиперлексема 哀 объединяет в себе свойства глагола, существительного и прилагательного:

1) *глагол*. скорбеть, горевать, страдать, сожалеть, сочувствовать, жалеть, любить;

2) *сущ.* скорбь, горе, страдание, печаль, траур, сострадание, милосердие;

3) *прил.* убитый горем, печальный, скорбный, траурный.

В пределах гиперлексем могут быть выявлены широкие семантические характеристики лексики, не связанные с категориально-грамматическими отношениями. Для характеристики системных свойств следует выделить два основных параметра, описывающих эту единицу: категориальный и семантический объем. Категориальный объем (КО) или категориальная многозначность – это общее количество и состав лексико-грамматических категорий составляющих ее лексем (так, КО гиперлексем 哀 равен трем). Семантический (полисемический) объем (СО) гиперлексем равен количеству различных по своим компонентам значений входящих в нее лексем. Так, например, гиперлексема 誓 имеет значения:

1) *сущ.*

а) клятва, присяга;

б) наказ, наставление, заповедь, завет;

2) *глагол*.

а) поклясться, присягнуть;

б) дать наказ (заповедь, наставление);

в) быть осторожным, остерегаться, воздерживаться.

КО гиперлексем 誓 равен двум (существительное и глагол), а СО – трем.

Непосредственно связан с параметром семантического объема параметр семантической компактности (СК), позволяющий учитывать количество лексем в гиперлексеме (при выделении лексем на фонетическом уровне, без учета различий в графике, число составляющих гиперлексе-му лексем может доходить до нескольких десятков в случае перечисления их значений):

$$СК = \frac{СО}{КСО \times kh},$$

где СК – семантическая компактность гиперлексем, СО – семантический объем гиперлексем, КСО – категориально-семантический объем,

равный общему количеству значений лексем с учетом категориальных различий, то есть равный механической сумме значений лексем, входящих в гиперлексему (так, например, КСО 誓 = 5); h – количество лексем в гиперлексеме; k – коэффициент семантической компактности.

$$\text{Если } k = 1, \text{ то } \text{СК } 誓 = \frac{3}{5 \times 2} = 0,3$$

Чем меньше значение СК, тем выше уровень семантической компактности данной гиперлексем. Параметр семантической компактности позволяет учитывать не только качественные особенности гиперлексем, но и специфику их структуры.

Для проведения статистического исследования были использованы три выборки, составленные на базе двух лексикографических источников: Частотного словаря современного китайского языка (далее – ЧС) и Большого китайско-русского словаря под редакцией И.М.Ошанина (далее БКРС), объемом по 1000 единиц каждая. Выборки представляют собой три группы гиперлексем, отобранных по параметру частотности на основе рангово-частотных списков ЧС (высокочастотные, среднечастотные и низкочастотные) и проанализированных по лингвистическим параметрам, характеризующим как план выражения (например, длина, наличие редуцированных слогов) и план содержания (семантический и категориальный объем, фразеологическая связанность, стилистическая окрашенность, участие в синонимических, омонимических и антонимических отношениях), а также план употребления (частота и употребительность). Выборка в 3000 лексических единиц является достаточно представительной, если сопоставить ее объем с объемом словника ЧС, составленного на материале текстов различных стилей и включающего около 31000 лексем.

Рассмотрим соотношение между такими фундаментальными параметрами, характеризующими китайскую лексику, как полисемия и частота. Изучение связи частоты и полисемии проводилось на материале различных лексико-грамматических классов (соотносимых с традиционно выделяемыми в лингвистике категориями частей речи), являющихся специфическим отражением механизма коммуникативно-грамматической системы китайского языка. Из двух описываемых параметров основным, очевидно, является полисемия, а частота вторична и зависит от семантики слова, представляя собой реализацию его функциональных возможностей. Как следует из характера зависимости частоты от полисемии для разных полисемических зон, для одних и тех же показателей полисемии наблюдаются разные значения частоты для различных лексико-грамматических классов, причем прослеживается одна и та же тенденция роста средней частоты при движении от наиболее семантически конкретного класса – класса существительного, к последовательно все более абстрактным классам – глаголу и прилагательному и далее к служебным частям речи, значение которых наиболее абстрактно, максимально широко [Брейтер, 1994].

Таким образом, корреляция между частотой и полисемией показывает, что существует качественная зависимость между анализируемыми параметрами, состоящая в изменении качества значений по мере продвижения в зоны с более высокой полисемией. Также можно высказать

предположение относительно возможных значений средней полисемии в китайском языке как максимально аналитическом по сравнению с синтетическими языками: в силу предельной аналитичности китайского языка и, следовательно, неизменяемости и ограниченности набора исходных лексических единиц увеличивается нагрузка на каждую лексическую единицу, то есть возрастает по сравнению с более синтетическими единицами средняя полисемия. Значение средней полисемии для высокочастотной выборки равно 3.195; среднечастотной – 2.870, низкочастотной – 1.643. Помимо зависимости между частотой и полисемией, в общем виде близкой к прямой пропорциональности, полученные данные могут представлять интерес с точки зрения сопоставительной типологии.

В заключение обратимся к основным параметрам, характеризующим гиперлексему, – семантическому и категориальному объемам. Семантический и категориальный объемы взаимозависимы, и корреляция между этими параметрами на материале каждой из выборок близка к линейной, причем коэффициент линейной зависимости семантического объема от категориального равен приблизительно 2 для высокочастотных гиперлексем, 3.14 для среднечастотных и 4.45 для низкочастотных. Высокочастотные гиперлексем в наибольшей степени семантически компактны (среднее значение показателя семантической компактности равно 0.39 (по сравнению с 0.86 у низкочастотных гиперлексем). Эта регулярность отношений между семантическим и категориальным объемом, семантическая «сжатость», единство внутренней структуры гиперлексем всех частотных зон указывают на объективные предпосылки выделения гиперлексем в китайском языке как самостоятельной единицы лексической подсистемы языка, обладающей определенными постоянными лингвистическими характеристиками.

Системный анализ китайской лексики может быть дополнен изучением взаимозависимости между такими параметрами, как длина лексической единицы (моно- и полисиллабизм китайской лексики), ее функционально-семантический статус «квазиаффикс», слово, «композит», «chengyu» и т.д.), синонимический и антонимический объем, омонимичность, стилистическая окрашенность и преимущественная стилевая отнесенность (в текстах каких стилей чаще всего встречается данная гиперлексема), редуцированность, фразеологическая связанность и др., а также подробным рассмотрением тенденций исторического развития лексических единиц китайского языка.

ЛИТЕРАТУРА

Брейтер М.А. Некоторые аспекты системного подхода в лингвистике (на материале китайского языка)//Актуальные проблемы китайского языкознания. Материалы VII Всероссийской конференции по китайскому языкознанию. М., 1994;

Поликарпов А.А. Полисемия: системно-квантитативные аспекты//Уч. зап. Тартуского университета. Вып. 774. Тарту, 1987;

Уорф Б. Грамматические категории//Принципы типологического анализа языков различного строя. М., 1972;

Xiandai hanyu pinlü cidian. Beijing, 1986.

КОНСТРУКЦИИ С ПАССИВНЫМ ЗНАЧЕНИЕМ В КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Грамматические значения (*yufa yiyi*) в системе языка противопоставляются лексическим (*cihui yiyi*). Грамматические значения делятся на морфологические (*cifa yiyi*) и синтаксические (*jufa yiyi*); и те, и другие непременно выражаются некоторыми грамматическими формами. Поскольку единицы-носители значения связываются грамматическими отношениями, постольку они образуют грамматическую конструкцию. Цель анализа грамматической формы, присущей той или иной конструкции, заключается в том, чтобы выяснить, в чем состоят конструктивные отношения, которыми обладает отражаемое ею грамматическое значение. Семантические конструктивные отношения могут выражаться не только в словосочетании, но и в простом или сложном предложении, как и грамматическая форма. Конструктивные семантические отношения в словосочетании отличаются от конструктивных семантических отношений в предложении: в словосочетании выражаются морфологические конструктивные отношения, они относятся к сфере морфологии; в предложении выражаются синтаксические конструктивные отношения, которые относятся к сфере синтаксиса. Это подтверждается тем, что компоненты словосочетания связываются отношениями главного и второстепенного (*zhusong yuyi guanxi*), а компоненты предложения – несимметричными отношениями предикцируемого (*zhudaoci*) и предикцирующего (*panduanqi*). Значение пассива (*beidong yuyi*) на уровне словосочетания выражается пассивным оборотом (*beidong ciyu*) или пассивной моделью (*beidongshi*), а на уровне предложения – пассивным залогом (*beidong yutai*).

На основании вышесказанного можно заключить, что конструкции с пассивным значением в китайском языке на основании качественных различий отношений, связывающих их компоненты, можно подразделить на два типа.

Первый тип – это конструкции с морфологическим пассивным значением.

Второй тип – это конструкции с синтаксическим пассивным значением.

Первый тип (конструкции с морфологическим пассивным значением) делится на два подтипа. Первый подтип назовем пассивным оборотом (*beidong ciyu*). Он образуется из каузативного оборота (*shidong ciyu*) путем опущения стоящего в форме инфинитива каузативного глагола. Так, если в предложении *Ba gaige kaifang tong bu duan de gonggu he wanshan shehuizhuyi zhidu you ji de jieheqilai* 'Органично связать политику реформ и открытости с непрерывным укреплением и совершенствованием социалистического строя' опустить каузативный глагол *ba*, получим пассивный оборот: *Gaige kaifang tong bu duan de gonggu he wanshan shehuizhuyi zhidu you ji de jieheqilai* 'Политика реформ и открытости органично связана с непрерывным укреплением и совершенствованием социалистического строя'. Если в предложении *Dao ben shijimo, shi guomin shengchan zongzhi an bu bian jiage jisuan bi 1980 nian fan liang fan, zhongguo renmin de shenghuo dadao xiaokang de shuiping*

'К концу нынешнего столетия добиться того, чтобы общая стоимость производимого в сопоставлении (по неизменным ценам) с 1980 годом выросла в 4 раза, а уровень жизни китайского народа достиг уровня «сяокан»' опустить каузативный глагол *shi*, получим пассивный оборот: *Dao ben shiji mo, guomin shengchan zongzhi an bu bian jiage jisuan bi 1980 nian fan liang fan, zhongguo renmin de shenghuo dadao xiaokang de shuiping* 'К концу нынешнего столетия общая стоимость производимого... выросла в 4 раза, а уровень жизни китайского народа достиг уровня «сяокан»'. В пассивном обороте дополняемое главное слово (*shouyao ci*) обычно находится впереди, а дополняющий его глагол следует за ним. Ср. *Nongye yongdi zhuanwei fei nongye yongdi* 'Сельскохозяйственные угодья превратились в непригодные для ведения сельского хозяйства земли'; *Xianyou gongsi yao an guifan de yaoqiu jia yi zhengdun* 'В существующих компаниях должен быть наведен порядок в соответствии с нормативными требованиями'. Если же дополняющее второстепенное слово находится впереди, а дополняемое главное слово следует за ним, то мы имеем дело с инвертированной формой пассивного оборота (*bian shi*). Ср. *Tian shang piaoguo ji duo bai yun* 'По небу проплыло несколько облаков'; *Daolu zhi neng zou liang ge ren* 'По дороге могут пройти только два человека'.

Второй подтип назовем пассивной моделью (*beidongshi*). Он образуется из каузативных предложений путем опущения подлежащего и финитного каузативного глагола. Так, если в предложении *Women ba jiaqiang he fazhan tong di san shijie guojia de tuanjie yu hezuo zuowei woguo duiwai gongzuo zhong yi ge jiben lizudian* 'Мы считаем отправной точкой нашей внешнеполитической деятельности укрепление и дальнейшее развитие единения и сотрудничества со странами третьего мира' опустить подлежащее *women* и каузативный глагол *ba*, получим пассивную модель: *Jiaqiang he fazhan tong di san shijie guojia de tuanjie yu hezuo zuowei woguo duiwai gongzuo zhong yi ge jiben lizudian* 'Отправной точкой нашей внешнеполитической деятельности является укрепление и дальнейшее развитие единения и сотрудничества со странами третьего мира'. Если в предложении *Sulian renmin (zai di er ci shijie dazhan zhong zuochu le jida de minzu xisheng, tong shijie qita guojia renmin yiqi) shi renlei mianzao geng da de haojie* 'Советский народ (понесший во второй мировой войне огромные человеческие жертвы, вместе с народами других государств) избавил человечество от еще более страшных бедствий' опустить подлежащее *sulian renmin* и каузативный глагол *shi*, получим пассивную модель: *Renlei mianzao geng da de haojie* 'Человечество было избавлено от еще более страшных бедствий'. В предложениях пассивной модели дополняемое главное слово обычно стоит впереди, а дополняющий его глагол следует за ним. Ср. *Xianggang he Aomen jiang fenbie yu 1997 nian yu 1999 nian huigui zuguo* 'Сянган и Аомэнь соответственно в 1997 и в 1999 годах вернутся в состав Родины'; *Ma xianzai yijing bu neng zai malu shang pao le* 'На лошадях уже нельзя ездить по улицам города'. Если же дополняющее второстепенное слово стоит впереди, а дополняемое главное слово следует за ним, то мы имеем дело с инвертированной пассивной моделью. Ср. *Zai nimen meili de tudi shang, peiyu le yi dai you yi dai de gemingjia, sixiangjia, kexuejia, wenxuejia, yishujia* 'На вашей прекрасной земле поколение за поколением выросли

революционеры, мыслители, ученые, литераторы, деятели искусства'; *80 niandai suo qude de chengjiu, jin yi bu jianding le wo guo ke zu renmin jinxing shehuizhuyi xiandaihua jianshe de xinnian, zengqiang le kefu kunnan de yongqi he xinxin* 'Достигнутые в 80-е годы успехи еще более укрепили решимость народов, населяющих нашу страну, осуществлять реконструкцию социализма, готовность преодолевать трудности и уверенность в победе'.

Второй тип конструкций с пассивным значением в китайском языке – конструкции с синтаксическим пассивным значением. Это предложения со сказуемым-глаголом пассивного залога (*beidong yutai ju*). Будем сокращенно называть их пассивными предложениями (*beidong ju*). Пассивные предложения образуются из активных (*zhudong yutai ju*) путем трансформации. В отличие от конструкций с морфологическим пассивным значением, которые образуются путем «сокращения» (*jiansuo*), пассивные предложения образуются из активных путем синтаксической трансформации. Правило преобразования активного предложения в пассивное таково. Именная группа, выполняющая в активном предложении роль дополнения, перемещается в позицию подлежащего; переходный глагол активного залога превращается в непереходный глагол пассивного залога; именная группа, обозначающая деятеля, перемещается в позицию косвенного дополнения (обязательную для пассивных предложений).

Если говорить о типичном для пассивных предложений порядке слов, то подлежащее предшествует косвенному дополнению, обозначающему деятеля, и финитному глаголу, а финитный глагол следует за подлежащим и косвенным дополнением. Ср. *Ke guo de shi ying you ke guo renmin ziji qu guan, shijie shang de shi ying you ke guo xieshang jie jue* 'Внутренние проблемы каждой страны должны решаться народами этой страны, международные проблемы должны решаться народами разных стран совместно'; *Lianjia er yingjia de shiwu shou women qinglai* 'Дешевые и питательные продукты вызвали интерес у потребителя'.

В случае инвертированного порядка слов подлежащее ставится после косвенного дополнения, обозначающего деятеля, и финитного глагола (перед косвенным дополнением, обозначающим деятеля, обычно нельзя ставить инфинитивную форму глагола, поясняющую финитную форму). Ср. *Ta bei shitou zapo le jiao* 'Он разбил ногу о камень'; *Ta de yan hen xingyun, you Chen Wei daifu qinzi zuo le shou shu* 'Ему повезло (букв. 'Его глазам повезло'), ему сделал операцию сам доктор Чэнь Вэй'.

Предметом бурных споров является грамматическая интерпретация предложений, в которых за именной группой следует переходный глагол, сопровождаемый показателем *le* или *zhe*, то есть предложений типа *Qian huawan le* 'Деньги истрачены'; *Fan shi gan shuo gan gan de, cha bu duo dou shoujinlai le* 'Почти все, кто не боялся говорить и не боялся действовать, были приняты'. Значительное число китайских языковедов полагает, что стоящая в начале предложения именная группа является подлежащим, а следующий за ней глагол – сказуемым. Автор данной работы, однако, не разделяет этой точки зрения.

Для того чтобы установить, с какой грамматической конструкцией мы имеем дело, необходимо анализировать внешнюю форму выражения отношений, связывающих компоненты данной конструкции, в совокуп-

ности с передаваемым данной конструкцией значением, строго придерживаясь принципа единства языкового значения и языковой формы. В предложении формой именительного падежа может выражаться только ведущее, предиктируемое, слово. Статус подлежащего определяется конструктивными отношениями в предложении. Таким образом, грамматика способна объективно обуславливать статус компонентов конструкции. В пассивном предложении, хотя ведущее слово также выражается формой именительного падежа, непереходный глагол пассивного залога обязательно должен сопровождаться косвенным дополнением, обозначающим деятеля. Вышеприведенные же примеры должны интерпретироваться как пассивная модель (*beidongshi*), поскольку они образованы из каузативных предложений. В конструкциях этого типа главное слово представляет собой дополнение уже опущенного каузативного глагола, а не глагола, представленного в предложении; оно также не является подлежащим. Второстепенное же слово представляет собой поясняющий дополнение глагол непредикативного характера. Однотипной с конструкцией «объект + дополняющее слово» является конструкция «именная группа в винительном падеже + инфинитивная форма глагола», поэтому можно утверждать, что пассивная модель и пассивное предложение – не одно и то же. Такова точка зрения автора.

(Перевод К. Антонян)

*Б.Ю. Городецкий
(Москва)*

ЭКСПЕРИМЕНТ В СЕМАНТИЧЕСКОЙ ТИПОЛОГИИ (на материале дунганского языка)

1. Семантическая типология понимается как часть лингвистической типологии, имеющая своим предметом межъязыковое моделирование плана содержания. Сюда входит и план содержания языка (семантические структуры), и план содержания коммуникативной деятельности (семантические процессы). Центральные вопросы данной дисциплины можно было бы сформулировать следующим образом. Каковы принципы организации знаний в языках мира (каковы принципы их семантизации)? Каковы когнитивные процедуры, совершаемые в ходе языкового общения (прежде всего процедуры понимания и вербализации знаний)? Что в них универсально, а что (и в какой степени) специфично?

Данное направление приобретает в последние годы все более реальные очертания: уже не подвергается сомнению сама возможность семантической типологии; расширился набор теоретических понятий семантики, применимых к разным языкам; стал более устойчивым интерес исследователей к сопоставлению семантических подструктур различных языков.

Общелингвистическая и общегуманитарная роль рассматриваемой дисциплины обусловлена хотя бы тем обстоятельством, что вряд ли можно серьезно говорить об эффективном развитии теоретической семантики вне семантической типологии, о развитии типологии культур –

без учета национально-языковых семантических типов или о развитии когнитологии – без опоры на семантические универсалии.

Исследовательское пространство семантической типологии обширно. Его диапазон, пожалуй, максимален для лингвистической науки: оно охватывает, в конечном итоге, отношение всех человеческих языков ко всей совокупности накопленных человечеством знаний, к самой способности добывать новые знания, к индивидуальной и социальной деятельности человека. На сегодняшний день в этом пространстве освоены лишь отдельные небольшие островки.

Типологию семантических структур естественно строить через типологию семантических подструктур. Центральным рабочим понятием, способствующим объединению и систематизации результатов в рассматриваемой научной дисциплине, целесообразно считать понятие семантического типа. Это некоторая абстрактная семантическая подструктура группы языков, присущая им в том смысле, что в них есть конкретные семантические подструктуры (репрезентанты), соответствующие данной абстрактной подструктуре. Речь идет о выделении межязыковых характеристик, на основе которых происходит типологическое отождествление множеств семантических единиц, их синтагматических отношений (семантических реляций) и их парадигматических отношений (семантических корреляций). Семантический тип как модель, как система характеристик, описанных на определенном метаязыке, является концентратором структурно-семантических особенностей группы языков в данной типизируемой области.

С точки зрения своего «горизонтального» измерения семантическая типология расчленяется на содержательные разделы (в зависимости от видов моделируемых семантических единиц, отношений, комплексов, классов, процессов), а с точки зрения «вертикального» измерения – на определенные этапы типологического обобщения.

Китайский язык и другие языки с преобладанием черт изолирующего строя имеют особенно большое значение как объект семантико-типологического исследования: ведь в них, при наличии очень скромного инвентаря формальных средств, когнитивные и коммуникативные механизмы языка основываются на закономерностях плана содержания в гораздо большей мере, чем в языках иного строя. Тем самым исследование указанных языков позволяет рельефно представить многие семантические потенции человеческого языка вообще.

2. В соответствии с видами содержательных единиц различаются: типология уровней плана содержания (морфо-семантическая и лексико-семантическая типология); типология семантических слоев (типология денотативного, сигнификативного, экспрессивного, семантико-синтаксического слоя).

В соответствии с видами отношений выделяются: реляционно-семантическая типология (типология бинарных реляций, типология более чем бинарных комплексов, типология реляционных схем предложения, типология коммуникативно-смысловых реляций высказывания и связного текста); корреляционно-семантическая типология (типология полисемических корреляций, типология семантических полей, типология семантических категорий). Объединение различных аспектов входит в задачу особого раздела – общей семантической типологии.

Полный цикл семантико-типологического исследования предполагает следующие этапы: четкое выделение типизируемой семантической области в каждом из исследуемых языков; последовательная инвентаризация релевантных семантических фактов: единообразное описание типизируемой области с помощью метаязыка семантико-типологических характеристик; выявление семантических типов, свойственных тому или иному классу исходных языков; расширение исходного типологического класса; уточнение системы выделенных семантических типов; исследование соотношения данной серии семантических типов с семантическими типами по другим типизируемым областям; выявление типологических закономерностей (в том числе универсалий и фреквенталий).

Современное состояние семантико-типологических исследований характеризуется пока еще значительной неравномерностью разработки упомянутых выше разделов и этапов.

Особое внимание следует уделить этапу семантической инвентаризации языков как эмпирической базе типологии. Здесь существенно применение методов экспериментального (полевого) исследования семантики, а также создание и обновление компьютерных баз семантических данных.

3. Под руководством автора проведено комплексное многолетнее экспериментальное исследование семантики дунганского языка (в рамках лингвистических экспедиций МГУ им. М.В. Ломоносова). В настоящее время проводится типологическая интерпретация полученных экспериментальных данных, хотя уже в ходе подготовки и проведения экспериментов присутствовала сознательная типологическая ориентация.

В общем виде полевой метод может быть представлен как тест, в ходе которого носитель языка получает от исследователя задание, и результат его выполнения строго фиксируется. Исследуемый язык, как правило, во многом известен исследователям; однако механизмы той его подструктуры, которые служат предметом изучения, считаются неизвестными.

Большинство разработанных нами конкретных методик опирается на постулат о тесной взаимосвязи парадигматических и синтагматических свойств семантических единиц. Главным (хотя и не единственным) типом полевого исследования стал управляемый дистрибутивный эксперимент в рамках той или иной целевой программы.

Основные рабочие принципы полевой семантики состоят в следующем:

1) четкое предварительное определение семантической области, которая подлежит структурному описанию;

2) курс на исчерпывающее, сплошное описание множества семантических объектов в избранной области (отсюда, в частности, следует, что поставленная задача может решаться только в процессе работы с информантами; анализ текстов какой бы то ни было длины здесь не поможет);

3) предварительная разработка семантического метатипа – искусственного построения, опирающегося на описания языков и предусматривающего имеющиеся в них возможности (это позволяет сократить полевой поиск того, что часто встречается в языках мира, а также успешнее направлять поиск по оптимальному пути);

4) предварительная подготовка необходимых инструментов проведения семантического теста (словников, диагностических контекстов, ситуаций, вопросников, потенциальных значений и т.д.);

5) такая систематизация семантических инвентарей, при которой описание обладало бы объяснительной силой (почему одни значения или сочетания возможны, а другие нет; подобные объяснения наверняка будут опираться на парадигматические признаки слов, поэтому и предварительные, и полевые материалы упорядочиваются по тезаурному принципу);

6) сокращение полевой процедуры с помощью обоснованного предсказания семантических фактов;

7) жесткая процедура работы с информантом, фиксирующая его реакцию на стандартные вопросы;

8) запись хода полевых экспериментов в стандартные протоколы;

9) коллективный характер полевой работы, единообразно осуществляемый всеми исследователями;

10) универсальность методики для всех языков.

Указанные принципы отражаются в наборе заранее разрабатываемых универсальных методик (инструкций) с развернутыми приложениями, содержащими вспомогательные материалы по отдельным языкам. Подготовка к полевой работе обеспечивается должным образом с технической стороны (составляются необходимые картотеки, схемы) и занимает значительно больше времени, чем сама работа с информантом.

В докладе приводятся некоторые экспериментальные результаты, полученные нашими экспедициями (в таких областях, как законы полисемии, синонимии, антонимии, семантические механизмы словосложения, морфосемантические модели глагольной модификации, семантика частей речи и т.д.).

Например, один из экспериментов, проводившихся по проблеме грамматической полифункциональности дунганской лексики, состоял в следующем. Был подготовлен тестовый список явно адъективных лексем и инвентарь диагностических глагольных конструкций: 1) Р-ли; 2) Р-дини; 3) Р-дэли; 4) Р-хали; 5) Р-дэди; 6) Р-хади; 7) Р-йиха; 8) Р-йидяр; 9) Р-щер; 10) Ни Р! Затем в ходе работы с информантом выяснялась возможность употребления каждой лексики во всех этих конструкциях. Протокол эксперимента отражает полученные от информанта развернутые примеры; фиксируются также отрицательные результаты. Так, лексема *бин* 'холодный' может встречаться в первых семи из перечисленных десяти глагольных конструкций: *жыгэ бинли*, *вэ цэ чыни* 'как только это остынет, я буду есть'; *тади ту шоди лян хуэ йиён*, *жүэ кэ биндини* 'его голова горит, как огонь, а ноги холодные' и т.п. Эксперименты данной серии позволяют наметить общую картину организации двух классов слов – прилагательных и глаголов (объединяющий их термин – предикаторы). В частности, установлено, что вероятность проявления глагольных или адъективных свойств у рассматриваемых лексем может изменяться плавно, и поэтому мы с полным основанием можем говорить о едином лексико-грамматическом «суперклассе», который охватывает как типичные, так и нетипичные лексемы базовых классов. Соотношение между этими двумя классами является асимметричным, а именно прилагательные занимают подчиненное положение, так как пра-

ктически любое прилагательное может быть употреблено в типичной глагольной конструкции, но не наоборот. Внутри суперкласса предикаторов на границе двух базовых классов намечается переходная зона, включающая лексемы, являющиеся в полной мере бифункциональными. Эти и другие выводы рассматриваются нами как в связи с традициями китайского языкознания, так и в контексте общей типологии.

*Б.Ю. Городецкий, Т.С. Зевахина
(Москва)*

К СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ МНОГОЯЗЫЧИЯ ДУНГАН

Расширение и углубление свободы в области языковой жизни означает учет интересов каждого народа, каждой социальной группы, каждого человека. Разнообразие языков, используемых людьми, – это неотъемлемая часть их духовного богатства. Долг ученых – давать обществу и государству объективные знания об этом разнообразии, о традициях, потребностях, культурных ориентирах. Реальная картина многоязычия того или иного этноса должна изучаться как на макро-, так и на микроуровне. Более того, именно микроуровень позволяет уловить тенденции развития языковой ситуации. Поэтому полная социолингвистическая характеристика населения должна включать (1) обобщенный макротип многоязычия и (2) спектр актуальных микротипов многоязычия.

В 1970–1980-х годах нами проведен ряд экспедиций по интегральному семантическому описанию дунганского языка, в ходе которых собран материал и по проблеме многоязычия (в работе участвовали студенты отделения теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ). Опорными пунктами полевой работы были села Александровка Московского района Киргизии, Милянфан Кантского района, Ырдык Джеты-Огузского района, а также города Бишкек и Пржевальск.

Для дунганского населения Киргизии обобщенный макротип характеризуется следующими чертами: свободное владение родным языком и активное его использование при общении в сфере семьи, среди односельчан, в производственной сфере при мононациональном составе трудового коллектива; свободное владение русским языком (за исключением некоторых престарелых сельских жителей) и активное его использование в производственных многонациональных коллективах, в сфере отдыха и развлечений за пределами родного села; понимание киргизского языка при более ограниченном владении устной и особенно письменной речью; выборочное владение в разной степени другими языками (уйгурским, казахским, китайским, татарским, карачаево-балкарским, украинским и др.).

Детальное изучение микротипов проводилось, во-первых, методом социолингвистического анкетирования, а во-вторых, экспериментальными методами, которые предусматривали перевод текстов, выполнение коммуникативного задания, анализ печатной продукции. Разработанная нами анкета включает 31 вопрос. Кроме дунган, анкета применялась

также при изучении многоязычия уйгуров, алтайцев и арчинцев. Предполагается сравнение данных, полученных по разным этносам.

Приводим анкету и примеры ее заполнения в ходе полевой работы в селе Александровка.

АНКЕТА¹

по теме:

«МНОГОЯЗЫЧИЕ ДУНГАНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ»

1. Национальность (*д*), родной язык (*д* или *др.*).
2. Пол (*м*, *ж*).
3. Возраст (число полных лет: от 16 и выше).
4. Место работы или учебы, должность, специальность.
5. Образование (*нет*, *н/ш*, *8 кл.*, *ГПТУ*, *курсы*, *сс/о*, *в/о*). Укажите для каждого вида место (населенный пункт), где получено образование.
6. Изучали ли Вы дунганский язык как предмет? (*да*, *нет*).
7. Велось ли преподавание других предметов на дунганском языке? (*да*, *нет*).
8. Место, где в основном прошло детство (до 13 лет).
9. Место наиболее длительного жительства (с 13 лет).
10. Социальное положение родителей (*р*, *к*, *с*), место их рождения.
11. Национальность жены, мужа.
12. Являетесь ли Вы верующим? (*да*, *нет*). Соблюдаете ли религиозные обычаи? (*да*, *нет*).
13. Как часто Вы выезжаете за пределы своего района? (*ч*, *р*, *нет*).
14. Как часто Вы слушаете радио или смотрите телепередачи? (*ч*, *р*, *нет*). Укажите, на каком языке (языках) Вы обычно слушаете радио- и телепередачи?
15. Как Вы понимаете дунганскую речь? (*св*, *ср*, *пл*, *нет*). Как Вы понимаете речь стариков? Как понимаете дунганское радио?
16. Как Вы говорите на дунганском языке? (*св*, *ср*, *пл*, *нет*).
17. Как часто Вы читаете на дунганском языке? (*ч*, *р*, *нет*). (Как Вы понимаете дунганскую газету?).
18. Приходится ли Вам время от времени писать на дунганском языке, за исключением школьных уроков? (*да*, *нет*).
19. Как Вы понимаете русскую речь? (*св*, *ср*, *пл*, *нет*).
20. Как Вы говорите на русском языке? (*св*, *ср*, *пл*, *нет*).
21. Как часто Вы читаете на русском языке? (*ч*, *р*, *нет*).
22. Приходится ли Вам время от времени писать на русском языке? (*да*, *нет*).
23. Как Вы понимаете киргизскую речь? (*св*, *ср*, *пл*, *нет*).
24. Как Вы говорите на киргизском языке? (*св*, *ср*, *пл*, *нет*).
25. Как часто Вы читаете на киргизском языке? (*ч*, *р*, *нет*).

¹ Условные сокращения: *А.* – Александровка; *в/о* – высшее образование; *ГПТУ* – городское профессионально-техническое училище; *д* – дунганин, дунганский; *др.* – другой, другие; *ж* – женский; *к* – киргизский, крестьянский; *кл* – класс; *м* – мужской; *н/ш* – начальная школа; *пл* – плохо; *р* – рабочее, редко, русский; *с*, *служ.* – служащее; *св* – свободно; *ср* – среднее; *сс/о* – среднее специальное образование; *ч* – часто.

26. Приходится ли Вам время от времени писать на киргизском языке? (да, нет).
27. Какими еще языками Вы владеете? Оцените свое знание каждого языка с точки зрения понимания, говорения, чтения, письма. (Иностранные языки, изучавшиеся в учебном заведении, не учитываются.)
28. На каком языке (языках) Вы обычно говорите на работе? (д, р, к, др.).
29. На каком языке (языках) Вы обычно говорите дома? (д, р, к, др.).
30. На каком языке (языках) Вы обычно говорите с родителями? (д, р, к, др.).
31. На каком языке (языках) Вы обычно думаете? (д, р, к, др.). При двух-трех языках желательно указать типичные ситуации.

Пример 1: 1. д – д. 2. м. 3. 59. 4. сторож. 5. ликбез, курсы военных переводчиков восточных языков. 6. да. 7. да. 8. А. 9. А. 10. крестьяне. 11. д. 12. да. 13. редко. 14. ч (и сам участвует в передачах на дунганском языке). 15. св. 16. св. 17. ч. 18. да. 19. св. 20. св. 21. редко. 22. да. 23. св. 24. св. 25. нет. 26. нет. 27. китайский, татарский, узбекский, казахский, карачаевский. 28. д, р. 29. д. 30. – 31. д.

Пример 2: 1. д – д. 2. ж. 3. 31. 4. средняя школа, учитель истории и обществоведения. 5. в/о, окончил университет в г. Фрунзе. 6. нет. 7. нет. 8. г.Фрунзе. 9. г.Фрунзе (последние 6 лет живет в Александровке). 10. служ. 11. д. 12. нет. 13. редко. 14. телепередачи на русском, радио – на дунганском и киргизском. 15. св. 16. св. 17. редко. 18. нет. 19. св. 20. св. 21. часто. 22. да. 23. ср. 24. нет. 25. нет. 26. нет. 27. узбекский – понимаю, казахский – понимаю. 28. р. 29. д – на темы быта; р – о школе, книгах, фильмах, международном положении. 30. р. 31. в детстве на русском, сейчас на дунганском.

Пример 3: 1. д – д. 2. м. 3. 42. 4. колхоз «Дружба», колхозник. 5. 4 класса. 6. нет. 7. нет. 8. А. 9. А. 10. крестьяне, А. 11. д. 12. да. 13. редко. 14. редко (во время радиопередачи на дунганском языке находится обычно в поле). 15. св (стариков – хорошо, радио – плохо). 16. св. 17. редко (не понимает газету). 18. нет. 19. ср. 20. ср. 21. редко. 22. да. 23. нет. 24. нет. 25. нет. 26. нет. 27. нет. 28. д. 29. д. 30. д. 31. д.

О.М. Готлиб
(Чита)

О БАЗОВЫХ КЛАССАХ КИТАЙСКИХ ГЛАГОЛОВ (категориально-парадигматический аспект)

Вопрос классификации глаголов – один из основных и многомерных в лексико-грамматическом описании любого языка. Это определяется самим объектом исследования: по своей численности, а главное – по

своей семантико-грамматической и коммуникативно-прагматической нагрузке глаголы, безусловно, лидируют среди иных частей речи. Фактически все направления грамматики фокусируют свое внимание на тех или иных аспектах глагольной лексики (семантика, валентность, прагматика и т.д.).

В синологии накоплен достаточно большой и очень серьезный опыт классификации глаголов на основании тех или иных категорий. Каждый из этих подходов безусловно заслуживает отдельного детального очерка.

Отличительной чертой большинства из имеющихся классификаций является их альтернативно-дихотомический характер. Категориальные критерии, положенные в их основу, выстраивают классы в виде альтернации, но не парадигмы (действие—недействие, переходность—непереходность, предельность—непредельность и т.д.).

В связи с этим представляется оправданной попытка классификации глаголов в категориально-парадигматическом плане, на принципах видоизменения признака. В основание этой классификации нами положены две пересекающиеся категории – глагольность и сказуемость.

Под глагольностью понимается способность глагольного слова к формоизменению, то есть его способность к участию в тех или иных формообразовательных парадигмах. В качестве маркеров формообразования определяются редупликация, способность принимать временные суффиксы *-лэ* и *-го*, видовой суффикс *-чжэ*, аналитический аффикс страдательности *-бэй* и результативные суффиксоиды, которые (не являясь формообразовательными элементами в строгом смысле) весьма активны и значимы в морфологии китайского глагола.

Сказуемость понимается как способность глагольного слова участвовать в формировании предиката-сказуемого в любой из его разновидностей. При этом выделяются следующие разновидности сказуемого: составное именное, сложное глагольное, простое глагольное.

Указанные маркеры глагольности и сказуемости свидетельствуют о том, что эти две категории в значительной степени покрывают все проявления семантико-грамматического поля глаголов.

Основание глагольности дает следующую парадигму классов глаголов:

1. Минимальной глагольностью характеризуются глаголы-связки, отличающиеся фактически абсолютной аморфностью. К этому классу относятся глаголы *шй*, *сён*, *сйн* и вэньяневский *вэй*. Аналогичными признаками характеризуются и модальные глаголы.

2. Собственно каузативные глаголы весьма редко включают в свой состав формообразовательные элементы. Они не редуплицируются, не участвуют в парадигме залога, не принимают суффикс *-чжэ* и результативные суффиксоиды.

3. Глаголы передвижения в пространстве не участвуют в формировании залоговых отношений, не принимают суффикс *-чжэ*, как правило, не редуплицируются и не принимают результативных суффиксоидов.

4. Бытийные глаголы (глаголы экзистенции) не участвуют в залоговой парадигме, не редуплицируются.

5. Фазисные глаголы не принимают суффикс *-чжэ* и результативные суффиксоиды.

6. Остальные семантико-грамматические классы имеют положительные признаки данного основания (см. табл. 1).

Таблица 1

Парадигма китайских глаголов
на основании категории глагольности

№	Классы	Маркеры					
		редуп- ликация	-лэ	-зо	-чжэ	-бей	результативные суффиксоиды
1	глаголы- связки	—	—	—	—	—	—
2	модальные глаголы	—	—	—	—	—	—
3	каузативные глаголы	—	/+/ —	/+/ —	—	—	—
4	глаголы передвижения	/+/ —	+	+	—	—	—
5	бытийные глаголы	—	+	+	+	+	+
6	фазисные глаголы	+	+	+	—	+	—
7	иные классы	+	+	+	+	+	+

Категориальный признак сказуемости служит основанием для следующей парадигмы семантико-грамматических классов глаголов:

1. Глаголы-связки и глаголы с основной семой бытийности, типа *дāн*, *чэн*, *цзэ*, характеризуются ущербной сказуемостью и не могут выполнять функцию сказуемого без именной части.

2. Аналогичными характеристиками в плане сказуемости обладают модальные глаголы, которые определенным образом описывают отношение агенса-подлежащего к действию-сказуемому. Глаголы этого класса исчерпывают свои сказуемостные возможности исключительно в функции первой части сложного глагольного сказуемого.

3. Своеобразно проявление сказуемости у собственно каузативных глаголов. Как известно, их сказуемостный потенциал реализуется в способности выступать в функции первого сказуемого в предложениях с общим членом (*цзяньюйцзюй*). Представляется, что такое проявление сказуемости также можно рассматривать как ущербное в том смысле, что валентностные возможности такого глагола-сказуемого исчерпываются введением дополнительного актанта, выступающего субъектом

другого действия. Самоостоятельно же глаголы этого типа описывать ситуацию не могут.

4. Полнозначные глаголы понимаются нами как глаголы, которые могут выполнять функцию простого глагольного сказуемого, то есть самостоятельно, без привлечения каких-либо дополнительных компонентов предложения выступать в качестве его предикативного центра. Думается, что этот признак может служить для выявления подобного класса, хотя внутренне он весьма многообразен и может быть классифицирован с самых разных позиций (см. табл. 2).

Таблица 2

Парадигма китайских глаголов
на основании категории сказуемости

Классы	Маркеры			
	составное именное сказуемое	сложное глагольное сказуемое	общий член	простое глагольное сказуемое
1. Глаголы связки	—	—	—	—
2. Модальные глаголы	—	+	—	—
3. Каузативные глаголы	—	—	+	—
4. Полнозначные глаголы	/+/ /+/	/+/ /+/	/+/ /+/	+

Н.Я. Губарь
(Владивосток)

ВОПРОСЫ КЛАССИФИКАЦИИ ГРАММАТИЧЕСКИХ СИНОНИМОВ В СОВРЕМЕННОМ КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ

В настоящее время понятие синонимии определяется как «совпадение в основном значении (при сохранении различий в смысловых оттенках и стилистической окраске) морфем, слов, синтаксических конструкций, фразеологических единиц» [Розенталь, Теленкова, 1976, с.381].

В лингвистике существуют два направления выявления грамматических синонимов: узкое, понимающее грамматическую синонимию как синонимию разных грамматических форм, с общим грамматическим значением [Шендельс, 1959; Шумилина, 1961]; широкое, определяющее синонимию, исходя из общности смыслового содержания описываемой ситуации [Геккер, 1972].

Узкое понимание грамматических синонимов может объединять в основном морфологические и морфолого-грамматические формы слов. При широком понимании грамматической синонимии, принятом большинством исследователей, круг соотносимых единиц значительно расширяется, исследуются целые предложения (простые и сложные), словосочетания, синтаксические конструкции и их компоненты.

В русле двух направлений грамматические синонимы делятся прежде всего на морфологические и синтаксические. Морфологической синонимике современного китайского языка способствует идея факультативности грамматических форм. В отношении морфологических форм китайского глагола это проявляется в возможности выражения того или иного грамматического значения как в суффиксальной, так и в бессуффиксальной формах. «Если форма с "нулем суффикса" замещает суффиксальные, то есть грамматические формы, то она сама есть грамматическая форма» [Солнцева, Солнцев, 1975, с.103]. При этом необходимо отметить взаимодействие форм различных грамматических категорий, а также то, что возможность употребления слова в той или иной категории, в свою очередь, связана с принадлежностью этого слова к определенному лексико-грамматическому разряду слов (подклассу слов). Например, глагольная форма с суффиксом *ла*, выражающая значение совершенного вида, может быть заменена бессуффиксальной формой того же глагола, как правило, только если данный глагол принадлежит подклассу предельных глаголов [Солнцева, Солнцев, 1965]: *пао-цзюй*, *пао-цзюйла* 'побежал'; *цзоудао*, *цзоудаола* 'подошел'.

Морфологические синонимы не представлены широко в современном китайском языке. Учитывая его слаборазвитую формообразовательную и формоизменяющую системы, можно выделить смешанные формы синонимии: морфолого-лексическую и лексико-грамматическую. Так продолженный вид образуется с помощью суффикса *чжэ*, служебного слова *цзай*, либо сочетанием наречия *чжэн* и служебного слова *цзай*: *каньчжэ шу*, *цзай кань шу*, *чжэн цзай кань шу* – 'читает книгу'. Значение начала или продолжения действия передается фазовыми глаголами или с помощью вспомогательных глаголов *цилай*, *сяцзюй*, присоединяемых к полнозначным глаголам: *кайши нянь*, *няньцилай* 'начать читать'; *цзисюй шо*, *шосяцзюй* 'продолжать говорить'. Множественное число передается как с помощью суффикса *мэнь*, лексемами *доу*, *дацзя доу*, так и определенными словообразовательными формами – словами с собирательным значением типа *диван* 'цари' [Рождественский, 1958]. Здесь определенным образом синонимичны друг другу лексические и грамматические средства языка.

К лексико-грамматической синонимии может быть отнесена широко развитая в современном китайском языке синонимия предлогов и союзов. Например: *сян та бяоши ганьсе*, *дуй та бяоши ганьсе* 'выразить благодарность'; *цун шан дао ся*, *цзы шан эр ся* 'сверху донизу'. Синонимичные предлоги часто противопоставлены по стиливому употреблению в разговорном и письменном языках.

Синтаксические синонимы определяются как синтаксические конструкции или их компоненты, имеющие смысловую общность, обусловленную одинаковым составом семантико-синтаксических компонентов, сопряженных в общем типовом значении и характеризующиеся разли-

нием в способе выражения данных единиц в пределах одного или разных структурно-грамматических типов, способные отличаться коммуникативной информацией, смысловыми и стилистическими оттенками [Губарь, 1983].

Синтаксические синонимы структурно подразделяются на синонимичные синтаксические конструкции (предложения) и синонимичные строевые компоненты. Синонимия предложений строится на общности выражаемых ими семантических структур типа: отношение между субъектом и объектом действия; предмет и его локализованное существование; характеристика предмета, связанного с другим отношением «целое—часть».

Синонимия строевых компонентов конструкций определяется критериями их разноструктурности, сходства семантико-синтаксической связи, позиционной нормативностью (по отношению к глаголу-сказуемому), взаимотрансформируемостью.

К данному типу синонимии имеют отношение конструкции, различающиеся синтаксической формой компонентов, и синонимичными оказываются предложения в целом. Например:

1. *Та хаохаордэ сюэси*
'Он хорошо учится';
Та сюэсидэ хэнь хао
'Он учится хорошо';
2. *Во нянь шу, няньла сань нянь;*
Во няньла саньянь-дэ шу
'Он проучился три года'.

Степень синонимичности предложений неодинакова и в зависимости от общих признаков в конструктивно-грамматическом, коммуникативно-синтаксическом аспектах выявляются разные типы синонимичных связей. Предложения, обнаружившие общность в конструктивно-грамматическом аспекте, являются системными синонимами (например, предложения наличия и предложения местонахождения).

Предложения, не имеющие структурно-грамматической общности, а обладающие общим типовым значением только под влиянием контекста, то есть при определенных лексико-семантических условиях, называются контекстуальными синонимами (например, предложения наличия и связочные предложения). Синонимичные отношения между предложениями разных структурно-грамматических типов выявляют межмодельные синонимы (например, двучленные пассивные предложения и предложения состояния).

В границах внутримодельных синонимов различия между предложениями проходят по степени коммуникативной нагрузки и выразительности. При употреблении выделительных конструкций или слов образуются выделительные синонимы (например, предложения с *шэ...дэ*).

Синонимичные конструкции и их компоненты различаются по их употребительности в разных стилях современного китайского языка. Особенно противопоставлены по употребительности в письменном и разговорном стилях служебные слова, предлоги, союзы. Классификация грамматических синонимов строится на языковых фактах данного языка и соответственно отражает специфику китайского языка.

ЛИТЕРАТУРА

- Геккер С.Ф. Библиография по синонимике русского языка (статья вторая)//Синонимы русского языка и их особенности. Л., 1972;
- Губарь Н.Я. Синтаксические синонимы в современном китайском языке/Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1983;
- Рождественский Ю.В. Понятие формы слова в истории грамматики китайского языка. М., 1958;
- Розенталь Л.Э., Теленкова М.А. Словарь-справочник лингвистических терминов М., 1976;
- Солнцева Н.В., Солнцев В.М. О некоторых свойствах морфологических категорий в изолирующих языках//Типология грамматических категорий. М., 1975;
- Солнцева Н.В., Солнцев В.М. Опыт экспериментального исследования функционирования морфологических показателей в изолирующих языках (на материале китайского языка)//Спорные вопросы строя китайского языка. М., 1965;
- Шендельс Е.И. Понятие грамматической синонимии//Филологические науки, 1959, №1;

ШТРИХИ К «ПОРТРЕТУ» АМЕРИКАНСКОЙ СИНОЛОГИИ
(БУДДИЗМ И ЯЗЫК: СОСТОЯНИЕ ПРОБЛЕМЫ)¹

В фокусе интересов американских лингвистов-синологов до последнего времени были проблемы изучения классического древнекитайского и различных аспектов современного китайского языка.

Изучение истории разговорного китайского языка в течение долгого времени оставалось за пределами исследований американских специалистов. И только недавно эта проблема привлекла к себе внимание синологов США². Одной из первых заметных вех на этом пути является книга «Китайский» (в серии «Кембриджские языковые обследования», аналогичной нашей «Языки мира»), ее автор – профессор Джерри Норман (факультет языков и литературы стран Азии, штат Вашингтон).

Одна из глав этой книги как раз и посвящена возникновению и развитию «общедоступного» (англ. vernacular. – И.Г.) литературного языка; при этом для изучения раннего периода развития этого языка в числе главных источников названы буддийские тексты, за ними следуют произведения простонародной литературы. В соответствии со спецификой книг этой серии для автора не является обязательным условием собственный анализ текстов-источников: его информация может быть основана на уже существующих исследованиях. В таком ключе Дж.Норман весьма корректно воссоздает картину состояния языка периода Лючао, а по некоторым позициям затрагивает и эпоху Тан, ссылаясь на ставшую уже классической работу Ван Ли «Опыт истории китайского языка», «Историческую грамматику китайского языка» японского синолога Ота Тацуо, а также на две работы автора этих заметок, из которых вторая – «Очерк грамматики китайского языка III–V вв.» – в соавторстве с И.Т.Зограф, и «Хрестоматию по истории китайского языка III–XV вв.». (Примечательный факт: Дж.Норман – один из немногих американских синологов, свободно владеющих русским языком.)

Наибольший вклад в изучение проблемы возникновения и развития китайского разговорного языка внес Виктор Мейер: благодаря его чрезвычайно энергичной научной и научно-организаторской активности в США выполняются интересные научные проекты по означенной теме. К таковым, в частности, следует отнести Международную конференцию по проблеме нового средневекового общедоступного литературного ки-

¹ Предлагаемые заметки – результат 8-месячного (1993–1994) пребывания в США, где в качестве стипендиата фонда IREX я занималась не только собственными исследованиями, но и в составе группы профессоров (кроме профессора Пенсильванского университета Мейера туда входили ученые из КНР) вела курс «Средневековый разговорный китайский язык» для аспирантов, читала лекции.

² Любопытно, что в качестве одного из главных факторов, вызвавших интерес к проблеме, называется стремление к «демократичности» (!) во всем, включая и выбор направления исследований; вот как это выглядит в конкретном преломлении: не бытовавший в среде образованных аристократов классический язык и жанры литературы, которые на нем создавались, а бывший в употреблении у «простого» народа разговорный язык и соответственно тот слой литературы, который этот язык использовал, достойны быть предметом первоочередного внимания.

тайского языка (Medieval Vernacular Sinitic), проходившую в Пенсильванском университете 1–13 марта 1994 года. Предметом ее рассмотрения были элементы разговорного языка, извлеченные из китайских текстов III–X веков. Элементы эти, особенно когда речь идет о раннем периоде, связаны преимущественно с буддийскими источниками.

В конференции участвовали специалисты разных стран (Китая, Голландии, Италии, России, США и Японии), так или иначе связанные с изучением предмета. В дискуссиях определялись способы и методы выделения элементов разговорного языка в тексте, влияние буддизма на развитие нового литературного языка, базирующегося на разговорном языке. Особое место в обсуждении было отведено проекту словаря нового средневекового литературного общедоступного языка, основанного на разговорном языке, в составлении которого принимает участие большой коллектив авторов из разных стран.

В «установочном» докладе известного голландского синолога профессора Эриха Цюрхера «Разговорные элементы в ранних буддийских текстах: попытка определить круг источников» была предложена новая методология обнаружения аутентичных элементов разговорного языка в буддийских текстах, для чего выявляется круг оптимально «полезных» источников. Последнее достигается путем последовательного «просеивания» и исключения текстов по шести признакам: тексты, написанные почти целиком на классическом китайском (типичны для этой категории переводы, выполненные Кан Сэнхуэем); «вэньянизированные» версии, или литературно обработанные тексты (типичны переводы, выполненные Чжи Цянем); тексты, язык которых искажен за счет стремления максимально приблизиться к некитайскому оригиналу; тексты-формулы; стихотворные тексты; тексты, организованные ритмически в четырехсложные сочетания. Оставшиеся после осуществления указанной процедуры тексты характеризуются как написанные «свободным повествовательным стилем». Именно эта группа источников дает представление о разговорном языке значительно большее, чем остальные памятники того времени. Количество таких текстов Цюрхер определяет числом 86, или 227 цзюанями.

Как автору доклада «Грамматические особенности текста сутры "О девятицветном олене"» (переводчик анализируемого памятника Чжи Цянь был причислен к тем, кто занимался сознательной «вэньянизацией» переведенных до него произведений), мне предстояло провести полный (а не выборочный) анализ текста и показать, что кроме отдельных архаичных элементов (которые содержатся в тексте, но совершенно очевидно ощущаются как явные анахронизмы) в нем отмечено несравнимо больше грамматических показателей из разряда разговорных. С этим вынуждены были согласиться участники дискуссии. Таким образом, мне удалось, как представляется, «реабилитировать» Чжи Цяня. Оценка же его переводческого стиля, данная Цюрхером, – результат наложения общего подхода последнего к отбору текстов. Методика вычленения наиболее «полезных» текстов, несомненно, интересна, оригинальна и важна, на мой взгляд, как одна из составляющих общего подхода к оценке материала. Однако более полная, а стало быть и достоверная картина состояния языка создается в том случае, когда рассматриваются тексты, различные по насыщенности элементами разговорного языка, тексты

различных переводческих стилей. В каждом же конкретном случае следует учитывать при анализе не только новые (разговорные), но и старые (классические) элементы языка, что позволяет увидеть не только абсолютные цифры, но и то, в какой пропорции содержатся те и другие в том или ином конкретном источнике, иными словами, представить каждый памятник во всей полноте, то есть таким, какой он есть.

В докладе организатора конференции профессора В.Мейера анализ конкретного танского текста вывел докладчика на достаточно нетрадиционные суждения и предположения теоретического свойства. Так, демонстрируя максимальную приближенность языка памятника к разговорному, докладчик утверждает, что чисто разговорного языка в ранних памятниках обнаружить невозможно в силу «особенностей системы китайской письменности», в связи с чем в тексте непременно присутствует некая «матрица классического языка». В этом свете язык буддийских текстов, по мнению В.Мейера, – это особый стиль, совмещающий элементы разговорного языка и взняня с влиянием языков стран Центральной и Южной Азии. Такой стиль языка в докладе именуется «буддийским гибридом китайского языка» (*Buddhist Hybrid Sinitic*). Но почему «*Sinitic*», а не «*Chinese*» – это требует весьма пространных пояснений, что невозможно в рамках данных заметок. Укажу лишь, что источник понимания термина «*Sinitic*» восходит к особому видению автора этой концепции проблемы соотношения языка и диалектов в Китае.

Вкладом в исследование проблемы становления разговорного языка, безусловно, является и недавняя обширная публикация В.Мейера «Буддизм и возникновение нового литературного языка в Восточной Азии: становление национальных языков». В статье предпринята серьезная попытка уяснить причины влияния буддизма, разных его аспектов на становление нового литературного языка.

Возвращаясь к конференции, отмечу весьма обстоятельный, серьезно фундированный доклад с довольно сложным, несколько громоздким названием «*On Buddhist Hybrid Sinitic/Chinese*», или *BSCL* – «*Buddhist Scriptures Chinese Language*», который был представлен профессором Сычуаньского университета Чжу Цинчжи. Главный его интерес лежит в сфере буддийской лексики и ее влияния на интенсивное формирование двусложной и многосложной нормы слова в средневековом разговорном китайском. Сычуаньский университет был представлен еще одним участником: массу сведений «толковательного характера», не зафиксированных ни одним справочником, содержал доклад профессора этого университета Сян Чу «Толкования поэмы Хань Шаня».

Не ставя перед собой задачи как-то оценивать развитие означенного в названии заметок направления американских исследований, должна тем не менее справедливости ради отметить: хотя исследования эти находятся только в начале пути, в них наметились достаточно оригинальные подходы, развитие которых обещает интересные результаты.

ЛИТЕРАТУРА

Mair V.H. Buddhism and Rise of the Written Vernacular in East Asia: the Making of the National Languages//The Journal of Asian Studies, 53, №3 (August 1994).

ОСНОВНЫЕ МЕТОДИЧЕСКИЕ ТРЕБОВАНИЯ К НАПИСАНИЮ УЧЕБНИКОВ ПО ПРАКТИЧЕСКОМУ КИТАЙСКОМУ ЯЗЫКУ

Учебник – это безмолвный учитель, главный учебный материал, который может помочь учителю успешно решить задачи обучения. В учебнике должна даваться не только система знаний, подлежащих усвоению, но и содержаться система упражнений, обеспечивающих формирование у обучающихся необходимых умений и навыков. При составлении учебника целесообразно придерживаться принципа многостороннего подхода к изучению языка: изучать язык нужно с различных сторон, различными путями, с помощью различных видов работы.

Эффективность процесса обучения во многом зависит от того, насколько учебник учитывает целевые установки и реальные условия преподавания в учебном заведении.

Целью учебника практического китайского языка является формирование у студентов практических умений и навыков речевой деятельности на основе овладения системой языка, а также создания предпосылки для формирования и развития профессиональных переводческих умений и навыков.

Учебник должен научить студентов практически владеть иноязычной речью в условиях общения с носителями языка, то есть они должны уметь использовать его лексико-грамматический материал не только для перевода чужих мыслей, но и для выражения собственных.

Учебный материал необходимо излагать доступно, чтобы студент мог использовать учебник для изучения нового материала без помощи преподавателя. В связи с тем, что в большинстве вузов России сейчас придают обучению китайскому языку коммуникативную направленность, необходимо выработать основные методические принципы построения учебника по китайскому языку, отвечающие данной целевой установке.

На наш взгляд, они могут быть следующими:

I. Речевая направленность. Весь речевой материал (фраза, текст) должен быть оригинальным и иметь коммуникативную ценность, то есть может быть использован носителем языка в процессе общения. Коммуникативная направленность определяет и систему упражнений. Грамматика в учебнике носит чисто практический характер, помогая созданию у студентов прочных речевых навыков.

II. Система упражнений определяется речевой направленностью учебника и представляет единую систему. Основной целью всей системы упражнений является обучение свободной речи. Устная речь выступает не только как цель, но и как средство обучения. Система упражнений составляется таким образом, чтобы способствовать творческому мышлению, воображению и общему развитию студента.

III. Комплексная подача языкового материала. В учебнике предлагается изучение фонетики, грамматики, лексики и иероглифики на едином языковом материале и для единой цели – обучения устной и письменной речи в пределах программы данного курса обучения.

Упражнения должны формировать у студентов умения говорить, слушать, читать и писать на китайском языке. Комплексная отработка фонетического, грамматического, лексического и иероглифического материала позволяет максимально использовать аудиторное время для развития навыков устной речи. Языковой материал, предлагаемый в учебнике, должен способствовать развитию всевозможных умений и навыков.

IV. Подчинение всего языкового материала изучаемым темам. Отбор учебного материала в текстах и диалогах производится в соответствии с темами, предусмотренными программой.

Темы иллюстрируются оригинальными материалами, дающими определенную возможность для бесед на разные темы. Вокруг этих тем группируются различные виды материала для речи, сливаясь в гармоничное целое. Основу урока в учебнике составляет текст как монологического, так и диалогического характера, с помощью которого вводится тема. Большое значение в учебнике придается лексической и синтаксической сочетаемости, закономерности функционирования языковых единиц.

V. Тематический концентризм. Большинство тем расширяется от урока к уроку, что дает возможность повторить ранее усвоенный материал в новых разнообразных и более сложных связях. Возвращение к уже изученному материалу позволяет его рассматривать под другим ракурсом, сопоставлять с новыми знаниями, анализировать и делать выводы.

Психологией доказано, что для усвоения нового материала необходимо его повторение. Та же тема, но данная в новом контексте, не воспринимается как простое повторение, наоборот – является стимулом к более глубокому овладению еще одной порцией учебной информации. Принцип повторяемости распространяется не только на темы, но и на тренировочные и речевые упражнения, включенные в учебник. В учебнике следует разнообразить типы упражнений, но так, чтобы последовательность упражнений в системе отражала естественный процесс становления умений и навыков, которые необходимо выработать на данном этапе.

VI. Аудиовизуальность учебника обеспечивается: 1) озвучиванием носителем языка основных и дополнительных текстов, диалогов, лексико-фразеологических единиц и ряда упражнений с последующей отработкой их с помощью магнитофона, а также ситуаций общения по определенной теме; 2) демонстрацией видео- и кинофильмов. Для развития навыков аудирования все дополнительные тексты учебника также даются в магнитофонной записи.

Структура учебника определяется целью обучения и его предназначением.

Учебник для начального этапа обучения должен отличаться от учебника, предназначенного для средних и старших этапов, на которых происходит дальнейшее совершенствование навыков устной и письменной речи и формирование у студентов мышления на китайском языке.

Сейчас большинство вузов России ведет обучение китайскому языку по учебникам, изданным в Пекине для иностранцев. Эти учебники представляют собой комплексное пособие, обеспечивающее все аспекты ки-

тайского языка на начальных этапах обучения. Языковой материал организован таким образом, что с самого начала уделяется особое внимание развитию навыков устной речи. Структура этих учебников позволяет научить студентов практически владеть китайским языком (в пределах изученного языкового материала) в условиях общения с носителями языка на бытовом уровне.

На начальных этапах обучения эти учебники обеспечивают овладение правильным произношением, включая тональные различия слов и интонацию предложений различных коммуникативных типов. Лексика расширяется от урока к уроку, что позволяет повторять ранее изученный материал под другим углом в разнообразных комбинациях. Грамматические пояснения даются в виде конкретных, четко сформулированных правил, каждое из которых подкрепляется большим количеством примеров.

Для средних и старших этапов обучения китайскому языку необходимо создать учебник, в котором отражался бы национально-культурный фон Китая, давалось определенное представление о всех аспектах жизни китайского общества, его экономике, политике, культуре, быте, нравах и обычаях и т.д.

Исходя из этой практической необходимости в МГЛУ при непосредственном участии профессора Чжу Канцзи сейчас создается учебник по страноведению (Китай). При отборе учебного материала авторы придавали особое значение его познавательной ценности, научной достоверности и новизне информации, стимулирующих у студентов интерес к изучению Китая.

В учебнике будет представлено 20 тем, охватывающих все аспекты жизни китайского общества. Это найдет отражение в основных текстах и диалогах. Кроме того, каждый урок будет включать дополнительный текст, взаимосвязанный с основным и расширяющий в лексическом плане изучаемую тему. Лексика основного текста строго ограничена и отработана так, чтобы привить студентам умения и навыки правильного сочетания слов.

В текст входят только частотные лексические единицы, имеющие коммуникативную ценность и используемые носителями языка в процессе общения.

Схема построения урока учебника по страноведению:

1. Основной текст монологического характера.
2. Словарь к тексту с примерами словоупотреблений.
3. Лексико-грамматический комментарий.
4. Система упражнений, которая состоит из четырех видов:
 - а) предречевые и речевые упражнения;
 - б) вопросы по содержанию текста и темы, а также задания на составление диалога по заданной теме;
 - в) диалог по теме с использованием лексико-фразеологических единиц данного урока (с небольшим количеством незнакомых слов) и проблемные ситуации;
 - г) упражнения на развитие и закрепление навыков письменной речи.
5. Текст для сопоставительного чтения, расширяющий лексику темы.

Отличие данного учебника от существующих учебников и учебных пособий состоит в том, что в поурочном словаре особое значение придается лексической сочетаемости. После каждой лексической единицы даются примеры словообразования и лексического употребления. Примеры должны продемонстрировать систему китайского словообразования и показать, как данная лексическая единица функционирует среди ранее изученных слов.

Лексико-грамматический комментарий объяснит студентам то или иное языковое явление и проиллюстрирует его примерами с русским переводом.

Совокупность упражнений определяется речевой направленностью учебника и представляет единую систему. В учебнике будут даны различные типы упражнений, составленные так, чтобы их последовательность в системе отражала естественный процесс становления умений и навыков, которые необходимо выработать на данном этапе.

Как показывает опыт, студенты, обучающиеся по учебникам (учебным пособиям), составленным по такой методике, достаточно свободно владеют устной китайской речью, понимают собеседника (носителя языка), свободно выражают свои мысли на китайском языке в пределах пройденного лексико-грамматического материала и изучаемой лексической темы. Естественно, что речевое поведение студента зависит от его индивидуальных особенностей, кругозора, психологического склада, степени владения языковым материалом и ряда других факторов.

*О.И.Завьялова
(Москва)*

О КИТАЙСКИХ ПЕРЕВОДАХ КОРАНА¹

Хотя ислам проник в Китай более тысячи лет тому назад, переводы Корана появились здесь достаточно поздно. Известно, что сведения о китайских мусульманах и китайском исламе, так и не ставшем одной из главных религий в этой стране, в официальных исторических хрониках чрезвычайно скудны. Сами по себе исламские тексты, очевидно, также мало интересовали традиционную китайскую науку, равнодушную к «варварским» идеям и сочинениям.

Фрагменты из священной книги мусульман, в принципе не подлежащей переводу на иностранные языки, включались в работы китайских ученых с XVII века. В 1927 году был опубликован первый полный текст Корана для широкой публики во вторичном переводе с японского подобно первым русским переводам XVII века, сделанным с французского языка. Китайский же текст Корана, восходящий к арабскому оригиналу, относится к 1932 году (аналогичные переводы в России были осуществлены уже в 1870-х гг.). Лишь в 1958 году на Тайване вышел перевод Корана на современный китайский язык, в то время как в КНР аналогичное издание увидело свет в 1981 году. Оно основано на перево-

¹ Настоящий проект осуществлен при поддержке РГНФ.

де, выполненном уроженцем юго-западной провинции Юньнань Ма Цзянем. Известный ученый-арабист, который в 1930-х годах учился в Египте и затем на протяжении многих лет занимался в Пекине научной и преподавательской деятельностью, Ма Цзянь первоначально перевел Коран на вэньян, опубликовав соответствующие фрагменты. Позднее, к 1945 году, был в основном завершен текст на современном китайском языке. Такова история перевода Корана в китайском научном исламоведении.

Еще одна, малоизвестная и по сути дела простонародная традиция переводов арабских религиозных сочинений в Китае связана с уникальной системой записи текстов на китайском языке с помощью арабских букв. Географически распространение этой системы, именуемой «сяоцзин», по-видимому, ограничено только своеобразным сино-исламским коридором, сформировавшимся на территории Китая вдоль Шелкового пути – от Синьцзяна через провинцию Ганьсу и далее вдоль реки Хуанхэ, охватывая область, некогда именовавшуюся Чжунъюань, или Центральной равниной. На западе с традицией сяоцзин (щёжин) знакомы дунгане, проживающие на территории Казахстана и бывших среднеазиатских республик СССР. На востоке она известна вплоть до Шаньдуна, куда китаеязычные мусульмане переселились из провинций Шэньси и Ганьсу.

Тысячелетнее взаимодействие мировых цивилизаций в регионе, получившем условное название «Шелковый путь», охватывает множество народов от Черного моря до Тихого океана, делая этот регион уникальной лабораторией, где до сих пор соприкасаются различные культуры, религии, языки, письменные системы. Послужив одним из каналов проникновения ислама в Китай, Великий шелковый путь объединяет различные в лингвистическом отношении группы мусульманского населения, в том числе и китаеязычные. Происхождение слова «сяоцзин» не установлено, возможно, этот термин, не имеющий иероглифического эквивалента, переводится как 'малые каноны'. Хронологически тексты сяоцзина, которыми мы располагаем, датируются, с одной стороны, приблизительно XVII веком, с другой, – 1950-ми годами. Анализ письменной системы текстов сяоцзина позволил установить, что она явилась результатом сино-иранских (но не сино-тюркских) лингвистических контактов: иранское происхождение графики сяоцзина подтверждается как составом алфавита (наличие чисто персидских графем), так и персидским чтением некоторых букв собственно арабского происхождения, отличающимся от тюркского. Изобилуют в текстах сяоцзина также и персидские заимствованные слова.

Примечательно также, что системой сяоцзин владели не только священнослужители-ахуны (от персидского *āxund* 'учитель'), зачастую сами не слишком грамотные иероглифически, но также и простые мусульмане. С детства они изучали и по сей день изучают эту систему в школах, используя при записи как собственно религиозных, так и бытовых текстов. В любом случае все эти тексты, в том числе и достаточно старые религиозные, написаны на разговорном языке. В диалектном плане они отражают особенности той области устойчивого общения, которую в современных китайских лингвистических работах принято называть ареалом Центральной равнины (или ареалом р.Хуанхэ). Простонарод-

ность текстов сяоцзина предопределяет их своеобразие, в том числе и некоторую графическую ненормированность. Там, где они представляют собой перевод с арабского, особенности китайского языка отчасти связаны со стремлением переводчика как можно точнее следовать арабскому оригиналу.

Похоже, что вне зоны Шелкового пути с системой сяоцзина не знакомы не только мусульмане хуэйцзу (хуэй), проживающие во многих других районах Китая, но также и специалисты-исламоведы, в том числе и священнослужители. Достать тексты на сяоцзине весьма трудно. Известный исследователь китайского языка Бай Шоуи некогда видел Коран, записанный по-китайски арабскими буквами. Тем не менее, впоследствии он так и не смог вновь заполучить это редчайшее издание, оказавшееся вне поля зрения специалистов по китайскому исламу.

В заключение отметим, что даже собственно иероглифические письменные традиции китаезычных мусульман неодинаковы в различных районах страны, хотя изучение соответствующих пока малодоступных материалов остается делом будущего. Следует также упомянуть, что с помощью арабской графики тексты на китайском языке (в том числе, возможно, религиозные) записывались в эпоху Юань (1271–1368), когда монголы широко использовали на средних административных должностях представителей исламских народов. В тот период существовала так называемая «письменность исытифэй», о которой неоднократно упоминают исследователи юаньской эпохи. Происхождение и значение явно заимствованного слова «исытифэй» (в отличие от китайского термина «сяоцзин», оно, напротив, известно только в транскрипции иероглифами) не установлены. Считается, что до наших дней не дошло не только ни одного текста на исытифэй, но даже их списка или отдельных наименований. Тем не менее, образцом этой письменности, как мне кажется, скорее всего является относящаяся к эпохе Юань транскрипция медицинского трактата «Мо цзюэ», проанализированная А.А. Драгуновым. Эта транскрипция отличается от текстов сяоцзина как в графическом, так и в диалектном отношении и, таким образом, представляет собой еще одну параллельную сино-исламскую традицию, которая была связана с официальным делопроизводством эпохи Юань и прервалась с концом этой династии.

*М.И. Задорожный
(Орехово-Зуево)*

ЛЕКСИЧЕСКОЕ ЗАИМСТВОВАНИЕ: ПРИЧИНЫ И РЕЗУЛЬТАТЫ (На материале дунганско-русского языкового взаимодействия)

Теоретически возможно заимствование, казалось бы, только безэквивалентной лексики, то есть такой лексики воздействующего языка, которая служит для номинации в нем понятий и реалий, не имеющих точных соответствий в социокультурной парадигме носителей языка-реципиента, а значит, и лексических соответствий. Это, в частности, так называемая этнокультуроведческая лексика (термин Л.А. Шеймана [14,

с.113)), обозначающая этнотипичные, то есть специфические для того или иного народа, предметы и явления материальной и духовной культуры и быта, в которую входят и так называемые фоновые, или этноконнотативные, слова. Это и понятно. Ведь заимствование при контактах с инациональной культурой прежде всего денотативно безэквивалентных слов есть прямое следствие освоения материальных и духовных ценностей, свойственных одной и не свойственных другой культуре, чем, собственно, и вызывается и ради чего осуществляется культурный обмен. Лингвистическим же результатом такого обмена является, по словам М.Сводеша, «развитие новых коммуникативных символов» [13, с.44], точнее говоря, не собственно развитие, а использование языком уже готовых, в том числе и лексических, единиц, то есть заимствование.

Но это теоретически. Практически же, как отмечал еще Л.П.Якубинский, «данным типом заимствования (то есть заимствования названия в связи с заимствованием понятия или предмета. – М.З.) вопрос о словарном заимствовании ни в коем случае не исчерпывается, хотя обыкновенно имеют в виду именно этот тип» [16, с.60]. Языковая действительность показывает, что наряду с безэквивалентной лексикой заимствуется, и довольно широко, также и полностью эквивалентная по референции лексика, проникновение которой как будто бы не должно иметь места (если, конечно, не иметь в виду полного вытеснения одного языка другим). Так, в нашем материале по результатам обследования лексики десяти номеров дунганской межреспубликанской газеты «Шыйүәди Чи» такие слова составляют внушительную группу – 108 из 361 (немногим менее 30%). Это как собственно русские слова, так и заимствованные самим русским языком (прежде всего интернациональные), которые, имея однословные эквиваленты в дунганском языке, о чем свидетельствуют русско-дунганские словари [11; 12] и в определенной мере дунганско-русский словарь [7], тем не менее не заменяются соответствующими словами дунганского языка, а используются как единственно возможные, словно бы исконные единицы. Сюда входят, например, такие русизмы¹, как 1) *ведомство* (учреждение), 2) *звено* (группа людей как организованная ячейка), 3) *наряд* (документ, распоряжение о выполнении какой-нибудь работы), 4) *отпуск* (временное освобождение от работы для отдыха), 5) *курган* (холм), 6) *контора* (административно-хозяйственный отдел, учреждение или помещение, здание, в котором находится такое учреждение) и др., имеющие соответственно эквиваленты в дунганском языке: 1) *жигуан*, 2) *дуй*, *щёдуй*, 3) *пиндан*, *фалё*, *лингунчянди ланданзы*, 4) *жя*, 5) *лён*, *дунлён*, 6) *ямьн*.

Каковы же причины (или мотивы) заимствования эквивалентной лексики?

В трудах отечественных классиков социолингвистики, прежде всего представителей Петербургской школы – Л.В.Щербы, Е.Д.Поливанова, Л.П.Якубинского, Б.А.Ларина, а также в работах одного из виднейших

¹ В билингвальном плане под русизмом нами понимается любое слово – как собственно русское, так и заимствованное самим русским языком и пришедшее через него в другой язык [2, с.155; 4, с.161; 5, с.161]. Различные точки зрения по этому вопросу изложены в работах Л.П.Крысина [8, с.7–55; 9].

зарубежных специалистов по языковым контактам У.Вайнрайха выделяется пять наиболее общих мотивов лексического заимствования, в том числе и эквивалентной лексики:

1) необходимость в обозначении новых (в частности, инокультурных) реалий – этот мотив в силу его самоочевидности издавна и непременно указывается во всех исследованиях по заимствованиям;

2) социальная значимость (в частности, престижность) контактирующего языка – также довольно часто отмечаемый мотив;

3) недостаточно глубокое владение (в силу тех или иных причин) субъектом переноса первичным языком;

4) психологическая инертность субъекта переноса как проявление в более широком плане психологической защиты;

5) функционально-стилевая доминанта, сверхзадача речевого продукта, включающая семантическую доминанту и выражающаяся в обеспечении функционально-стилистической и смысловой адекватности этого продукта и ситуации общения [1, с.95–101; 10, с.192, 216, 228–229; 15, с.69–72; 16, с.70].

Последние три фактора (мотива) и являются непосредственной причиной «беспричинного» лексического заимствования, то есть заимствования эквивалентной лексики. Эти же факторы лежат и в основе проникновения эквивалентных русизмов в дунганский литературный язык, а через него и в разговорный (возможно, конечно, сначала – в разговорный, а через него – в литературный). Применительно к конкретному материалу они могут быть сформулированы следующим образом:

1) недостаточно глубокое (прежде всего функционально-стилистическое) владение пишущим (либо переводчиком, редактором и т.д.) дунганским литературным языком – факт вполне реальный для носителей дунганского языка, получающих образование на всех ступенях исключительно на русском языке и изучающих дунганский язык лишь как предмет, причем лимитированный учебным временем;

2) психологическая инертность продуцента, которому в силу хорошего, а подчас и лучшего знания русского языка труднее поискать надлежащее дунганское слово, поскольку русское слово первым всплывает в сознании;

3) объективная необходимость, обусловленная, например, требованиями стиля [3, с.131].

На вопрос же о том, какая именно из названных причин (недостаточно ли глубокое владение литературным языком, психологическая ли инертность продуцента, объективная ли необходимость) лежит в основе «алогичного» заимствования (аллолингвизма), можно ответить только путем беспристрастного анализа функционирования заимствованной лексики в конкретных текстах. Лишь в этом случае можно предложить те или иные рекомендации нормализаторского плана, сформулировать разумные принципы языковой политики.

Социальная значимость, престижность воздействующего языка (для предупреждения нежелательных ассоциаций правильнее было бы говорить просто о контактирующем языке) также могут служить основой алогичного заимствования, поскольку ореолом престижности может быть окружена как безэквивалентная, так и эквивалентная лексика. Но чтобы объяснить то или иное заимствование как обусловленное именно

престижными мотивами, необходимы интроспективные исследования, либо данные полевой работы с информантами. Мы такими материалами не располагаем.

С учетом безэквивалентной лексики и факторов, лежащих в основе непереводимости (точнее, непереуеденности) эквивалентной лексики; намечается, по крайней мере, четыре группы непереуедимых слов, которые в силу тех или иных причин не передаются однословами родного языка и потому пополняют или могут пополнить класс заимствуемых единиц, проникающих прежде всего в книжно-письменную, а затем и в устно-разговорную, в том числе и в обиходную, речь:

1) безэквивалентная, в том числе этнокультуролодческая, принципиально «непереуедимая» лексика, попытки «перезначивания» которой приводят к казусам, к неадекватности восприятия (например, если слово *плащ* или *пальто* передать киргизским словом *чапан* – род верхней одежды типа стеганого халата);

2) эквивалентная лексика, «непереуедимая» объективно – по требованию функциональной стилистики;

3) эквивалентная лексика, «непереуедимая» субъективно – из-за недостаточно глубокого знания родного языка;

4) эквивалентная лексика, «непереуедимая» также субъективно – в силу психологической инертности.

Поскольку невозможность однословного «перезначивания» этнотипичных реалий средствами второго языка также объективный факт, это дает основание перестроить данную классификацию следующим образом:

1) объективно (принципиально) «непереуедимая» безэквивалентная, в том числе этнокультуролодческая, лексика;

2) объективно «непереуедимая» эквивалентная лексика – по требованию функциональной стилистики;

3) субъективно «непереуедимая» эквивалентная лексика – из-за недостаточно глубокого знания родного языка;

4) субъективно «непереуедимая» эквивалентная лексика – в силу психологической инертности.

С учетом объективно существующей противопоставленности своего и чужого с точки зрения самого русского языка, то есть разграничения русской лексики на собственно русскую и русско-иноязычную (заимствованную, в особенности интернациональную), что, вероятно, в какой-то мере сказывается на заимствуемости лексических единиц, число таких групп увеличивается вдвое, то есть до восьми:

1) собственно русская объективно (принципиально) «непереуедимая» безэквивалентная, в том числе этнокультуролодческая, лексика;

2) собственно русская объективно «непереуедимая» (непереуеденная) эквивалентная лексика – по требованию функциональной стилистики;

3) собственно русская субъективно «непереуедимая» (непереуеденная) эквивалентная лексика – из-за недостаточно глубокого знания родного языка;

4) собственно русская субъективно «непереуедимая» (непереуеденная) эквивалентная лексика – в силу психологической инертности;

5) русско-иноязычная объективно (принципиально) «непереуедимая» безэквивалентная, в том числе этнокультуролодческая, лексика;

6) русско-иноязычная объективно «непереводимая» (непереведенная) эквивалентная лексика – по требованию функциональной стилистики;

7) русско-иноязычная субъективно «непереводимая» (непереведенная) эквивалентная лексика – из-за недостаточно глубокого знания родного языка;

8) русско-иноязычная субъективно «непереводимая» (непереведенная) эквивалентная лексика – в силу психологической инертности.

Надо заметить, что, обследуя лишь уже продуцированные, готовые тексты, разграничить недостаточно глубокое владение языком и психологическую инертность практически невозможно. Преодолеть эту трудность можно было бы, прибегнув к интро- и ретроспекции, в частности к анкетированию: побудить информантов (авторов, редакторов, переводчиков) проанализировать продуцированные ими ранее (или в момент обследования) тексты.

К настоящему времени мы такими данными не располагаем. Поэтому воспользуемся шестичленной модификацией предложенной классификации, полученной путем сведения параметров «недостаточно глубокое владение языком» и «психологическая инертность» в один – «субъективно»:

1) собственно русская объективно (принципиально) «непереводимая» безэквивалентная, в том числе этнокультуроведческая, лексика;

2) собственно русская объективно «непереводимая» (непереведенная) эквивалентная лексика – по требованию функциональной стилистики;

3) собственно русская субъективно «непереводимая» (непереведенная) эквивалентная лексика – из-за недостаточно глубокого владения родным языком или в силу психологической инертности;

4) русско-иноязычная объективно (принципиально) «непереводимая» безэквивалентная, в том числе этнокультуроведческая, лексика;

5) русско-иноязычная объективно «непереводимая» (непереведенная) эквивалентная лексика – по требованию функциональной стилистики;

6) русско-иноязычная «непереводимая» (непереведенная) эквивалентная лексика – из-за недостаточно глубокого владения родным языком или в силу психологической инертности.

Проиллюстрируем охарактеризованные телеологически (с точки зрения целесообразности/нецелесообразности перевода, то есть заимствования) лексические классы на примере дунганского языка.

Анализ материала показывает, что в дунганских текстах представлены все шесть групп «непереводимой» лексики.

1. *Кремльди* <1> *чѣншон* <2> *Кремлевская* <1> стена <2>. Слово «Кремль» можно было бы перевести дунганским «эквивалентом» *чынчѣн* 'крепость'. Но это не отвечало бы тем ассоциациям, которые возникают в связи с этим словом как обозначением одной из реалий, выступающих в качестве символа России. Именно поэтому «Кремль» неэквивалентно слову *Чынчѣн* и именно поэтому не может быть заменено последним.

2. *Звено* <1> да <2> *мый* <3> *йигэ* <4> *гектар* <5> *дини* <6> *жунла-чыр* <7> 777 <8> *центнержя* <9> *вали* <10> *быйшоли* <11>. 'Звено <1> с <2> каждого <3, 4> гектара <5> земли <6> собрало <10> в среднем <7> (по) 777 <8> центнеров <9> свеклы <11>'. Слово «звено» имеет эквиваленты в дунганском языке – *дуй* и *щѣдуй*. Но любой из этих эквивалентов на фоне других русизмов того же тематического ряда, пришедших в

дунганский язык вместе с соответствующими им новыми, советскими реалиями сельской жизни, такими как *колхоз*, *совхоз*, *бригада* и т.п., звучал бы, по-видимому, диссонансно. Во всяком случае, выбор именно этого варианта в данном контексте не представляется неуместным. С другой стороны, употребление в данном случае вместо слова *звено* слова *дуи* или *щёдуи* было бы, возможно, не совсем точным.

3. *Вунян* <1> *зычян* <2> *доли* <3> *Токмак* <4> *бәли* <5> *заводшон* <6>, *ба* <7> *та* <8> *дафадо* <9> *вон* <10> *ичёнзыни* <11> *гә* <12> *бәлиди* <13> *цех* <14> *литули* <15>. 'Пять лет <1> назад <2> (он) пришел <3> на <6> Токмакский <4> стекольный <5> завод <6>, его <7, 8> направили <9> в <10, 15> цех <14> упаковки <11, 12> стекла <13>'. В дунганском языке исконно существует вполне эквивалентное русизму *завод* слово *гунчон*, правда, соответствующее сразу трем русским словам: *завод*, *фабрика*, *предприятие*. Поэтому вряд ли было столь необходимо употребление в данном контексте именно русского эквивалента. Впрочем, вполне возможно, что в оригинале статьи (в ее русском варианте) здесь было слово не «завод», а «предприятие», которое иначе, как *гунчон* (или *чие*) на дунганский язык, видимо, не переведешь. С другой стороны, если даже в оригинале и встретилось вторично слово «завод», переводчик, стараясь избежать по возможности повторения в тексте одних и тех же слов, заменил его равнозначным исконным вариантом *гунчон*, в связи с чем и употреблено слово *завод*, обретшее в результате «лексического захвата» статус сначала окказионального, а затем, вследствие неоднократного использования, полноправного, общезыкового (во всяком случае, литературно-языкового, а может, прежде всего разговорно-бытового) синонима. Возможно также, что здесь сыграло свою роль и естественное стремление к своего рода деомонимизации, ибо слово *гунчон* семантически недостаточно дифференцировано, обозначая одновременно и завод, и фабрику и вообще предприятие, и при его использовании не ясно было бы, о чем идет речь – о заводе или о фабрике.

4. *Ба* <1> *нахаши* <2> *социализм* <3> *шули* <4> *мэбий* <5> *ванчынман* <6>. 'Взятые <2> социалистические <3> обязательства <1, 4> не <5> выполнены <6>'. «Социализм» – слово интернациональное. Обозначает определенный политический и производственно-экономический уклад общественной жизни. Вместе с новой действительностью в жизнь дунган вошли в свое время и такие новые для них понятия, как «социализм», «комсомол», «колхоз» и др. с соответствующими им обозначениями. Эти обозначения вошли в дунганский язык по необходимости – в силу соответствия реалиям, ранее отсутствовавшим в жизни дунганского народа, и были, следовательно, принципиально непереводаемыми на дунганский язык.

5. *Республикади* <1> *Министрму* <2> *Совет* <3> 'Совет <3> Министров <2> республики <1>'. В дунганском языке слову «республика» соответствует эквивалент *гунхэгуй*. Но в данном случае ближайший контекст, состоящий из заимствованных слов *совет*, *министр*, вынуждает использовать заимствованное же слово *республика*, которое пишущий (говорящий) оценивает, вероятно, как стилистически наиболее совместимое, отвечающее требованию стилистически нормированной сочетаемости слов как одной из составляющих правильности текста.

Слово «партия» имеет в дунганском языке эквивалент дон: *Партия-ди* <1> съезд <2> 'Съезд <2> партии <1>; партийный <1> съезд <2>'.

6. ...*Автор* <1> *щеди* <2> *манфудихын* <3>... (Я.Хавазов) '...Автор <1> очень <3> полно <3> описывает <2>...'. В дунганском языке существует точный эквивалент слова автор – *жўзуәжя*, который вполне уместен в приведенном отрывке, и употребление в нем слова *автор* можно объяснить автоматизмом, стереотипом либо инертностью речевого поведения. О возможности такого допущения свидетельствуют примеры, когда вместо слова *автор* употребляется исконный эквивалент. Ср.:

Нан <1> *жўзуәжя* <2> *фа* <3> *жы* <4> *лән* <5> *базы* <6> *жыләнцы* <7> *за* <8> *дуар* <9> *литу* <10> *фади* <11> *бу* <12> *йиенди* <13> *щян* <14> (Х.Бугазов) 'По <1> утверждению <3> автора <2>, эти <4> две <5> группы <6> прилагаательных <7> в <8, 10> предложении <9> играют <11> не <12> одинаковую <13> роль <14>';

Жўзуәжя <1> *мә* <2> *дуә* <3> *таму* <4>, *е* <5> *мә* <6> *манхун* <7> *нянжяму* <8> (Х.Бугазов) 'Автор <1> не <2> избегал <3> их <4>, а <5> также не <6> дезориентировал <7> читателей <8>';

Жўзуәжя <1> *ба* <2> *та* <3> *чо* <4> *жыму* <5> *пәщәдини* <6> (М.Имазов) 'Автор <1> объясняет <6> их <2, 3> так <4, 5>'.

Слово *жўзуәжя*, (а не автор) употребляется в данном случае сознательными проводниками дунганской культуры и языка – лингвистами и писателями. Но надо сказать, что в той же среде не так уж редко и употребление слова автор. Оно часто встречается, например, у известного знатока и ревнителя чистоты дунганского языка и специалиста по этому языку – Ю.Цунвазо:

Автор <1> *ба* <2> *мый* <3> *йигә* <4> *йуян* <5> *буфыншонди* <6> *хуади* <7> *щефа* <8> *данбындүли* <9> *бәфәдини* <10> (Ю.Цунвазы) 'Автор <1> раздельно <9> объясняет <10> правописание <2, 8> слов <7> каждой <3, 4> части <6> речи <5>'.

Слово *автор* встречается даже в одном из автографов Ясыра Шивазы – патриарха дунганской советской литературы. Ясно, что употребление неисконного варианта проводниками культуры – факт прежде всего чисто случайный, следствие психологической инертности. При этом не исключено также, что имеются тексты, где оба эти слова употребляются одновременно как равноправные эквиваленты. Все это наводит на мысль, что, возможно, в сознании отдельных носителей дунганского языка (прежде всего языковой элиты) или даже в сознании языкового социума в целом слова *автор* и *жўзуәжя* сосуществуют либо начинают сосуществовать как равноправные (в частности, синонимичные) варианты выражения одного и того же понятия, то есть формируют, согласно Л.В.Щербе, зону так называемого «языка с двумя терминами» [15, с.68]. И их употребление регулируется лишь конситуацией общения – бытовым и речевым контекстом.

Интерпретация приведенных фрагментов, представленная в настоящей работе, естественно, не единственно возможная даже в рамках предложенной модели их описания. Тем более она не может быть таковой с учетом всегда существующего, хотя бы теоретически, разброса мнений относительно любого предмета обсуждения. В частности, иная точка зрения на данную проблему изложена в работе М.Х.Имазова [6], кото-

рый объясняет заимствование эквивалентов тем, что они несколько отличаются от исконных слов наличием дополнительных смысловых нюансов, уточняя тем самым соответствующие понятия и пополняя синонимические ресурсы языка [6, с.98–99]. Это верно, по нашему мнению, лишь отчасти – в частности, в тех случаях, когда речь идет о понятиях той или иной степени абстрактности. Примеры же типа *примус* – *чилузы*, *галоша* – *пёхэ*, *телефон* – *денхуа* и других подобных слов, обозначающих конкретно-предметные реалии, вряд ли подтверждают приведенный довод, так как в данном случае ни о каком уточнении, думается, речи быть не может, поскольку такие слова являются, с точки зрения заимствующего языка, абсолютно немотивированными названиями соответствующих денотатов и, следовательно, обозначают их без каких бы то ни было смысловых добавок (нюансов). И «оправдание» в таких случаях заимствований синонимией и есть не что иное, как своеобразное проявление аллолингвизма – терпимости к «чужим» элементам в своем языке. Более адекватно подобные факты, как представляется, объясняет теория лексического захвата Л.П.Якубинского (то есть осмысление лексического заимствования как активно-экспансивного процесса), согласно которой более всего подвержены синонимизации периферийные пласты лексики [16, с.70], к ним как раз и относятся вышеприведенные слова.

Впрочем, любая точка зрения имеет право на существование и заслуживает уважения и понимания. Но несомненно и другое: свою жизненность она должна доказывать путем анализа конкретного материала. Только на основе такого анализа, как подчеркнуто выше, можно выдвигать те или иные предложения нормализаторского характера и формулировать разумные принципы языковой политики.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Вайнрайх У. Языковые контакты. Киев, 1979;
- [2] Задорожный М.И. Из наблюдений над русскими лексическими заимствованиями в дунганском языке//Вопросы дунганской лексикологии и лексикографии. Фрунзе, 1991;
- [3] Задорожный М.И. О факторах заимствуемости эквивалентных лексических единиц: На материале дунганско-русского языкового взаимодействия//Актуальные вопросы китайского языкознания. Материалы V Всесоюзной конференции. М., 1990;
- [4] Задорожный М.И. Русская лексика на страницах киргизской прессы: К программе исследования//Русское слово в языковой жизни Киргизии. Фрунзе, 1984;
- [5] Задорожный М.И. Русские лексические заимствования в дунганском языке//Актуальные вопросы китайского языкознания. Материалы IV Всесоюзной конференции. М., 1988;
- [6] Имазов М.Х. О заимствованиях в корневых языках//Материалы по востоковедению. Вып.1. Фрунзе, 1984;
- [7] Краткий дунганско-русский словарь/Сост. Ю.Яншансин. Фрунзе, 1968;
- [8] Крысин Л.П. Иноязычные слова в современном русском языке. М., 1968;

- [9] Крысин Л.П. К определению термина «заимствование» и «заимствованное слово»//Развитие лексики современного русского языка. М., 1965;
- [10] Поливанов Е.Д. Статьи по общему языкознанию. М., 1968;
- [11] Русско-дунганский словарь/Сост. Ю.Яншансин, Л.Шинло. Фрунзе, 1959;
- [12] Русско-дунганский словарь в трех томах. Фрунзе, 1981;
- [13] Сводеш М. Лексикостатистическое датирование доисторических этнических контактов: на материале племен эскимосов и североамериканских индейцев//Новое в лингвистике. Вып.1. М., 1960;
- [14] Шейман Л.А. Этнокультуроведческая лексика в учебных текстах курса русской литературы для национальной школы //Проблемы учебной лексикографии и обучения лексике. М., 1978;
- [15] Щерба Л.В. О понятии смешения языков//Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974;
- [16] Якубинский Л.П. Несколько замечаний о словарном заимствовании//Якубинский Л.П. Избранные работы: Язык и его функционирование. М., 1986.

М.И.Задорожный
(Орехово-Зуево)

УСЛОЖНЕНИЕ ЗАИМСТВУЕМЫХ СЛОВ КАК ЭТАП ИХ ВЖИВАНИЯ В ИНОЯЗЫКОВУЮ СИСТЕМУ (На материале дунганско-русского языкового взаимодействия)

Любой лексический русизм, попадая в дунганский язык, непременно подвергается опрощению [Задорожный, 1994], суть которого состоит в семантическом опустошении, выветривании, или ослаблении, обесцвечивании [Соляцев, 1995, с.178], то есть десемантизации, составляющих заимствуемое слово значимых компонентов и их стяжении в одну значимую единицу – семантему.

Результатом такого стяжения является униморфематизация основы слова-прототипа и его дефлективизация в целом, то есть утрата былым флексийным экспонентом формосвязывающей функции и превращение его в чисто звуковую составляющую лексемы (иначе говоря, его дисфункционализация).

Но опрощение – не единственная и не неизменная, раз навсегда свершившаяся формально-семантическая трансформация заимствований. Это лишь начальный этап их вживания в иноязыковую систему. Существует и прямо противоположный ему процесс: оживление [Бодуэн де Куртенэ, 1963, с.157, 242], или усложнение (термин введен Н.М.Шанским в 1953 г. в варианте «осложнение»), структуры слова – явление, характерное не только и не столько для исконных, сколько прежде всего для заимствованных слов [Шанский, 1968, с.230]. Если опрощение – это стирание границ между морфемами, то есть утрата морфемной членимости слова или его основы (то же относится и к образованиям более крупным, чем слово), то усложнение – это, напротив,

проявление таких границ – былых или новых. Но для этого нужны определенные условия. Что же это за условия?

Если слово заимствуется в одиночку, то опрощение может оказаться начальным и в то же время конечным этапом его вживания в иноязычную систему.

Если же слово приходит в данный язык (одновременно или в разное время) вместе с родственными словами (хотя бы с одним из них), то это, в результате установления между ним и однокоренными лексическими единицами формально-семантических (в том числе и семантико-словообразовательных) отношений, как раз и создает благоприятные условия как для субъективно осознаваемой, так и для объективной членности данного слова на семантические составляющие, причем не только его самого, но и, естественно, его коррелятов [Поливанов, 1931, с.71; Шанский, 1968, с.229–231].

Наболее типично неодинокое проникновение иноязычных слов парами – одного с аффиксом, а другого без аффикса. «Наличие такой пары в языке-реципиенте дает возможность даже одноязычному лицу расчленять соответствующую двухморфемную единицу на корень и аффикс, а затем распространять употребление этого аффикса, присоединяя его к другим, в том числе и к исконным корням» [Вайнрайх, 1979, с.63].

Иначе говоря, условием усложнения как следующего, более существенного этапа освоения словами-пришельцами жизненного пространства в заимствующем языке является проникновение их группами, или гнездами, той или иной размерности [Крысин, 1975, с.213].

В этом случае язык-источник может достичь высшей степени активности в языковом взаимодействии, непосредственно влияя на воспринимающий язык не только в плане чисто лексического и семантического воздействия (то есть пополнения его словарного состава и расширения и углубления лексико-семантических связей), но и как фактор более глубоких преобразований – тех или иных изменений в его словообразовательной и грамматической (в частности, морфологической) системе, обогащая его тем самым не только инвентарем основ, но и разного рода формантами, что может послужить источником различной степени подвижек в самом слово- и словообразовательном механизме.

Такие преобразования, как качественно существенно новый этап лингвоконтакта, могут найти свое воплощение в производстве форм слов и новых слов в трех направлениях, являющихся последовательно сменяющимися друг друга стадиями вживания заимствований в иноязычную систему, каждая последующая из которых свидетельствует о повышении степени освоенности иноязычных лексем в новой языковой среде, или, если рассматривать этот процесс с позиций заимствующего языка, их освоенности этой средой.

Эти стадии суть следующие:

1) соединение иноязычных основ с иноязычными же основами и словообразующими аффиксами, чему предшествует лишь осознание членности иноязычных лексем [Гимпелевич, 1975, с.192] и функционирование их фактически все еще в опрощенном виде;

2) соединение иноязычных основ, в том числе и ассоциативно вычлененных корневых, с исконными основами и словообразовательными аффиксами;

3) соединение исконных основ (что особенно показательно с точки зрения освоенности чужезычного материала) с иноязычными словообразующими, а в последующем, возможно, и с формообразующими аффиксами – факт только и свидетельствующий об освоенности, а значит, и о собственно заимствованности последних, то есть о полной их выделенности в слове (как значимых единиц того или иного функционального наполнения) и используемости в языке-реципиенте в качестве строевых элементов – средств формо- и словообразования, и потому и могущих квалифицироваться как подлинно новые морфемы этого языка [Панов, 1968, с.220].

Можно привести не один десяток примеров группового проникновения (одно- или одновременного) однокоренных и одноструктурных русизмов в дунганский язык.

Каждая из таких групп содержит от двух до пяти и более однокоренных или одноструктурных слов. При этом, как показывает анализ газетного материала (десять номеров межреспубликанской газеты «Шыйүди Чи»), «гнездящиеся» лексические группы (то есть упорядоченные или могущие быть упорядоченными, с точки зрения русского языка, отношением производности входящих в них однокоренных слов) составляют более четверти выявленных русизмов (106 из 361), встретившихся от одного до нескольких сотен раз. Еще большее число подобных групп обнаруживается по данным анализа словарей. То же самое относится и к формантно структурирующимся группам.

В результате, слова из этих групп оказываются втянутыми не только в один (по корню или аффиксу), но и в двойные ряды соотношений – в ряд слов с тем же корнем: журнал, журналист, журналистка; аспирант, аспирантка; комсомол, комсомолка; трактор, тракторист, трактористка; студент, студентка; артист, артистка; альпинист, альпинистка; интернационализм, интернационалист; капитализм, капиталист; коммунизм, коммунист; социализм, социалист и т.п., и в ряд слов с тем же суффиксом: аспирантка, артистка, альпинистка, комсомолка, коммунистка, журналистка, трактористка; журналист, танкист, тракторист, интернационалист, капиталист, коммунист, социалист; интернационализм, капитализм, коммунизм, социализм; автоматчик, минометчик, наводчик, пулеметчик и т.п.

Тем самым создаются все условия для усложнения заимствований, их членимости уже в сознании носителей дунганского языка на значимые составляющие – морфемы, в том числе и на словообразовательные: -ий(а), -ик, -ик(а), -изм, -ист, -к(а), -ант, -ир, -аций(а), -ор, -ер, -ец, -ат, -атор, -ство, -чик, -ент, -атик(а), -ум, -щик и др.

Иначе говоря, происходит семантизация – наделение тех или иных сегментов заимствуемой лексической единицы смыслом. Применительно к конкретному случаю – дунганско-русскому языковому взаимодействию – семантизация (и, как ее следствие, усложнение формально-семантической структуры заимствуемого слова, обретение им внутренней формы), являясь рецептивной универсалией [Задорожный, 1987; 1988], отвечает вместе с тем и внутренним, типологически обусловленным за-

кономерностям самого дунганского языка, а именно действующему в нем (как, скажем, и в китайском) основному, слогоморфемному, принципу (или закону) структуры исконных слов – морфологической значимости слога, в силу которого слог совпадает в границах с морфемой [Солнцев, 1995, с.14]. Тем самым она восстанавливает действие этого закона, противостоя десемантизации, нарушающей его [Солнцев, 1995, с.179].

И тем не менее что-то мешает признать названные и подобные им суффиксы в качестве полноценных словообразовательных морфем дунганского языка, таких как аффиксы лица *-жён*, *-жя*, *-жязы*, с помощью которых образованы, например, существительные *тежён* 'кузнец' и *мужён* 'плотник' (от *те* 'железо' и *му* 'дерево'), *щежя* 'писатель' и *жошожа* 'соблазнитель' (от *ще* 'писать' и *жошо* 'соблазнять'), *чонжязы* 'певец' и *тежязы* 'танцор' (от *чон* 'петь' и *тё* 'танцевать') и др. Это «что-то» – их словообразовательная инертность. Они не функционируют в дунганском языке как подручный словообразовательный инвентарь, то есть не обладают словообразовательной активностью, не используются как средство пополнения лексического фонда дунганского языка на базе исконных основ, а только вычлняются как лишённые животворящей силы статичные компоненты заимствованных основ, в составе которых – и не иначе – они пришли в дунганский язык.

Поэтому ни об одном из приведенных ассоциативно вычлняющихся русских словообразующих (а тем более формообразующих) аффиксов, несмотря на то, что иноязычные основы с ними оказываются благодаря этому не только членимыми, но также оформленными и даже производными [Крысин, 1975], нельзя сказать, что они стали достоянием дунганского языка в полном смысле этого слова, то есть их нельзя квалифицировать как новые строевые морфемы дунганского языка, поскольку ни одна из них, даже интернациональные вроде *-изм* и *-ист*, не сцепляются с исконными основами этого языка, встречаясь в составе только заимствований и лишь ассоциативно вычлняясь из инолексем, не более.

Вполне правомерно утверждать, что эти и другие аффиксы, вычлнившись в результате формально-семантического соотнесения соответствующих основ, появились в дунганском языке. Но пока, кроме этого утверждения, ничего более констатировать нельзя, так как они недееспособны. Они появились на свет, но не обрели еще подлинной жизни. С их помощью, как уже сказано, не образуются новые слова от исконных основ. Поэтому-то их и нельзя признать морфемами дунганского языка со словообразовательной точки зрения. Они автономны, стоят особняком в системе дунганского языка. Автономную подсистему в словообразовательном отношении представляют в составе его лексикона и слова с этими морфемами.

То же практически относится и к абброморфемам (по терминологии Д.И.Алексеева), то есть усеченным основам (Н.А.Янко-Триницкая называет их аббревиатурными морфемами, а Р.И.Могилевский – слогоморфемами), типа *авто-*, *агит-*, *хоз-* и др., которые в подавляющем числе случаев встречаются только в составе русизмов. По нашим материалам и по данным словарей, с исконными основами синтагматизируются лишь четыре абброкомпонента: *авиа-*, *агро-*, *соц-* и *радио-* (пос-

ледный наиболее активен), причем количество слов с ними не превышает десяти: *авиазадан* 'авиабомба', *агрогунне* 'агропромышленный', *соцпинпин* 'соцсоревнование', *радиогифа* 'радиовещание' и др.

В принципе таких слов могло бы быть, конечно, и больше, если учесть высокую стандартизованность данной модели, а также частотность соответствующих семантем. Но в данном случае, по-видимому, приводится в действие жесткая система фильтров в виде своеобразного теста на совместимость, работающих по принципу «в одну телегу впрячь не можно коня и трепетную лань». Вероятно, поэтому иноязычные (в частности, русские) сложения в дунганском языке чаще всего либо остаются неизменными, либо полностью калькируются.

Несколько больше «повезло» в этом отношении неусеченным основам, которые, соединяясь в ряде случаев (также немногочисленных) с исконными основами, выступают в качестве одного из компонентов полукалькированных слепков с частотных слово- или основосложений русского языка: *музей-фонзы* 'дом-музей', *мэмо-кулинар* 'торгово-кулинарный', *щёнпярхроника* 'фотохроника', *щёнсовет* 'сельсовет', *сыщён-теория* 'идейно-теоретический', *чуанфапункт* 'агитпункт' и некоторые другие. Но и здесь действует та же система фильтров, ставящая заслон массовому проникновению полукалек, хотя в принципе и аброморфемные, и полноосновные полукалькированные образования (будучи сложениями по своей сути) как нельзя более соответствуют ведущей для дунганского языка [Имазов, 1993, с.17], да и для лингвоареала Юго-Восточной Азии в целом [Солнцева, 1985, с.174] и для формоизолирующих языков вообще [Солнцев, 1995, с.14, 132, 174], композитной модели словопроизводства. Действием этого же охранного механизма объясняется, по-видимому, и отсутствие производных, образованных с помощью ассоциативно вычленяемых иноязычных (в данном случае – русских) аффиксальных морфем – суффиксальных, прежде всего, поскольку префиксальных слов практически нет и в самом дунганском языке [Имазов, 1982, с.9].

Таким образом, утверждение о том, что проникновение иноязычных слов гнездами может привести к их усложнению и стать в заимствующем языке вследствие этого источником, стимулом повышения строевой активности составляющих их морфем, в частности аффиксальных, есть лишь констатация такой возможности – не более. Именно может стать. Но может и не стать, примером чему и является дунганско-русское языковое взаимодействие, так и не приведшее к активизации в дунганском языке русских словообразовательных морфем.

Не исключено, конечно, что морфемы названного класса, возможно, и встречаются в соединении с исконными основами в каких-то словах, почему-то не попавших в поле зрения исследователей и лексикографов. Но уже сам факт их незафиксированности говорит о том, что таких слов, даже если они и есть, исключительно мало и что, следовательно, их строевые компоненты находятся, как отмечает В.М.Солнцев, на периферии грамматических средств, характеризуя крайне низкой производительностью [Солнцев, 1995, с.175]. Об активизации же формообразовательных элементов в таких случаях вообще говорить не приходится, поскольку «они не могут существовать лишь в одном слове» [Солнцев, 1995, с.175]. Что же касается русских основ, в том числе и опро-

ценных, то они в этом плане вполне освоены, о чем свидетельствует их достаточно активное взаимодействие с исконными дунганскими аффиксами – как словообразовательными, так и словоизменительными: *колхозжя* 'колхозник', *ипатовжя* 'ипатовец', *сибиржын* 'сибиряк', *славянжымму* 'славяне', *следопытму* 'следопыты', *агрономди* 'агронома', *бригадани* 'бригаду', *заводшон* 'на заводе' и др.

Следовательно, процесс усложнения русизмов в дунганском языке не перешагнул еще рубежа второй стадии, да и вряд ли перешагнет, и их инновационный потенциал не распространяется далее базопоставляющей функции.

Все это еще раз подтверждает одну из типологических аксиом: грамматический, в том числе и словообразовательный, ярус языка значительно менее проницаем, чем лексический, он менее всего подвержен воздействию контактирующего языка [Реформатский, 1967, с.391].

ЛИТЕРАТУРА

Бодуэн де Куртенэ И.А. Николай Крушевский, его жизнь и научные труды (1888); Общие причины языковых изменений (1890)// *Бодуэн де Куртенэ И.А.* Избранные труды по общему языкознанию. Т.1. М., 1963;

Вайнрайх У. Языковые контакты (1953). Киев, 1979;

Гимпелевич В.С. О членимости заимствованных слов в русском языке// Развитие современного русского языка 1972: Словообразование. Членимость слова. М., 1975;

Задорожный М.И. Опрошение заимствуемых слов как результат их адаптации к иноязыковой системе: На материале дунганско-русского языкового взаимодействия// Актуальные проблемы китайского языкознания. Материалы VII Всероссийской конференции по китайскому языкознанию. М., 1994 (1995);

Задорожный М.И. Семантизация как доминанта вербального общения// Экспериментальные исследования семантики. Фрунзе, 1987;

Задорожный М.И. Семантизация как доминанта языкового сознания // Языковое сознание. Тезисы IX Всесоюзного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации. М., 1988;

Имазов М.Х. Грамматика дунганского языка. Бишкек, 1993;

Имазов М.Х. Морфология дунганского языка. Фрунзе, 1982;

Крысин Л.П. Ступени морфемной членимости иноязычных слов// Развитие современного русского языка 1972: Словообразование. Членимость слова. М., 1975;

Панов М.В. Изменение членимости слов// Русский язык и советское общество: Словообразование современного русского языка. М., 1968;

Поливанов Е.Д. За марксистское языкознание. М., 1931;

Реформатский А.А. Введение в языковедение. 4-е изд., испр. и доп. М., 1967;

Солнцев В.М. Введение в теорию изолирующих языков: В связи с общими особенностями человеческого языка. М., 1995;

Солнцева Н.В. Проблемы типологии изолирующих языков. М., 1985;

Шанский Н.М. Очерки по русскому словообразованию. М., 1968.

ПРИНЦИПЫ ОТБОРА ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА
ДЛЯ СЛОВАРНОЙ СТАТЬИ
КОМПЛЕКСНОГО СЕМАНТИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ
(на примере дунганского языка)

Проблема отбора иллюстративного (речевого) материала становится в последнее время все более актуальной в мировой лексикографии. И это закономерно как с практической, так и с теоретической точки зрения. Именно с помощью иллюстративного материала словарь получает возможность сопрягать описание языка как системы с описанием речи как дискурсивного процесса.

Примерами усиленного внимания к этой проблеме могут служить такие факты, как широкая дискуссия о текстовой базе большого толкового словаря современного русского языка, интенсивная работа по развитию Машинного фонда русского языка, публикация серии английских словарей «COBUILD», проведение конференций и семинаров по так называемой «корпусной лингвистике» и т.д.

Отбор иллюстративного материала, включаемого в словарь, опирается на решение следующих вопросов: источники материала; свойства словарных единиц, которые должны проясняться с помощью иллюстраций; место иллюстративных примеров в структуре словарной статьи; приоритеты в отборе речевых иллюстраций (при фиксированном ограничении объема словаря).

Мы покажем решение этих вопросов, опираясь на опыт создания «Дунганско-русского комплексного семантического словаря», который реализован в виде картотеки на Отделении теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ (автор общей концепции – Б.Ю. Городецкий) и в настоящее время готовится к печати совместно с отделом дунгановедения Академии наук Киргизской Республики (соавтор работы – М.Х. Имазов). Особенностью словаря является то, что он широко использует полевые данные, полученные в ходе лингвистических экспедиций.

В целом мы опираемся на пять источников иллюстративного материала: 1) данные целенаправленных семантических экспериментов; 2) собранные и обработанные образцы устной речи; 3) опубликованные тексты (газеты, книги); 4) примеры из опубликованных ранее словарей дунганского языка; 5) речевые примеры, построенные путем интроспекции одним из авторов (М.Х. Имазовым), для которого дунганский язык является родным.

Иллюстративный материал, в идеале, необходим для показа способов актуализации практически всех свойств словарных единиц. Сюда относятся: морфологические и синтаксические характеристики, полисемия, омонимия, сочетаемость, сходства и различия синонимов, противопоставления антонимов, способность к образованию сложных слов, фразеологическая активность.

Иллюстративный материал (в широком смысле) не привязан только к одной определенной позиции в словарной статье. Специфика этого вида словарной информации состоит в том, что он как бы распределен

по всей словарной статье, он может быть подзоной любой словарной зоны.

Приоритеты в отборе речевых иллюстраций (словосочетаний, фраз, высказываний) связаны прежде всего с вопросом о степени предсказуемости тех или иных свойств словарных единиц: нет большой необходимости иллюстрировать то, что легко предсказывается, выводится на основе знания грамматических и структурно-семантических правил. Иначе говоря, словарь стремится отразить в первую очередь индивидуальные свойства описываемой единицы. Кроме того, при определении приоритетности речевого материала предпочтение отдается примерам, в которых актуализировано одновременно несколько свойств описываемой единицы.

Семантический словарь дунганского языка состоит из трех частей: основной, где помещаются словарные статьи на каждое слово, располагаемые по алфавиту; тезаурусной, где значения слов группируются по семантическим микрополям; обобщающего грамматико-семантического очерка.

В основной части словаря предусмотрено использование трех типов словарных статей (по их объему): максимальной, средней и минимальной.

Схема максимальной словарной статьи может быть представлена следующим образом:

1. План выражения лексемы.
 - 1.1. Заглавная форма слова .
 - 1.2. Фонетические и морфологические варианты.
 - 1.3. Информация об употреблении в функциях разных частей речи.
2. Дефиниционная информация.
 - 2.1. Переводы на русский язык (отдельно для каждого узуального значения).
 - 2.2. Толкования (отдельно для каждого узуального значения).
3. Информация о свободных синтагматических связях слова (для каждого узуального значения).
 - 3.1. Информация о сочетаемости в терминах семантических классов.
 - 3.2. Примеры конкретных сочетаний.
 - 3.3. Иллюстративные предложения.
4. Фразеологизмы с данным словом.
5. Сложные слова, содержащие данное слово в качестве одного из своих компонентов.
6. Информация об основных парадигматических связях слова (сведения об основных коррелятах для каждого узуального значения).
 - 6.1. Синонимы.
 - 6.2. Антонимы.
7. Обобщенная компонентная модель полисемии данного слова (то есть отсылки к тем классам тезауруса, в которые входят узуальные значения слова).

8. Отрицательный материал (интересные с типологической и дидактической точки зрения образцы контекстов, в которых употребление данного слова невозможно).

Заметим, что в подзоне 3.1 положительная дистрибуция характеризуется, по возможности, в терминах семантических классов. Так, для прилагательных *ла* 'горький, как перец' и *кӯ* 'горький, как хина' в прямых значениях характерна сочетаемость с классами существительных «пища» и «вкус», но для переносного значения прилагательного *кӯ* – с классом «душевное переживание» (*кӯ вичу* 'горькая обида' и др.).

Экспериментальное исследование семантики опирается на создаваемые заранее лексиконы предикаторов (прилагательных и глаголов) и субстантивов. Все эксперименты условно подразделяются на основные и дополнительные.

Методики основных экспериментов предусматривают различные варианты дистрибутивного перемножения упомянутых лексиконов (что важно прежде всего для установления системы имеющихся в языке узусальных значений). Методики дополнительных экспериментов более разнообразны по целям и по используемым экспериментальным приемам.

Эффективность простейшего дополнительного эксперимента, заключающегося в «свободном извлечении» фраз, можно проиллюстрировать на таком примере: *недѣ* описывается в «Кратком дунганско-русском словаре» [Фрунзе, 1968] как 'истлеть, сгнить', а в протоколах рассматриваемого эксперимента мы получаем следующие естественные, наиболее употребительные ситуации для этого слова: *Жыга чэ недѣли* 'Эта машина заржавела (вышла из строя)'; *Жыга фонзы недѣли* 'Этот дом обветшал'; *Тади щин недѣли* 'У него сердце прогнило (подлая душа)'.

Как видим, эти примеры дают новые переводы дунганского слова, уточняют содержание его узусального значения, показывают спектр его актуализаций (то есть конкретизацию содержания в разных ситуациях), приводят пример фразеологизма, основанного на переносном значении. Показательно, что ни в одном из трех примеров информанта не употребляются переводы, данные в «Кратком дунганско-русском словаре» (в их прямом значении).

К числу существенных для дунганской лексикографии проблем относится вопрос о статусе частей речи и связанный с ним вопрос о принципах практического описания словообразовательных, словоизменительных и синтаксических свойств дунганского слова. Здесь прежде всего имеется в виду словарное отражение такого свойства, как грамматическая полифункциональность лексемы. С первых же шагов в осуществлении нашего словарного проекта мы осознали необходимость получения достаточно полной информации о частеречных потенциях описываемых лексем. Для некоторых из них мы находим сведения такого рода в «Кратком дунганско-русском словаре»: *хэ* 'вредить, губить; вредный'; *чо* 'сердиться; сердитый'; *дуан* 'недоставать; короткий' и т.д. В то же время многие глаголы описаны в словаре без указаний на адъективные значения и наоборот – ряд прилагательных приводится без каких-либо глагольных характеристик (например, *кун* 'пустой'; *ган* 'сухой').

Следовательно, наши эксперименты должны были обеспечить выявление релевантных фактов, касающихся полифункциональности, и дать

представление о вероятностных оценках глагольных и адъективных свойств каждой лексемы (для простоты мы отвлекаемся здесь от субстантивных функций). На этапе обобщения экспериментального материала нужно было решить вопросы наиболее адекватного представления этих свойств лексики в словаре. При этом опыт лексикографии разных языков подсказывает, что проблемы полифункциональности должны решаться в связи с такими классическими проблемами семантики, как полисемия, омонимия, конверсия частей речи, направление словообразовательной мотивации.

Материал по проблеме полифункциональности был получен как в ходе наших основных семантических экспериментов, так и в результате применения двух специальных тестов: по обнаружению глагольных функций у прилагательных и по выявлению адъективных функций у глаголов. Весь комплекс семантических экспериментов позволяет сделать вывод: какое бы семантическое явление мы ни исследовали, мы постоянно сталкиваемся с грамматической полифункциональностью: в речевом поведении носителей дунганского языка наблюдается довольно свободное варьирование глагольных и адъективных употреблений слова.

Например, проводя эксперимент на полисемии прилагательного *суан* 'кислый', мы часто получаем от информанта глагольные конструкции с данной лексемой: *Вэди сычин суандёли* 'Мои дела пропали (букв. прокисли)'. Изучая антонимы для этого прилагательного, мы получаем опять же глагольный противопоставительный контекст: *Жыгэ тон мэ суандё, тяндини* 'Этот бульон не скис, а остался хорошим (букв. сладким)'.

В экспериментах на дистрибуцию глагола *зуэ* 'квасить; испытывать изжогу' мы получаем не только глагольные контексты (*Вэ чыли хан йүли, щинни зуэдини* 'Я поел соленую рыбу, и у меня изжога'), но и адъективные: *Мэма вудёли, чүлэ зуэ видоли* 'Хлеб испортился (сопрел), и появился неприятный запах'.

Таким образом, наш Сводный корпус экспериментальных данных в своих разных разделах содержит множество свидетельств подвижности границ между глагольными и адъективными функциями в пределах одной и той же лексемы. Убедительные примеры из этого корпуса желательно включать в словарные статьи соответствующих лексем: это дополняет их индивидуальный функционально-семантический портрет и не может быть отражено в виде правил грамматики.

Обогащение словаря осуществлялось также за счет примеров из устных рассказов жителей дунганских сёл. Приведем два примера:

1. *Сентябрь йүэни лазы ду хунтуэли, вэму ги дунтян шэлүни, ба лазы, жүцэ, быйцэ йиман яндини* '(Когда) в сентябре месяце перец весь поспевает (краснеет), мы к зиме готовимся, перец, джюцэ, дунганскую капусту – всё солим' (из рассказа «Какие овощи выращивают на огороде»). Здесь мы видим естественное употребление прилагательного *хун* 'красный' в глагольной функции.

2. *Луэка гуэкуйли, ба мян жижицы жүхон, ган бөбэрдэ, ганхон, бу га ю, бу га сыса, гэдэ гуэни луэхон* '(Когда) мы начинаем печь хлеб в котле, (тогда,) тесто на кусочки разорвав, раскатываем тоненько, раскатав, не кладем масло, не кладем ничего, а, положив в котел, выпе-

каем' (из рассказа «Какой хлеб мы делаем»). Здесь прилагательное бэ 'тонкий (о плоских предметах)' употреблено в адвербиальной функции.

*А.М.Каранетьянц
(Москва)*

ФОРМАЛЬНОЕ ПОСТРОЕНИЕ СЕМАНТИЧЕСКИХ ПОЛЕЙ НОРМАТИВНОГО КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА

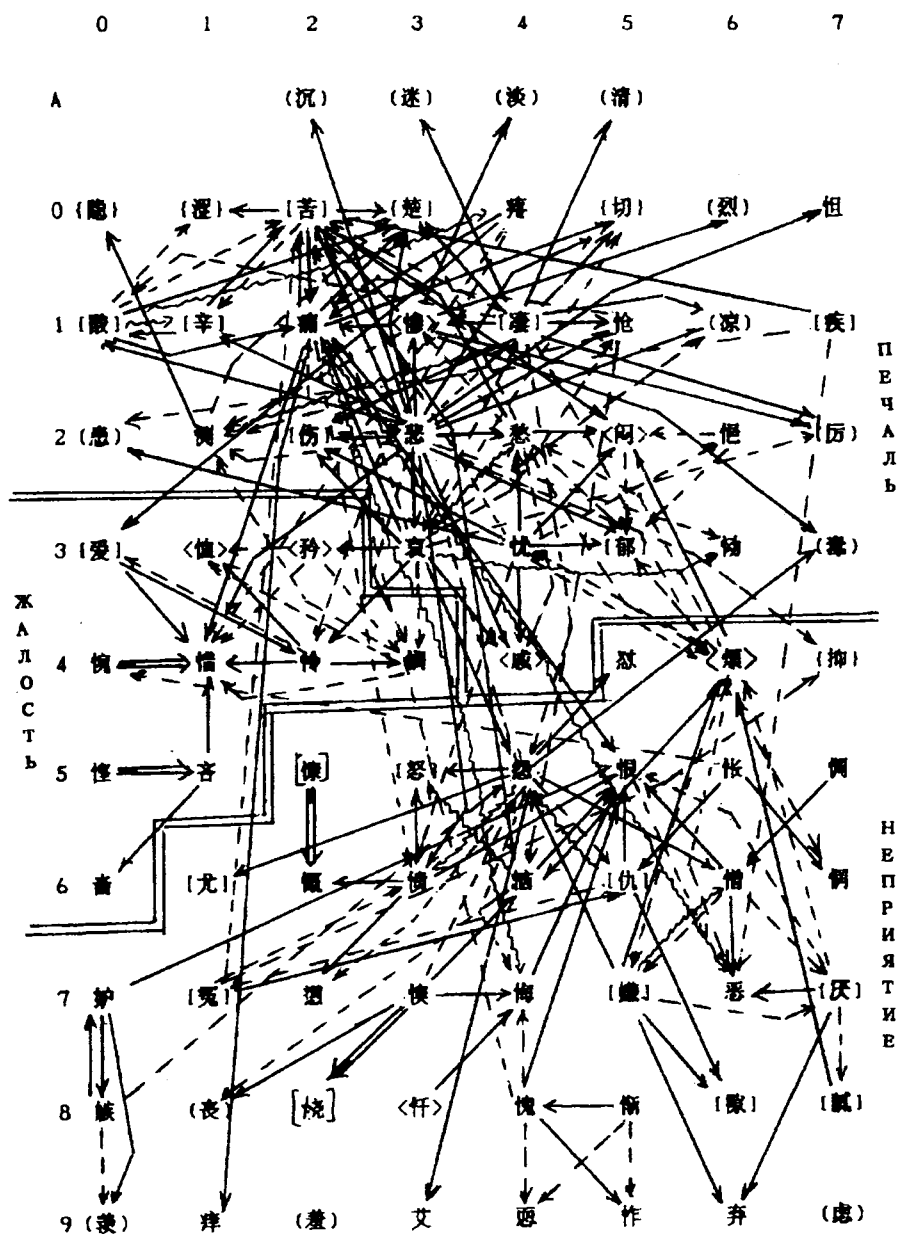
Благодаря наличию большого числа копулятивных сочетаний (прежде всего биномов) парадигматические отношения семантической близости в китайском языке манифестированы в синтагматических отношениях соположенности. Это позволяет формально строить семантические поля исключительно на основании данных и текстов нормативных словарей современного китайского языка (СКЯ).

В словарных статьях, как правило, задаются либо эквиваленты (обычно как развертки, замены и, реже, свертки) соответствующих иероглифов (биномов), либо объяснения. К последним примыкают эквиваленты в виде полуидиоматических сочетаний. Эквиваленты, наряду с самими биномами словников словарей, вовлекают в круг рассмотрения всё новые иероглифы, причем те из них, значения которых вводятся посредством уже имеющихся в поле иероглифа, относятся к тому же семантическому полю.

Данное сообщение ограничивается демонстрацией поля отрицательных эмоций (Схема), построенного на основании четырех базовых источников: Xiandai Hanyu cidian (ХНС), Xiandai Hanyu cidian bubian (ХНСб), Changyong gouci zidian (CGZ) и (шанхайского) Китайско-русского словаря (КРС). Иероглифы, данные на Схеме жирным шрифтом, имеют более одного значения, относящегося к данному полю. Угловые скобки свидетельствуют о том, что к данному полю относятся первые значения соответствующих знаков, квадратные – что эти значения не первые. В фигурных скобках помещены иероглифы, формально безусловно относящиеся к данному полю, но для которых соответствующее значение ни в одном из привлеченных источников не указано. Наконец, в круглых скобках помещены иероглифы, участвующие в некоторых характерных сочетаниях, но, очевидно, к данному полю не имеющие прямого отношения (выход на соседнее поле или «не совсем копулятивное» отношение).

Наличие данного сочетания в источниках обозначено стрелками, сплошными для ХНС, прерывистыми для ХНСб (направление стрелки – порядок следования). Сочетания, фигурирующие только в CGZ, переданы волнистыми стрелками. Двойными стрелками обозначены неразложимые сочетания, их линии соединены у того иероглифа, вместо значения которого указана отсылка к данному сочетанию. Интересно, что КРС, в общем меньший по объему, чем ХНС, имеет сочетания, не зафиксированные даже в ХНСб; эти сочетания (33–24, 33–36 и 64–53) обозначены прерывистыми волнистыми стрелками.

Алгоритм построения поля удобно показать в движении от главных знаков со значением «скорбь» – 23 и 33. Во всех словарях эти знаки

aa喜 ab劳 ac难 ad受 ae深 af过 ag困 ah心 ai抚 aj悼 ak念 al担 am护 an抱
ao后 ap激 aq感 ar发 as生 at气 au失 av意 aw忌 ax慕 ay屈 az麻

имеют еще и значение «милосердие», передаваемое через 42–43. Это значение задает участок «жалость», расположенный слева посередине. Основное же значение указанных знаков передается через 23–22 или 23–12. Значения «ранение» (или «ущерб») и «боль» выводят на периферию поля, но только первое за его пределы, поскольку для значения «боль» связи достаточно сильны. К периферии относятся и участок переносных употреблений вкусовых обозначений (левый верхний угол). Со значением «скорбь» сопряжены (но непосредственно не связаны) значения «подавленность» в буквальном смысле (47) и «резкость/строгость» (27).

Важную часть поля отрицательных эмоций составляет участок «неприятие», центр которого составляют прежде всего иероглифы 54 и 55. Связи между участками, естественно, слабее, чем связи внутри участков. О силе этих связей, наряду с имеющимися на Схеме стрелками (наличие сочетаний – синтагматические связи), могли бы свидетельствовать и объяснения (парадигматические связи следующего уровня), которые можно было показать стрелками, соединяющими стрелки или знаки и стрелки. Однако их нанесение физически едва ли возможно и сделало бы схему совершенно нечитаемой.

Об этих семантических связях позволяет судить Приложение, воспроизводящее основной материал, по которому строилась Схема. В нем перед объяснениями стоит знак =; вошедшие в Схему иероглифы обозначены своими номерами и упорядочены по возрастанию последних, а не вошедшие даны «в натуральном виде». В Приложении биномы и значения, считающиеся находящимися вне данного поля, помечены звездочками, а перед идиоматическими сочетаниями, использованными в качестве объяснений, стоит знак #. Вместо тривиальных (типа «и А, и Б») или описательных объяснений проставлен значок @, а в случае наличия данного сочетания только в CGZ или KPC вместо объяснения фигурирует значок &. Иерархию источников отражают скобки – угловые для ХНСб, квадратные для CGS и фигурные для KPC. Когда приводится только часть объяснения, она заключается в круглые скобки.

Семантическое соотношение составляющих биномов колеблется от идентичности до смежности, однако граница поля остается достаточно определенной. Частично она подтверждается антонимическим полем, связанным со Схемой еще и через знак 30, в основном соотносимым с полем «приятные эмоции». К этому же полю примыкает участок «поклонение», представленный знаком 90. Поле «приятные эмоции» аналогичным образом распадается на три участка – «любовь» (слева), «радость» (вверху) и «удовлетворение» (внизу).

ПРИЛОЖЕНИЕ

Знаки перед первым «-»: «*» – ХНСб; «#» – CGZ или KPC.

Знаки между парами на месте «-»: «+» – значение «и»; «##» – атрибутивная связь.

Знаки после адреса второго иероглифа: «!» – другое поле; «?» – описательно; «-» – только основная часть объяснения.

02 2)1202;

-01-1202 -03-1202 *-11-1102 -12-1202 -25-0264-4625

-64-1202-4664 -ac-1202+

04 1)0412; 2)0430 3041
 -12-12 -30-aa30 *-41-0430-4241 *-42-0430,0441
 07 3422,2302
 10 3)2312
 *01-10+01 *02-1110-1202 -03-1110-0203 #-04 #-11 -12-10+12
 11 *2)1102 3)1202,2312
 -02-ab02 -10-1202-2322 -ab-1102-
 12 2)1204 3)2322 2312
 -02-acad -03-2312,0203 -05-2312 -41-A212#4041 -55=ae05#6655
 *63-6355,1255 #-74 #-76 -91-1702
 13 1)2313
 -A4-1416 -02-1413-1202 -06-1416,1413 -12-2313-1202
 *21-1413 -27-1416,1413 -37!
 14 3)-2322acaf
 -A3--1416;2322,5667 -A5-1416 *-02-2313-1202 03-1413-1202
 -05-1416+2333,-2313 *-10-1416-2310 -13-1416-2313 -15-1413
 -16-1413 #-21 -22-1416-2322 -27! *-33-1416+2333,1405
 *-54-2322-3354 *-67-2322,5667
 15 2322
 *12-2312 *-21-2322 *64-7364
 17 2)1202 3)1255
 -02-ag02 #-20 *-76-1255
 21 2322
 -00? *03-2312
 22 3)2322,2333 4)-7746
 *-12-1202 *-23-2322
 23 1)2322 2)4243
 -A2-2333-A212;2322-A225 -02-2333-1202 -03-2302 -05-2312
 -07-2312 -10-2312 -11-2310 -12-22ah -13-1202 *-14-2322-1405
 -15-2322 -16-1416 *-21-2322 -22-22ahacaf -24-2322-3424 -33-22ah
 -35-2322-3435 *-36-2333 -41-2322-4041 *-43-3342 -44-2322
 *-47-2322-4735 -63-2312-6353
 24 3497; -13A4
 -02-3424-0264 *-03-3424-1202 *-13-3324-1413,2313 -25-3424-4625
 *-35-3435 *-44-3422 *-46-3497-0264 *-97-3497
 25 ah46
 *-35-3525
 26 -3424
 *-25-2425,4625 *-35-0225,4735
 30 3)3041
 -41? -42-3041+4243 -ai-0430-
 31 1)4243 2)3497
 32 1)4243,4241
 *-31-4243;4243-ai31 *-41-4241,3042 *-43-4243,3342
 33 1)2322,2312 2)ajak 3)4243
 *-02-2333-1202 *-05-1405 -12-2322,2312 *-14-2322 *-15-3322
 *-16-2313,1416 -22-2322 #-24 *-27-2305 -32-4243,3342 #-36
 -42-4243 *-43-3342 -44-2322,3322 -54-2322-5455
 34 1)3424 2)3420
 *-02-3424-0264 -20-ag02-20ac -22-3424-2322 -24-0225 -25-2425
 #-26 -35-3425 -44-3422 #-46 #-63 -97-3424-alah -ab-3497-ab02
 -ak-3497-
 35 -2322
 40:-41?
 41 3041,5141

42 1)4243,4241 2)30
 *~~30~~-0430 -31-4243 -41-30am -43? -ak=4230-
 43 1)4243 2)3424
 *~~21~~-3342 *~~31~~-4243 *~~41~~-4241
 44 2)3424,2333
 45 5455
 46 1)4525 2)7745 4)45ab
 *~~24~~-4564-3424 -25-0225 *~~34~~-4564-3424 *~~35~~-4525 -64-4525-0264
 *~~76~~-7776 *~~77~~-7745 -ab=2425,3445
 47:
 50:-51-5160
 51 5160
 -41-3041 -60-3041
 52:-62!
 53 6353
 54 1)5455,6555 2)an54
 *~~02~~-5466+1202 -37-6566 -45-5466 -53-5466-6453 -61-5466 #-63
 *~~65~~-5455,6566;2454 -66-6566 *~~72~~-5466-6372 *~~74~~-5466+ao74
 -93-5466
 55 1)6555,5455 2)7455
 *~~76~~-7776
 56 ?
 *~~40~~-4041 -65-5756-6465 -67-5756-A367
 57:-66-2425
 60 5160
 61 2)5455
 62 1)63ap 2)aq62 3)6252
 63 ?; ar53
 -53-asat -55-asat -62? -72-4735-4625 -ap=6353+
 64 1)asat,6355 2)4625,7364
 #-53-6372 -55-asat+5455 *-81-7364,7381
 65 2)6555
 #-54 -55-5455 *-71-7165 -86-6555
 66 7776,55
 -55-7776-1255 *-75-6676,7776 -76-6655,7776 *-77-7776
 67 auav
 70 aw70
 -55-aw70 -80-70aw -90-aw70+90ax -aw=aw70
 71 2)7165,6555
 -02-71ay+1202 *-47--71ay *-63-6355 -65-6555
 72:
 73 4664,7455
 *~~55~~-7455 -64-4664 -74? -81? -82-4664,1274
 74 7374,az74
 *~~12~~-7374-1202 -55-7374
 75 2)7554 3)7776
 *~~46~~-7746 -54-5455 #-66 -76-7776 *-77-7776 -86? -96-7776+
 76 9777,6655
 77 2)7746,7576 3)6676,7776
 -46-75ba46+9777 *-55-7776-1255 -76? *-87-8746,7776 -96-7776+7596
 80 1)70aw 2)6655
 #-55 -70-aw70 *-90-8070+90ax
 82:

83 1)8374
-74?
84 8584
#-12 -55? *-74-9184-7455 *-94-8584 -95-8584
85 8584
-84? *-94-8584 *-95-8584
86 4)?
87 2)8746,7746
-46-7746,9777
93:5493
94 8584
95 8584

*В.Б.Касевич, Р.Р.Котов
(С.-Петербург)*

ЯЗЫК И ПРОСТРАНСТВЕННАЯ ОРИЕНТАЦИЯ (на материале китайского языка)

В настоящем сообщении будут затронуты лишь некоторые проблемы, связанные со взаимоотношением когнитивного опыта – восприятия и интерпретации пространственных отношений, пространственной ориентации – и собственно языковых параметров; соответствующие вопросы освещаются здесь на материале экспериментального изучения когнитивной и речевой деятельности носителей китайского языка.

Базовые пространственные оппозиции типа «верх – низ», «(с)перед(и) – (с)зад(и)» несомненно относятся к когнитивным примитивам. Как таковые, они предопределены генетически и не подвержены влиянию опыта и языка. Очевидна релятивность части параметров такого рода. «Верх» и «низ» пространства в нормальных условиях – абсолютные координаты, заданные направлением гравитации и прямохождения; «верх» и «низ» предмета, как и оценки «выше», «сзади» и т.п., суть всегда характеристики по отношению к некоторой точке отсчета: при изменении точки отсчета меняются и соответствующие оценки. Частичное исключение должно быть сделано для ингерентно асимметричных объектов. Так, у человека «верх» неизменно ассоциирован с головой, а «перёд» – с лицом вне зависимости от пространственной ориентации; аналогично у зеркала «передней» всегда будет отражающая поверхность, опять-таки безотносительно к реальному расположению в пространстве.

Обосновывая свои взгляды на невозможность недискурсивного «мышления образами», Дж.Фодор [Fodor, 1980] ссылается, среди прочего, на пример Л.Витгенштейна [1995]: изображение человека, карабкающегося в гору, неотличимо от изображения человека, спускающегося с горы. Пример призван продемонстрировать, что образ как таковой не является самодостаточным для интерпретации – он нуждается в уточнении с помощью дескрипции (image-under-description), что мы не будем сейчас обсуждать [Касевич, 1995]. Нас больше интересует дру-

гой аспект проблемы, связанный с самой *равновозможностью*, если следовать названным авторам, противоположных пространственно-динамических осмыслений для зрительного образа, как бы предданного его когнитивно-языковой интерпретации.

Хотя рассуждение Витгенштейна–Фодора обладает известной убедительностью, обращение к реальной человеческой деятельности – практической, когнитивной, речевой – должно показать, думается, что ситуация сложнее, нежели она представляется. Так, для многих ареалов – в частности, Китая и Юго-Восточной Азии – существенно деление этносов на горные и равнинные, или долинные (где признак «цивилизованности» обычно ассоциируется с последними). В соответствии с традиционным местом обитания, для горцев спуск выступает как «уход», а подъем – как «приход, возвращение», для долинных же насельников соотношение обратное. Иначе говоря, спуск и подъем в обоих случаях – притом поразному – оказываются асимметричными, где асимметричность обусловлена своего рода геокультурными факторами.

Свою лепту в установление типа пространственной ориентации может вносить и язык. Один из примеров роли языковых или метаязыковых знаний в выборе пространственной ориентации (скорее, маргинальный, но тем не менее, представляющийся интересным) можно видеть в описанных ниже результатах небольшого эксперимента, выполненного на материале китайского языка.

В эксперименте участвовало 23 испытуемых – студентов китайских вузов, преимущественно уроженцев равнинных провинций; в дальнейшем изложении фигурируют ответы 19 испытуемых (ответы четырех пришлось исключить по тем или иным причинам). Испытуемым предлагалось описать ситуацию, изображенную с помощью двух схематических рисунков. На рисунках-схемах был представлен холм, на левом склоне которого находились, одна под другой, две одинаковые фигурки – схематизированные «человечки». Оба рисунка были абсолютно идентичны, но на первом из них (далее рис. 1) фигурка, расположенная выше по склону, была помечена литерой А, а фигурка, расположенная ниже, – литерой В, на другом же рисунке (рис. 2) соотношение фигурок и литер было противоположным; латинский алфавит был, разумеется, хорошо знаком всем испытуемым студентам. Рисунки предъявлялись последовательно: сначала рис. 1, а затем – рис. 2.

Сразу же следует отметить, что 42% испытуемых (8 из 19, 16 ответов из 38) оценили обе ситуации как статические: используя глагол *zài* 'находиться', испытуемые просто констатировали, что А и В находятся на склоне холма (горы). К сожалению, мы не располагаем сравнительными данными по аналогичному эксперименту на материале других языков, например, русского. Однако предварительно можно предположить, что здесь проявилась определенная склонность к статической трактовке пространственной ситуации при возможности выбора между ее статическим и динамическим осмыслением. Кроме того, характерно использование «абстрактного» глагола 'находиться' там, где русский язык предпочел бы более «конкретные» глаголы типа *стоять*.

Во всех тех случаях, когда испытуемые интерпретировали ситуацию как динамическую, можно усмотреть вполне четкие закономерности. Лишь трое испытуемых (двое на материале рис. 1 и один на материале

рис. 2) трактовали движение как ненаправленное, используя глагол *zōu* 'идти'. Всем остальным движение виделось как направленное – подъем на холм или спуск с холма. При этом ни один из испытуемых не интерпретировал рис. 1 как изображение спуска с холма. Последнее можно объяснить асимметричностью тroyакого рода. Во-первых, уже сам по себе подъем (по крайней мере для «равнинного» сознания) – исходный, или немаркированный, член оппозиции: для того, чтобы спуститься, необходимо прежде подняться. Во-вторых, левый склон также естественнее трактовать как исходный в восприятии процесса «подъем—спуск», если учесть, что зрительное восприятие нормально разворачивается в направлении слева направо. В-третьих, – и здесь как раз вступает в игру языковой (метаязыковой) фактор – естественно полагать, что персонаж, помеченный как «А», находится впереди и/или выше, но это и указывает на ситуацию подъема. (Добавим, что и при статической интерпретации ситуации некоторые испытуемые указывали, что «А находится выше В».) Когда следствия всех трех видов асимметричности оказываются сфокусированными в одной точке, интерпретация становится почти единственно возможной.

Для ситуации, отвечающей рис. 2, где можно видеть разнонаправленность действия части факторов, уже нет такого же единообразия в ответах. Преобладают ответы «спускаются», «возвращаются» с использованием глаголов *xià* (*shān*), *guī lái* и т.п. Лишь трое испытуемых интерпретировали ситуацию как подъем на гору, употребив глаголы *dēng* (*shān*) и *shàng* (*shān*).

Поскольку, как сказано выше, единственное отличие предлагаемых схем состояло в маркировании «персонажей» с помощью литер А и В (где первая предшествует второй в латинском алфавите), то можно заключить, что языковая (метаязыковая) компонента ситуации оказалась самым сильным среди факторов, определяющих выбор возможной интерпретации. Иначе говоря, равновозможность разных интерпретаций тождественных объектов – в известной мере фикция; она нарушается, когда в игру вступают культурные и языковые параметры, способствующие тому или иному выбору или даже навязывающие его.

В протоколах эксперимента проявилась и другая особенность отражения в китайском языке пространственных отношений, уже не связанных прямо с ориентацией. Это тенденция к *атомизации* ситуаций, или, иначе, к поверхностному фиксированию максимального числа предикатов [Касевич, 1993; Kasevich, 1994]. Наряду с «простыми» описаниями, преимущественно относящимися к статической трактовке ситуации, наподобие *A zài B de shàngmian* 'А находится выше, чем В', довольно широко представлены комплексные детализированные описания, где средствами одного или более предложений описываются различные аспекты пространственного расположения персонажей относительно друг друга и/или места (холма), ср.: *A zǒu zài B de qián shàngmian* 'А идет впереди [и] выше В'; *A hé B tóngshí dēng yī zuò shān. A zài B de qiánmian* 'А и В одновременно поднимаются на гору. А находится впереди В'; *B zài shānjiǎo, A zài shānyāo* 'В находится в нижней части (букв. на ноге) горы, А находится в средней части (букв. на поясице) горы' и т.п.

Здесь, на материале выражения пространственных отношений, статических и динамических, можно видеть, как влияние языковых зако-

номерностей на оформление когнитивного опыта, так и определенную собственно синтаксическую черту – относительную неразграниченность простого и сложного предложений вернее, аналогов этих структур, как они представлены во флективных и аналитических языках, ср. [Bo Yixian, 1990].

*В.Б. Касевич, Е.Ю. Петровский
(С.-Петербург)*

**ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ
СЕМАНТИКИ И ПРАГМАТИКИ ОЦЕНКИ
В РЕЧЕМЫСЛИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КИТАЙЦЕВ**

Достаточно давно известно, что семантическое пространство оценки шкалировано. Известно также, что оценка обычно предполагает существование некоторого эталона сравнения. Меньше, кажется, обращалось внимания на то, что, во-первых, возможна множественность эталонов (подобно множественности классификаций данного ансамбля объектов в зависимости от выбора основания, признаков); во-вторых, стратегии оценки не исчерпываются соотносительностью с эталоном; в третьих, разные стратегии оценки обычно иерархизированы, причем иерархия меняется с изменением объекта оценки.

Именно названные аспекты достаточно отчетливо проявились в материалах экспериментов с участием испытуемых-китайцев; некоторые результаты этих опытов излагаются в настоящем сообщении.

В экспериментах, которые проводились в Пекине в 1993–1994 годах, интервьюировался 51 испытуемый; все участники опытов были студентами Столичного педагогического университета, коренными пекинцами. Испытуемому предлагалось ответить (письменно) на следующие пять вопросов:

1. Какое яблоко Вы назовете большим?
2. Какой дом Вы назовете большим?
3. Какой дом Вы назовете высоким?
4. О каком доме Вы скажете, что он находится далеко?
5. О каком городе Вы скажете, что он находится далеко?

Ниже основное внимание уделяется ответам, которые отмечены у более чем 5% испытуемых. Как вопросы, так и ответы даны здесь, в целях простоты изложения, в переводе на русский язык. К сожалению, мы не имели возможности провести развернутое сравнение оценочных стратегий наших испытуемых с аналогичными результатами на материалах других языков: материалы такого рода в доступной нам литературе отсутствуют или же касаются лишь части затрагиваемых нами аспектов (В. Шабес, 1989).

Изучение протоколов испытуемых показывает, что общий набор оценочных стратегий присутствует, с некоторыми вариациями, в ответах на все или большинство вопросов. Однако удельный вес, вероятность появления ответа того или иного типа (то есть использования той

или иной стратегии) существенно зависит от типа вопроса, от природы подлежащего оценке объекта.

Всего можно выделить пять разных стратегий оценки.

Первая стратегия – это стратегия синонимического преобразования. Она выдвигается на передний план для вопроса 1 и, с некоторыми оговорками, для вопроса 2: 29% испытуемых в ответ на вопрос «Какое яблоко Вы назовете большим?» дали синонимы типа «крупное» и т.п. Аналогично среди реакций на вопрос 2 «Какой дом Вы назовете большим?» 29% случаев было представлено ответами типа «высокий», «высотный», «очень высокий» и т.п. Признаки «высокого дома» (вопрос 3) также могли быть реализованы в виде описания-чэньюя «дом, который возвышаясь, вонзается в облака» и т.п., однако здесь этому типу реакции отвечает лишь около 8% ответов. Вопрос 4 о далеко находящемся доме вызвал сходную реакцию (но с добавлением ориентира) в менее чем 2% случаев (ответ «если дом довольно далеко от университета»), а в 6% случаев был дан ответ «самый далекий». Вопрос 5 вообще не породил ответов данного типа.

Описанная здесь стратегия I примечательна тем, что вместо «высказываний о мире» испытуемый фактически предлагает «высказывания о словах» (в сущности метаязыковые): порождая синонимы, испытуемые не выходят за пределы пространства языка и суждений о языке. Отчасти такая реакция провоцировалась формой вопроса «Какое яблоко Вы назовете большим?», «О каком доме Вы скажете, что он большой?», но испытуемые устанавливали отношения не между знаком и референтом, а между одним знаком и другим(и). Ясно, что с лингвистической точки зрения, эта стратегия наиболее интересна.

Вторая стратегия – это оценка относительно нормы-эталона или некоторой точки отсчета. Для вопроса 1 доля таких ответов составила 27% (варианты: «яблоко, рядом с которым находится меньшее по размеру» – ситуативно-относительная оценка, восемь ответов, и «яблоко, размеры которого превышают стандарт» – сравнение с эталоном, шесть ответов).

Вопрос 2 собрал 17% аналогичных ответов («больше других домов»), вопрос 3 – 16% (где также присутствовали ситуативно-относительные и эталонно-ориентированные оценки). В ответах на вопрос 4 близкая стратегия избиралась весьма редко и реализовалась своеобразно – с добавлением перцептивного компонента: «дом, который выглядит меньше, чем одинаковый с ним по высоте» – один ответ; «дом, размеры, которого в перспективе очень малы» – один ответ. Вопрос 5 не вызвал реакций сходного типа.

Третья стратегия – обращение к некоторой системе мер. Так, отвечая на вопрос 1, испытуемые в 14% случаев сослались на диаметр яблока от пяти до десяти сантиметров. Для вопросов 2 и 3 мерой была избрана этажность (12% – при вопросе 2 и 31% – при вопросе 3). Здесь можно видеть одновременно, что «большой» и «высокий» применительно к дому – асимметричные характеристики: «большой» со значительной долей вероятности трактуется как «высокий», «высокий» же оценивается через этажность, а не размер как таковой (высокий многоэтажный дом нельзя назвать «маленьким», каковы бы ни были остальные два измерения).

Четвертая стратегия – оценка относительно человека: его физических характеристик, его деятельности, восприятия человеком соответствующих объектов. Для вопроса 1 это были ответы: «яблоко, которое не помещается в руке» (всего один ответ), «яблоко, которое можно долго есть» (10% ответов), «красивое, вкусное, сладкое» (6% – здесь количественная оценка подменяется качественной).

В ответах на вопрос 2 данная стратегия реализовались в виде ответов: «дом, в котором живет много людей» (17%), «дом, в котором чувствуешь себя комфортно, светлый, просторный» (6%, также смешение количественных и качественных параметров).

Достаточно разнообразными были ответы в рамках стратегии IV на вопрос 3; здесь явно слышен звуочный перцептивный аспект: «если смотришь на него (дом) снизу и необходимо запрокинуть голову», «крыши которого не видно», «с крыши которого человек кажется муравьем» (отметим изменение позиции наблюдателя по отношению к дому: внизу/наверху), или же аспект деятельности: «если есть необходимость в лифте», «если устал подниматься на верхний этаж». Все эти разновидности реакции собрали небольшое число ответов (один – два).

Сходные реакции на вопрос 4 добавляли преимущественно деятельностный аспект: «если до него (дома) нужно добираться на транспорте», «если, добираясь на транспорте, нужно сделать несколько пересадок» и т.п. (один – два ответа). Аналогичная картина на материале вопроса 5: «город, до которого мне не добраться», «до которого нужно добираться на пароходе (самолете, поезде)» и т.п.; (от двух до пяти ответов).

Наконец, пятая стратегия – это указание на конкретные объекты. В ответах на вопрос 1 эта стратегия не использовалась, применительно к вопросу 2 отмечен один ответ («мой дом»), вопрос 3 вызвал уже три ответа такого рода (6%), вопрос 4 – 24%, а вопрос 5 – 41%.

В целом, переход от стратегии I к стратегии V – это сдвиг от внутриязыковой операции к конкретно-референциальному указанию. Чем освоеннее объект, тем, похоже, выше вероятность ограничения реакции рамками языкового пространства; чем «дальше» объект – тем вероятнее ссылка на конкретно-референтные объекты. Ситуация «человек есть мера всех вещей» занимает, в известном смысле, промежуточное положение.

*И.Б.Кульчицкая
(Москва)*

ДВЕ ФОРМЫ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В СОВРЕМЕННОМ КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ СИСТЕМЫ ЯЗЫКА

1. В языковедческой литературе Китая функция именных суффиксов в современном китайском языке уже получила достаточно полное освещение в лингвистических работах. Однако особые случаи употребления суффиксов, ведущие к возникновению лексических вариантов (но не новых слов), как правило, идентичных в смысловом отношении

Четвертая стратегия – оценка относительно человека: его физических характеристик, его деятельности, восприятия человеком соответствующих объектов. Для вопроса 1 это были ответы: «яблоко, которое не помещается в руке» (всего один ответ), «яблоко, которое можно долго есть» (10% ответов), «красивое, вкусное, сладкое» (6% – здесь количественная оценка подменяется качественной).

В ответах на вопрос 2 данная стратегия реализовалась в виде ответов: «дом, в котором живет много людей» (17%), «дом, в котором чувствуешь себя комфортно, светлый, просторный» (6%, также смешение количественных и качественных параметров).

Достаточно разнообразными были ответы в рамках стратегии IV на вопрос 3; здесь явно звучал перцептивный аспект: «если смотришь на него (дом) снизу и необходимо запрокинуть голову», «крыши которого не видно», «с крыши которого человек кажется муравьем» (отметим изменение позиции наблюдателя по отношению к дому: внизу/наверху), или же аспект деятельностный: «если есть необходимость в лифте», «если устал подниматься на верхний этаж». Все эти разновидности реакций собрали небольшое число ответов (один – два).

Сходные реакции на вопрос 4 добавляли преимущественно деятельностный аспект: «если до него (дома) нужно добираться на транспорте», «если, добираясь на транспорте, нужно сделать несколько пересадок» и т.п. (один – два ответа). Аналогичная картина на материале вопроса 5: «город, до которого мне не добраться», «до которого нужно добираться на пароходе (самолете, поезде)» и т.п.; (от двух до пяти ответов).

Наконец, пятая стратегия – это указание на конкретные объекты. В ответах на вопрос 1 эта стратегия не использовалась, применительно к вопросу 2 отмечен один ответ («мой дом»), вопрос 3 вызвал уже три ответа такого рода (6%), вопрос 4 – 24%, а вопрос 5 – 41%.

В целом, переход от стратегии I к стратегии V – это сдвиг от внутриязыковой операции к конкретно-референциальному указанию. Чем освоеннее объект, тем, похоже, выше вероятность ограничения реакции рамками языкового пространства; чем «дальше» объект – тем вероятнее ссылка на конкретно-референтные объекты. Ситуация «человек есть мера всех вещей» занимает, в известном смысле, промежуточное положение.

*И.Н. Комарова
(Москва)*

ОСОБЕННОСТИ ДЕРИВАЦИИ ОТГЛАГОЛЬНЫХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В ТИБЕТСКОМ ЯЗЫКЕ

Номинационные процессы, происходящие в тибетской лексике, непосредственно связаны с коммуникативной деятельностью человека. «Именование предмета или ситуации есть не только процесс обозначения, но одновременно процесс познания и коммуникации» [Колшанский, 1975, с. 68].

Как известно, глагол является сосредоточием наиболее существенных типологических характеристик тибетского языка (ТЯ).

Анализ способов образования отглагольных имен существительных (ОС) как особого разряда слов, обладающих двойственной сущностью (сочетанием глагольных и именных свойств), выявляет их зависимость от прагматического уровня, то есть от социально-стратификационной дифференциации языка, от территориального, национального, возрастного и прочих статусов участников коммуникативного акта [Labov, 1966].

Широкое распространение процессов номинализации, которое наблюдается в тибетском языке, связано с образованием отглагольных имен существительных, свободно конструируемых по словообразовательным моделям и представляющих открытый класс. Как правило, они не фиксируются в словарях, их употребление ограничивается конкретными ситуациями речевого общения. Упомянутые выше прагматические аспекты имеют несомненное значение при выборе способов образования отглагольных имен существительных. Важнейшим из них является аффиксальное словообразование, нашедшее фрагментарное отражение в некоторых работах тибетологов [Roerich, Tse-Tsung Lopsang Phuntshok, 1957; Wang, 1994]. Аффиксальное словообразование ОС целесообразно представить комплексно в формальном, семантическом и структурном аспектах.

Анализ производных отглагольных имен существительных позволил выявить их некоторые существенные черты: словообразовательные типы, словообразовательные форманты и семантические отношения между мотивирующей (производящей) базой и мотивированным словом.

Поскольку исходной базой является глагол, обратимся к тибетским глагольным формам.

Как известно, грамматические категории вида и времени в ТЯ выражаются аналитическими морфологическими формами глагола, представляющими комплекс знаменательного глагола в сочетании с частицами и вспомогательными глаголами, восходящими к знаменательным глаголам с посессивным и экзистенциальным значениями, обладающими темпоральными характеристиками и выражающими отношение к лицу. Что касается знаменательного глагола, то он имеет парадигму из двух или трех синтетических форм, различающихся значениями настоящего, прошедшего или будущего времени. Эти синтетические временные формы основного глагола образуются посредством внутренней флексии – чередования гласных и согласных фонем, а также тоном: [e – ε – a], [II тон – III тон]:

настоящее время རྩེ་གི་མོད་ qe^{23} ki $yø^{23}$ '(я) делаю' (qe^{23} – основа глагола настоящего времени, ki – частица, $yø^{23}$ – вспомогательный глагол 1-го лица).

прошедшее время རྩེ་གི་མོད་ qe^{23} pa yin^2 '(я) делал' (qe^{23} – основа глагола прошедшего времени, pa – частица, yin^2 – вспомогательный глагол 1-го лица).

будущее время རྩེ་གི་མོད་ qa^2 ki yin '(я) сделаю' (qa^2 – основа глагола будущего времени, ki – частица, yin – вспомогательный глагол 1-го лица).

Тибетское отглагольное имя существительное, опираясь на первичные единицы языка, утрачивает компоненты аналитической глагольной формы (частицы и вспомогательные глаголы) и, сохраняя лишь основу глагола (настоящего, прошедшего, будущего времени), выступает в виде синтетической формы, осложненной аффиксами. Например;

ཅིས་པ་ཇིན་ *chi³ pa yin²* '(я) написал' (*chi³* – основа глагола «писать» в прошедшем времени, *pa* – частица, *yin²* – вспомогательный глагол).

ཅིས་པ་ *chi² pa¹* 'написание, то, что написано' (*chi²* – основа глагола «писал», *pa* – суффикс).

ལཔ་ཀི་ཡེན་ *lap⁴ ki; yø³* '(я) изучаю' (*lap⁴* – основа глагола «изучать» в настоящем времени, *ki* – частица, *yø³* – вспомогательный глагол).

ལཔ་ཀེན་ *lap¹ ngen¹* 'изучающий, тот, кто изучает' (*lap¹* – основа глагола «изучаю», *ngen¹* – суффикс).

В деривационном процессе участвует более двадцати этимологически имеющих различное семантическое содержание, суффиксов [Ну Тап, 1991]: *pa¹*, *ya³*, *kyu²*, *ngen¹* и другие.

Образованные ими отглагольные существительные могут соответствовать предметным актантам со значением субъекта действия, объекта действия и места действия, например, ལེ་ཐོང་ཀེན་ *le¹ tong¹ ngen¹* 'приносящий жертву, тот, кто приносит жертву', རུ་ལ་ *pu² wa¹* 'подарок, подношение', རེཔ་པ་ *zəp¹ pa¹* 'колун'.

В словообразовании тибетских ОС можно выявить несколько типов словообразовательных процессов, выделенных Е.С.Кубряковой [Кубрякова, 1981, с.25]: словообразование по аналогии, корреляционное словообразование и дефиниционное словообразование.

1. Словообразование по аналогии с ориентацией на готовый лексический образец или словообразовательную модель: རྩོམ་ཀེན་ *zho² ngen¹* 'идуший, тот, который идет', ཡོང་ཀེན་ *yong² ngen¹* 'прибывший, тот, который прибыл', ཏཱ་ཀེན་ *ta¹ ngen¹* 'смотрящий, тот, который смотрит'. Значение нового производного имени предсказуемо благодаря глагольному происхождению ОС и лингвистическому контексту, который включает лексическое, грамматическое и тематическое единство. Семантические отношения, связывающие ОС и исходные глаголы, Е.С.Кубрякова [Кубрякова, 1977] определила как семантическую выводимость.

2. Корреляционное словообразование тибетских ОС, сопровождающее транспозицию или грамматическую перекатегоризацию исходного слова. При этом производное отглагольное существительное реализует значение мотивирующей единицы, отличаясь от последней членостеречной принадлежностью и соответственно синтаксической функцией.

Так как глагол является мотивирующей частью речи по отношению к ОС, в корневой основе этих классов слов заключен некий единый состав грамматических категорий, который наследуется отглагольными существительными отглагольной производящей базы в усеченном виде и предстает уже в виде именных форм ($V \rightarrow N$).

Глагольные категории лица и наклонения, являющиеся специфической отличительной чертой глагольных финитных форм, не выражаются в ОС. Однако отглагольные существительные опосредованно обладают категорией времени, которая реализуется через оппозицию временных форм, как мы уже писали выше:

རེང་ *cong¹* 'продавать' – རེང་ལྟོ *cong¹ kyu¹* 'то, что будет продано';

མ sa² 'есть', 'кушать' – མ་གྱི sa² kyu¹ 'еда';

ཉྱུ་ nyu² 'покупать' – ཉྱུ་ལག nyu² ya⁴, ཉྱུ་གྱི nyu² kyu¹ 'покупка'.

3. Дефиниционное словообразование тибетских ОС, при котором новое слово мотивируется суждением, высказыванием, содержащим дефиницию предмета. Некоторой аналогией этого типа являются образования тибетских ОС на основе исходных глагольных предикативных структур:

bla-mas bgegs btul 'лама усмирил демона' –

bla-mas bgegs btul -pa 'усмирение демона ламой'.

khrom-la khyag-pa-ø ntsoñ 'продают лед на рынке' –

khrom-la khyag-pa-ø ntsoñ-pa 'продажа льда на рынке'¹.

Пропозитивные валентности транспонируются в существительные, образованные по моделям синтаксической деривации для обозначения фактов, отвлеченных понятий, событий и ситуаций:

ཉྱུ་མཁའ་པ་ nyu² nyu² pa¹ 'давно купленное';

ཉྱུ་མཁའ་པ་ xe¹ xe¹ pa¹ 'давно известное'.

Поскольку во всех указанных выше случаях присутствуют явления синтаксической транспозиции, уместно привести следующее высказывание В.Н.Телии: «Синтаксическая транспозиция (или номинализация...) предстает как средство языковой экономии, когда при помощи категориальной смены знаковой функции образуются “свертки” высказываний, говорящих о физических процессах, состояниях или же о фактическом положении дел» [Телия, 1981, с.147].

Особенностью тибетской именной словообразовательной парадигматики является отсутствие префиксальных ОС, за исключением форм вежливости, представляющих высокий стилистический слой тибетской лексики.

В некоторых формах вежливости можно усмотреть подобие префиксов в виде морфем, восходящих к знаменательным словам. Например:

ཁ་ལག kha¹ la²⁴ 'еда' (нейтр.) – ཁེ་ལག xe² la²⁴ 'еда' (вежл.) (ཁེ་མེ་² 'лицо', вежл., употребляется в качестве префикса)

དབེ་ཆ be¹ qa¹ 'книга' (нейтр.) – དབེ་ཆ་ལག qa¹ be¹ 'книга' (вежл.) (ཡག qa¹ 'рука', вежл., употребляется в качестве префикса)

ཁྱ་ཁྱ་ cha²⁴ 'кровь' (нейтр.) – ཁྱ་ཁྱ་ལག ku¹ cha²⁴ 'кровь' (вежл.) (ཡུ ku¹ 'тело', 'туловище', вежл., употребляется в качестве префикса).

Проведенное исследование свидетельствует, что глагольно-именная парадигма ОС четко выявляется при сопоставлении с финитными глагольными формами. Хотя происходит грамматическая (синтаксическая) перекатегоризация исходного глагольного слова, можно утверждать, что отглагольное существительное обладает поликатегориальностью, то есть смешанным, двойственным грамматическим характером, что особенно проявляется на уровне морфологически выражаемых грамматических категорий.

¹ Примеры цитируются по книге: Beyer S.V. Classical Tibetan Language. New York, 1992, p.294, 296.

Колшанский Г.В. Соотношение субъективных и объективных факторов в языке. М., 1975;

Кубрякова Е.С. Теория номинации и словообразование//Языковая номинация (Виды наименований). М., 1977;

Кубрякова Е.С. Типы языковых значений: Семантика производного слова. М., 1981;

Beyer S.V. The Classical Tibetan Language. New York, 1992;

Hu Tan. Zang yu dongci de mingci hua//Journal of Asian and African Studies, №41, 1991;

Labov W. The Social Stratification of English of New York City. Washington, 1966;

Roerich G.N., Tse-Trung Lopsang Phuntshok. Textbook of Colloquial Tibetan (Dialect of Central Tibet). West Bengal, 1957;

Wang Zhijing. Zang yu Lasa kouyu yufa. Beijing, 1994.

И.Б.Кульчицкая
(Москва)

ДВЕ ФОРМЫ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В СОВРЕМЕННОМ КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ СИСТЕМЫ ЯЗЫКА

1. В языковедческой литературе Китая функция именных суффиксов в современном китайском языке уже получила достаточно полное освещение в лингвистических работах. Однако особые случаи употребления суффиксов, ведущие к возникновению лексических вариантов (но не новых слов), как правило, идентичных в смысловом отношении уже существующим односложным словам, а также особенности функционирования подобного рода вариативной лексики (лексических вариантов) в языке редко становятся объектом специального исследования китайских ученых. Рассмотрим одну из наиболее полных классификаций функций суффиксов $-цзы^0$, $-эр^0$ и $-тоу^0$, данную в работе «800 слов современного китайского языка» под редакцией Люй Шусяня [1], где эти суффиксы представлены только как словообразовательные. Основные пункты этой классификация:

1. Суффиксы $-цзы^0$, $-эр^0$, $-тоу^0$ образуют существительные, присоединяясь к любым основам: глагольным, качественным, именным и т.д. (исключения из этого правила не рассматриваются).

2. Суффиксы $-цзы^0$ и $-эр^0$ всегда читаются нейтральным, так называемым легким (в соответствии с китайской фонетической транскрипцией), тоном, а суффикс $-тоу^0$ может в некоторых случаях читаться не только нейтральным, но и этимологическим вторым тоном, например: $чжуань^1тоу^2$ 'кирпич', $во^1тоу^2$ 'пампушка из кукурузной муки' [1, с.473].

3. В отличие от суффиксов $-цзы^0$ и $-эр^0$ суффикс $тоу^0$ присоединяется к единицам, которые, в основном, не имеют самостоятельного употребления в языке. Этот суффикс налагает и смысловые ограничения на

употребляющиеся с ним единицы: они должны обозначать либо предметы округлой формы (как китайская пампушка, анатомический язык, кулак и т.п.), либо некие абстрактные явления (так, например, слово *няньтоу* 'мысль, идея' образовано от глагола *нянь* 'помнить, вспоминать', слово *чжуньтоу* 'меткость' – от прилагательного *чжунь* 'точный, меткий').

Иногда суффикс *-тоу⁰* передает оценку соответствующих явлений, например: *чжэзэ си ю гэ каньтоур* 'эту пьесу сто́ит посмотреть'; слово *каньтоур* образовано от глагола *кань* 'смотреть' (в нем употреблен также и второй суффикс *-эр⁰*).

Суффиксы *-эр⁰* и *-цзы⁰* присоединяются как к единицам, которые могут самостоятельно употребляться (то есть к словам), так и к единицам, которые не имеют самостоятельного употребления (то есть к морфемам).

В данной классификации Люй Шусяна отмечается влияние суффиксов на семантическую сторону образованных с их помощью единиц. При этом в ряде случаев проявляется сопутствующее значение суффиксов: у *-цзы⁰* – пейоративность, у *-эр⁰* – диминутивность. Кроме того, отмечено, что «слова с суффиксом *-эр⁰* отличаются от слов без этого суффикса наличием оттенка мягкости, нежности» [1, с.166]. Употребление суффикса *-эр⁰* в некоторых случаях служит образованию слова с переносным значением: *пи* 'кожа' – *пир¹* '(любой предмет, такой же) тонкий, как кожа', *туй* 'нога' – *туйр* 'ножка (предмета)', *цзуй* 'рот' – *цзуйр* 'горлышко (часть предмета, напоминающая по форме или функции рот)', *тоу* 'конец (пояса или веревки)' – *тоур* 'начало/конец (какого-либо действия или события)'.

Особое внимание уделяется особенностям функционирования подобных вариантов слов. Наибольший интерес представляют выделенные в отдельный раздел сложные слова, в составе которых у первого компонента употребление суффикса обязательно. Такие слова построены по модели: именной компонент с суффиксом *-эр⁰* + именной компонент. Например, *маорьянь* 'кошачий глаз (драгоценный камень)' (букв. ['кошка' + суффикс *-эр⁰*] + 'глаз'); *пяртан* 'суп с клецками' (букв. ['маленькие кусочки тонко раскатанного теста' + *-эр⁰*] + 'суп'); *дэрцзе* 'праздник фонарей' (букв. ['фонарь' + *-эр⁰*] + 'праздник'); *хуарши* 'цветочный базар' (букв. ['цветок' + *-эр⁰*] + 'базар'). Отметим, что слова типа *маорьянь* 'кошачий глаз (драгоценный камень)', относящиеся к разговорному стилю, являющиеся вариантами существующих в языке специальных названий для обозначения тех же понятий. Так, например, наряду с *маорьянь* существует специальное название для драгоценного камня 'кошачий глаз' – *маоцзинши* (букв. 'кошка' + 'глаз' + 'камень').

II. Интересные соображения относительно суффикса *-эр⁰* приводит Чжан Нин в статье «Анализ значений и языковой ситуации при использовании суффикса *-эр⁰*». Автор работы при анализе употребления суффикса *-эр⁰* предлагает использовать три критерия и определить:

1) происходит ли смена части речи у некоторой единицы при добавлении суффикса *-эр⁰*;

¹ При использовании суффикса *-эр⁰* иногда происходит его слияние с предыдущим слогом.

2) меняются ли функциональные особенности новой единицы по сравнению с исходной;

3) происходят ли семантические сдвиги у новой единицы и каков их характер.

Автор описывает случаи, когда у новой единицы изменяется значение по сравнению с первоначальной единицей, при этом он выделяет ряд различных значений, а не только значение уменьшительности, которое обычно отмечали исследователи.

В отдельную группу Чжан Нин выделил прежде всего случаи, когда присоединение суффикса *-эр⁰* не влечет за собой никаких грамматических изменений и семантических сдвигов в новой единице. По его мнению, в этих случаях на выбор того или иного варианта слова оказывают влияние субъективное намерение говорящего, а также «характерные черты стиля современного китайского языка». Функцию суффикса *-эр⁰* в этих случаях автор предлагает назвать функцией, характерной для «сугубо речевой ситуации», поскольку «употреблять суффикс *-эр⁰* или не употреблять, определяется только ситуацией разговора и намерениями людей, говорящих на языке, и совершенно не зависит от требований самой языковой системы к грамматике или семантике» [7, с.17]. Данное положение автор иллюстрирует следующими примерами: *шаньгоу* 'горный овраг' (бука. 'гора' + 'овраг') и *шучжыр* 'ветка дерева' (бука. 'дерево' + 'ветка'). Для грамматического анализа этих примеров существенно важно то, что исходная единица двусложна (*шаньгоу* 'горный овраг', *шучжыр* 'ветка дерева') и обладает синтаксической самостоятельностью употребления. Заслуга автора в том, что он на своем материале показал, что в современном китайском языке действительно существует пласт слов, которые и в суффиксальной форме не различаются ни в грамматическом, ни в семантическом отношении, то есть являются, как их принято называть в отечественном китаеведении, двумя формами существования слова.

III. Следует отметить, что явление «двух форм существования слов» довольно широко распространено в лексике современного китайского языка. Как показывает исследование словаря под редакцией профессора Кураиси объемом в 10000 слов, в словаре имеется более 300 вариативных пар. Анализ материалов данного словаря, а также Китайско-русского словаря 1990 года показал, что предпочтительность в выборе варианта определяется в большинстве случаев внутриязыковыми причинами. Можно выделить несколько позиций, когда употребление суффиксов или их отсутствие подчиняется строгим правилам. (Примеры приводятся из Китайско-русского словаря, 1990).

I позиция. Употребление суффиксов в составе сложного слова. Здесь, в свою очередь, можно выделить несколько пунктов:

1а) если имя существительное выступает в роли компонента, служащего определением к глагольному компоненту для обозначения способа действия, то будет употреблена односложная форма, например, в сложном слове *сянчжуан* 'упаковывать в ящики' (бука. 'ящик' + 'упаковывать') [2, с.1212] употреблена не суффиксальная форма *сянцзы*, а односложная форма *сян*;

1б) если имя существительное выступает в роли объектного компонента при глагольном компоненте и обозначает способ совершения дей-

ствия, то употребляется бессуффиксальная форма слова. Ср. использование *шэнь* → *шэньцзы* 'тело' в следующем примере: *ваньчжэ шэньцзы шоугэ* 'наклонившись убирать урожай'; слово «тело» выступает как самостоятельный член предложения и принимает суффиксальную форму *шэньцзы*;

1в) при метафорическом использовании в названиях животных, рыб и т.д. всегда будет употреблена суффиксальная форма: *шицзыгоу* 'болонка' (букв. *шицзы* 'лев' + *гоу* 'собака') [2, с.809], *соцзыюй* 'красная барракуда' (букв. *соцзы* 'челнок' + *юй* 'рыба') [2, с.868];

1г) в роли компонента, выступающего как определение к именному компоненту и обозначающего материал, из которого, например, сделан предмет, употребляется бессуффиксальная форма *чжу* 'бамбук' – *чжубянь* 'бамбуковый поднос' (букв. 'бамбук' + 'поднос'), а не двусложная форма *чжуцзы* 'бамбук';

1д) при перечислении однородных явлений и создании слова с собирательным значением употребляются бессуффиксальные формы обоих компонентов, например: *чаншан* 'фабрики и магазины' (букв. 'завод' + 'магазин') [2, с.96], *мэньчуан* 'двери и окна' (здесь употреблена односложная форма слова «окно») [2, с.99], *цзиньиньцайбао* 'золото, серебро и драгоценности' (перечислены изделия из золота и серебра, а также другие виды драгоценностей, слова «золото» и «серебро» даны в бессуффиксальной форме) [2, с.76], *чжоуи* 'столы и стулья' в выражении «вытирать столы и стулья» (в бессуффиксальной форме даны оба элемента) [2, с.594].

II позиция. Употребление слова в качестве члена предложения. Здесь также имеется ряд пунктов:

2а) в позиции подлежащего употребляется только суффиксальная форма слова: *чжэ пинцзы нэн чэн и гуишэн* 'в эту бутылку входит один литр' [2, с.111]; *няор фэйцзюй даши* 'птица летит за кормом'

[2, с.155]. В роли подлежащего выступают суффиксальные формы слов *пинцзы* 'бутылка' и *няор* 'птица';

2б) в качестве определяемого с распространенным определением употребляется суффиксальная форма, например, *чжуан би дэ дайцзы* 'футляр для ручек' (букв. 'нагружать' + 'ручки' + 'мешок') [2, с.41], *чжуан мянь дэ дайцзы* 'мешок с мукой' (букв. 'нагружать' + 'мука' + 'мешок') [2, с.41], *тандэ битин дэ куцзы* 'хорошо выглаженные брюки' (букв. 'гладить' + 'отутюженный' + 'брюки') [2, с.111]. В роли определяемых выступают только суффиксальные формы слов;

2в) в сочетании с предлогами типа инструментального *юн* или со служебным словом *ба* употребляется суффиксальная форма слова: *маочун ба ецзы чигуанлэ* 'гусеницы объели листву' (слово *ецзы* 'листва' употреблено в суффиксальной форме) [2, с.112], *ба чжоцзы дацци идянь* 'приподнять стул' (слово *чжоцзы* 'стол' употреблено в суффиксальной форме) [2, с.151], *юн шэнцзы шуан* 'завязывать/привязывать веревкой' (слово *шэнцзы* 'веревка' дается в суффиксальной форме) [2, с.844].

Исходя из проделанного анализа, следует отметить, что в языке идет процесс функциональной дифференциации членов вариативной пары бессуффиксальной и суффиксальной форм. Даже в рамках одного и того же контекста предпочтение отдается одной или другой форме. На-

пример: в составе сложного слова *ваньшэнь* 'изогнуться' (букв. 'изогнуть' + 'тело') употребляется бессуффиксальная форма *шэнь* 'тело', а в составе предложения *ваньчжэ шэньцзы шоугэ* 'наклонившись убирать урожай' слово *шэнь* 'тело' имеет суффиксальную форму.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] 800 слов современного китайского языка/Под ред. Люй Шусяня. Пекин, 1984;
- [2] Китайско-русский словарь. Пекин, 1990;
- [3] Кульчицкая И.Б. Две формы существования слова в китайском языке//Актуальные вопросы китайского языкознания. Материалы V Всесоюзной конференции. М., 1990;
- [4] Кульчицкая И.Б. О двух формах существования слов в китайском языке//Общество и государство в Китае. Тезисы и доклады. Ч.3. М., 1985;
- [5] Словарь китайского языка/Под ред. проф. Кураиси. Токио, 1963;
- [6] Солнцев В.М. Относительно роли суффиксов *-цзы*, *-эр* и *-тоу* в современном китайском языке (к вопросу о двух формах существования слов)//Вопросы языка и литературы стран Востока. М., 1958;
- [7] Чжан Нин. Анализ значений и языковой ситуации при использовании суффикса *-эр*//Ханьюй сюеси, 1993, №2;
- [8] Шмидт П.П. Опыт мандаринской грамматики. Владивосток, 1915.

Ю.А.Кунина (Москва)

К ПРОБЛЕМЕ СОЧЕТАЕМОСТИ СЧЕТНЫХ СЛОВ И ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В СОВРЕМЕННОМ КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ

В ходе предпринятого общего исследования категории счетных слов в современном китайском языке (СКЯ) представилось необходимым рассмотреть возможности сочетаемости различных лексико-семантических классов исчисляемых имен существительных с отдельными счетными словами. Прежде всего рассмотрение касалось сочетаемости существительных и слов-классификаторов, непосредственно связанных с «выражением идеи штучности, или единичности» (определение В.М.Солнцева [1995]). На основании данных словаря «Восемьсот слов СКЯ» [1988], «Словаря счетных слов СКЯ» [1991], «Словаря сочетаемости существительных и счетных слов СКЯ» [1992], «Справочного словаря счетных слов СКЯ» [1987], а также «Словаря синонимов СКЯ» [1985] в первую очередь были проанализированы возможности сочетаемости существительных различных лексико-семантических классов с универсальным «единичным» классификатором ↑ *ge*. Как принято считать, универсальный классификатор сочетается практически со всеми исчисляемыми именами существительными и зачастую свободно заменяет другие «единичные» классификаторы. Это обстоятельство не исключает

существования периферийных областей имен существительных, для которых либо возможно сочетание лишь с универсальным классификатором 个 *ge*, либо напротив, сочетание с ним нежелательно или даже недопустимо.

Были получены три обширные области существительных, включающие имена различных лексико-семантических классов. Первая характеризуется тем, что ее элементы сочетаются только с универсальным классификатором 个 *ge*; вторая – тем, что ее элементы сочетаются как с универсальным классификатором, так и с соответствующими «единичными» специальными классификаторами, следовательно эта область является как бы результатом пересечения «области определения» универсального классификатора 个 *ge* и многих отдельных «областей определения» специальных классификаторов; третья область характеризуется сочетанием своих элементов в основном с соответствующими специальными классификаторами.

К первой области существительных оказались отнесены конкретные и абстрактные исчисляемые существительные следующих лексико-семантических групп:

одушевленное существительное 人 'человек';

одушевленные существительные с семантическим компонентом «лицо»: 人物 'личность', 角色 'персонаж';

неодушевленные конкретные существительные с семантическим компонентом «отображение»: 影像 'отражение', 倒影 'зеркальное отражение', 身影 'тень,人影 силуэт';

неодушевленные непредметные конкретные существительные, обозначающие временные отрезки, за исключением «мнимых счетных слов» (термин Чжао Юаньжэня [1968]): 时刻 'момент', 小时 'час', 上午 'утро', 白天 'день', 夜晚 'вечер', 星期 'неделя', 月 'месяц', 季节 'сезон', 秋天 'осень', 冬天 'зима', 时期 'период', 年头 'год' 阶段 'этап', 时代 'эпоха', 世纪 'век', 时间 'время', 新纪元 'новая эра';

неодушевленные непредметные конкретные существительные, обозначающие праздничные даты: 新年 'Новый год', 春节 'Праздник Весны', 国庆节 'национальный праздник', 节日 'праздничный день';

неодушевленные непредметные конкретные существительные с семантическими компонентами «место», «территория»: 国家 'страна', 世界 'мир', 地方 'местность', 场地 'поле', 操场 'спортивная площадка', 地区 'район', 要地 'пункт', 院子 'двор';

неодушевленные непредметные конкретные существительные, относящиеся к общественно-политической и военной лексике: 社会 'общество', 阶级 'класс', 团体 'коллектив', 单位 'учреждение', 政党 'политическая партия', 委员会 'комитет', 政权 'власть', 集团 'блок', 组织 'система', 军 'армия', 团 'полк';

некоторые неодушевленные непредметные конкретные существительные, относящиеся к области экономики и культуры: 企业 'предприятие', 公司 'компания', 部门 'отрасль', 年级 'курс', 教学班 'учебная группа';

неодушевленные непредметные конкретные существительные, обозначающие элементы языка и речи, речевые произведения, а также имеющие семантический компонент «знак» в своем составе: 声音 'звук', 音节 'слог', 字, 词 'слово', 词语 'выражение', 词组 'словосочетание',

短语 'фраза', 语段 'синтагма', 句子 'предложение', 句群 'группа предложений', 段落 'абзац', 故事 'рассказ', 传说 'предание', 笑话 'шутка', 字母 'буква', 汉字 'иероглиф', 符号 'обозначение', 标点 'знак препинания', 号码 'номер', 编码 'код', 音符 'нота', 数目 'число', 数字 'цифра', 图形 'фигура', 公式 'формула';

неодушевленные предметные конкретные существительные, обозначающие овощные и фруктовые плоды: 西瓜 'арбуз', 土豆 'картофель', 萝卜 'редис', 柿子 'хурма', 西红柿 'помидор';

неодушевленные предметные конкретные существительные, обозначающие мучные изделия округлой формы: 烧饼 'лепешка', 馒头 'пышка', 包子 'пирожок', 饺子 'пельмени', 元宵 'рисовые шарики', 煎饼 'жареный блин';

неодушевленные предметные конкретные существительные, обозначающие отдельные части тела: 鼻子 'нос', 腮帮 'щека', 脑袋 'голова', 胸脯 'грудь', 膝盖 'колени', 巴掌 'ладонь';

разрозненные неодушевленные предметные конкретные существительные типа: 足球 'футбольный мяч', 口袋 'карман', 钱 'монета, деньги';

абстрактные существительные, обозначающие ментальную деятельность и продукты ментальной деятельности: 想法 'мысль, представление', 理想 'идеал', 主意 'внимание', 记忆 'воспоминание', 信仰 'вера, убеждение', 方法 'метод, способ', 道理 'закон, резон', 借口 'предлог', 目的 'цель', 倾向 'склонность, намерение', 结论 'вывод', 任务 'задание, задача', 结果 'итог, плод', 秘密 'секрет', 证据 'доказательство', 立场 'позиция, подход', 原则 'принцип', 角度 'точка зрения', 眉目 'последовательность, система';

абстрактные существительные, обозначающие состояния и действия, а также результаты действий, такие как: 工作 'работа', 回合 'схватка', 寒噤 'дрожь', 呵欠 'зевота', 错误 'проступок', 胜利 'победа', 成就 'достижение';

абстрактные существительные, относящиеся к чертам характера и внешности, например: 胆量 'храбрость', 懒腰 'леность', 模样 'внешность, наружность' и др.

Приведенные лексико-семантические группы существительных, входящих в область имен, сочетающихся преимущественно с универсальным классификатором 个 *ge*, этим, видимо, не исчерпываются, так как были рассмотрены в основном именные классы, так или иначе представленные в упомянутых выше словарях и справочниках счетных слов СКЯ.

То же касается и следующей области существительных, включающей исчисляемые конкретные имена, сочетающиеся как с универсальным классификатором, так и с отдельными специальными классификаторами. В этой области мы находим:

неодушевленные конкретные предметные существительные, обозначающие здания и постройки: 建筑物 'строение', 学校 'школа', 医院 'больница', 工厂 'фабрика', 饭店 'гостиница, ресторан', 楼 'здание', для которых возможно сочетание с «единичными» классификаторами 座 *zuò*, 家 *jiā*, 所 *suǒ*, соответственно;

неодушевленные конкретные предметные существительные, обозначающие изделия из камня, типа: 石碑 'стелла', 石头 'камень', 磨盘

‘мельничный жернов’, для которых возможно сочетание и с классификатором 块 *kuài*;

неодушевленные конкретные предметные существительные, обозначающие орудия труда: 斧头 ‘топор’, 扫帚 ‘веник’, 刷子 ‘щетка’, для которых возможно сочетание и с классификатором 把 *bǎ*;

неодушевленные конкретные предметные существительные, обозначающие предметы мебели с плоскими поверхностями: 炕桌儿 ‘стол’, 凳子 ‘скамья’, для которых возможно сочетание и со специальным классификатором 张 *zhāng*;

неодушевленные конкретные предметные существительные, обозначающие мелкие предметы: 扣子 ‘пуговица’, 纽扣 ‘застежка’, способные сочетаться и с классификаторами 颗 *kē* или 枚 *méi* (книжн.);

неодушевленные конкретные непредметные существительные с семантическими компонентами «дело, вещь»: 事情 ‘случай’, который сочетается и с классификатором 件 *jiàn*;

некоторые одушевленные существительные, обозначающие животных и птиц: 老虎 ‘тигр’, 骡子 ‘мул’, 小驴儿 ‘ослик’, 小鸟 ‘птичка’, сочетающиеся и с одним из классификаторов: 只 *zhī*, 匹 *pǐ* и 头 *tóu*, соответственно;

одушевленные существительные, обозначающие лиц: 姑娘 ‘девушка’, 老人 ‘старик’, 学生 ‘студент’, 代表 ‘представитель’, способные сочетаться и с классификаторами 位 *wèi* или 名 *míng*.

При этом употребление универсального или иного «единичного» классификатора с одним и тем же существительным часто является неравноценным по смыслу. К примеру, классификатор 名 *míng*, употребляясь с существительными, обозначающими лиц, предполагает значение «лица, имеющего некоторый социальный статус».

Благодаря дополнительному смыслу, вносимому прочими, помимо 个 *ge*, «единичными» классификаторами, с ними могут сочетаться и абстрактные существительные в случае передачи подобным сочетанием образного значения (замечание Тань Аошун [1995]).

Третья область имен существительных включает в себя исчисляемые конкретные предметные имена, сочетающиеся преимущественно лишь с отдельными «единичными» классификаторами и содержащие в своей семантике те же компоненты предметного значения, что и соответствующие классификаторы, которые, в свою очередь, обладают весьма выраженным предметным значением. К примеру, такие существительные, как 蛇 ‘змея’, 鱼 ‘рыба’, 蚕 ‘шелкопряд’, сочетаются с классификатором 条 *tiáo*, указывающим на длинный, гибкий предмет, и не сочетаются с универсальным классификатором 个 *ge*; существительное 衣服 ‘одежда’ сочетается с классификатором 件 *jiàn*, указывающим на единицу изделия, и не сочетается с универсальным классификатором 个 *ge*.

Для ряда существительных возможно сочетание и со специальными классификаторами и с универсальным, но не в равной степени, как для существительных второй рассмотренной области, а с предпочтением специальных классификаторов, хотя последние вследствие меньшей связанности предметного значения со значением соответствующих существительных могут заменяться универсальным классификатором 个 *ge*. К примеру, существительное 树 ‘дерево’ сочетается с классификатора-

маркирования социальных отношений, устанавливаемых в рамках коммуникативного акта. Приветствия считаются одним из ярких и употребительных этикетных знаков — это очень важная разновидность общения, в которой проявляется специфика речевого и неречевого поведения.

Поскольку приветствия употребляются в языке очень часто одновременно с обращениями (в определенной последовательности), то факторы, влияющие на выбор обращения, оказывают влияние и на выбор приветствия. Известно, что на выбор обращения у современных китайцев влияет ряд определенных факторов, к которым относятся: социальный статус коммуникантов, абсолютное и относительное соотношение возрастов коммуникантов, пол адресата и адресанта, степень близости коммуникантов (свой — чужой, знакомый — незнакомый), тональность общения, или степень соблюдения этикетных норм. Эти же факторы влияют на выбор приветствия, но степень влияния этих факторов на выбор обращения и приветствия различна, кроме того, существуют и другие факторы, влияющие на выбор приветствия. Так, на выбор приветствия может влиять время суток. Например, такие приветствия, как *цзао, нинь цзао, нинь цзао а* 'доброе утро', употребляются, как правило, до девяти часов утра. На выбор приветствия могут оказывать влияние и такие факторы, как время, прошедшее после последней встречи между коммуникантами, начало или окончание встречи. Различаются приветствия, используемые при непосредственном контакте, и приветствия, передаваемые третьему лицу.

В речевой этикете приветствия имеют такое же значение, как и обращения, но система обращений непосредственно и прямо отображает социальные отношения коммуникантов и сравнительно быстро трансформируется вслед за изменением социальных отношений. Приветствия же отображают социальные отношения опосредованно, косвенно и поэтому трансформируются сравнительно медленно.

Приветствия являются своего рода показателем, подтверждающим отношение адресанта к адресату. Отсутствие приветствия при встрече знакомых людей расценивается как сигнал нежелания поддерживать контакт и может свидетельствовать о разрыве дружеских или близких отношений. Как и у других народов, речевые приветствия у китайцев нередко сопровождаются невербальными средствами общения: паралингвистическими, экстралингвистическими, кинесическими, проксемическими. В некоторых случаях приветствия, выражаемые невербальными средствами, заменяют речевые приветствия.

В китайской лингвистике можно найти несколько путей классификации приветствий. Так, Чэнь Сунцзэнь выделяет два вида приветствий: *цзяотаньсин* и *вэньхоусин*. Приветствия первого вида обычно состоят из вопроса и ответа, чем напоминают по форме беседу. Но на самом деле коммуниканты с помощью такой «беседы» не намерены извлечь какую-то конкретную информацию, а лишь проявляют вежливое отношение друг к другу — соблюдают речевой этикет. Примером такого приветствия может служить следующая «беседа»:

чила ма? букв. 'ел?'

нинь чила ма? букв. 'а ты ел?'

По мнению Чэнь Сунцзэня, такая форма приветствий используется хорошо знакомыми людьми и может отражать не только национальные, местные, но и профессиональные особенности коммуникантов. Использование такого вида приветствий зависит от социального статуса коммуникантов, их профессии, а также места общения. К приветствиям первого вида (цзяотаньсин) относят и такие фразы:

шан нар цюй? 'куда идете?'
гунцзо ман ба? 'заняты работой?'
ся бань ла? 'идете с работы?'

Приветствия второго вида (вэньхоусин) имеют сравнительно устойчивую форму, они общепотребительны и просты по содержанию, не несут никакой конкретной информации. Такая форма приветствий, по мнению Чэнь Сунцзэня, чаще употребляется в экономически развитом обществе, где отношения между людьми менее близкие и тесные, чем в экономически слабо развитом обществе. В русском языке к ним относят: *доброе утро, добрый день, здравствуйте*; в английском: *good morning, good evening, how do you do, hi*; в китайском: *цао ань, вань ань, ни хао*.

Некоторые китайские лингвисты подразделяют приветствия на четыре вида:

1. Приветствия-беседы.
2. Собственно приветствия.
3. Короткое обращение (*ван лаоши; чжан дайфу*).
4. Приветствия, выражаемые невербальными средствами: кивок головы, улыбка, рукопожатие и т.д.

Коммуниканты при этом подразделяются на три категории:

- 1) друзья, близкие старшего поколения;
- 2) знакомые ровесники;
- 3) недавно знакомые.

Разные коммуниканты употребляют различные формы приветствия. Так, приветствия в форме беседы используются между знакомыми ровесниками – это непринужденная форма приветствия в речевом этикете китайцев. Формой краткого общения можно приветствовать старших по возрасту. Кивок головой, улыбка – приветствия, характерные для недавно знакомых людей.

Иной подход к классификации приветствий китайского языка можно найти у китайского лингвиста Ху Миньяна: он подразделяет их на приветствия, используемые при встрече, и приветствия, используемые при расставании. В свою очередь приветствия при встрече подразделяются на обиходные (*цзя чан юй ти*), социальные (*шэцзяо юй ти*) и изысканные (*дянья юй ти*). Обиходные и социальные приветствия подразделяются, в свою очередь, по возрастному принципу: младший приветствует старшего; старший приветствует младшего; ровесники приветствуют друг друга.

Так, например, обиходное приветствие между ровесниками выглядит следующим образом – обращение + приветствие:

Сяо Ван, лайла?
Лао Ли, сябаньла?

Обращение в этом случае факультативно. Социальные приветствия в этих условиях могут ограничиться обменом коммуникантами самым распространенным приветствием: *ни хао!* или *нинь хао!*

К изысканным приветствиям относятся: *цзюян цзюян* 'очень рад с Вами познакомиться'; 'давно мечтал с Вами познакомиться' или *цзю-вэнь далин* – 'много о Вас слышал'. Ответом на такое приветствие, как правило, звучат фразы: *бугань бугань* – 'не заслуживаю этого'; *нали нали* – 'что Вы; Вы слишком любезны'.

Анализ приветствий китайского языка показывает как разнообразие самих приветствий, так и условия их использования. Ниже приводятся наиболее часто употребляемые приветствия и условия их использования:

Приветствие

ни хао

нинь хао

цзао; ни цзао; нинь цзао а

ю цзянь дао нинь ла

лао ли, ни хао

*нинь хао а; цзуй цзинь кэ хао;
цзинь лай хао ба; цзэмма ян?
хаоба*

*нинь цзао цилайла;
нинь ци дэ хао цзао;
цзао шуй дэ хао ба*

*ай я! чжэн ши хао цзю бу цзянь,
хао ма?*

*а, цяоюй, цяоюй;
во ивэй ши шуй нэ?
юаньлай ши ни а!*

ганцай ча и дянъ мэй жэньчулай

*нинь хай мэй сюси а!
чжэма ваньла, нинь хай юнгун а!*

*цинъ ти во вэньхоу та;
вэнь нинь цюань цзя хао;
вэнь нинь айжэнь хао;
вэнь... хао*

Условие использования

общеупотребительное в любое время суток;

более вежливое по сравнению с предыдущим приветствием;

используется до девяти часов утра;

обычно используется при повторной или неоднократной встрече в течение одного часа (может быть заменено кивком головы, поднятием руки);

одновременное употребление обращения и приветствия;

во время начала беседы;

при встрече утром соседей или живущих вместе;

при внезапной встрече близких друзей после долгой разлуки;

при встрече друзей вечером;

приветствия третьему лицу;

чила ма; чиго ма;
чиго фань ма; чиго ла;
чиго фань ла;
чуцзой а, шан нар цюй а

повседневные приветствия друзей;

цзуйцзинь хэнь ман ба, ши буши;
цзуйцзинь цзэмма ян?
гунцзо ман ба?
цзяли доу хао ба;
нинь айжэнь хао ба?
шэньти цзэмма ян

обычные повседневные приветствия.

Ответы на приветствия также могут различаться в зависимости от различных обстоятельств. Нейтральную окраску имеют ответные приветствия: цзяньдао нинь хэнь гаосин; хуаньин ни дао чжэр лай.

При не очень близких отношениях коммуникантов используются следующие ответные приветствия: хэнь хао! ни цзэмма ян? хэнь хао ба! ице хай доу шуньли ба!

В начале разговора, беседы между вышеуказанными коммуникантами могут использоваться такие ответные приветствия: сесе нинь гуаньси! ни нэ? е хэнь бу цо ба! нинь лай ла, ю цзихуй яо сянь нинь цинцзао ла.

В начале беседы могут звучать и следующие ответные приветствия: во шэньти тин хао, ни нэ?; во панла? ши ма?; во шоу ла? во цыцзи бин бу цзюэдэ, цзю чжэр.

Стилистически сниженные ответные приветствия свойственны не-принужденному общению хорошо знакомых людей. Например: хай хао, ице лаояр; хай буцо; мама хуху; бу хао, бу хао.

Таким образом, многообразие приветствий в китайском языке связано и с их стилистической неоднородностью, и с характером обстоятельств, при которых используются приветствия, с возрастом, социальным положением коммуникантов, их взаимоотношениями, временем коммуникации. В статье приведены лишь некоторые особенности использования приветствий в речевом этикете китайцев.

Т.В.Михайлова
(Москва)

СИНТАКСИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА БА-КОНСТРУКЦИИ В ДИАЛЕКТАХ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА: ПРОБЛЕМА ТИПОЛОГИИ

1. Традиционно большое внимание диалектологов китайского языка (КЯ) привлекали сравнительная фонетика и сравнительная лексикология. Грамматические различия диалектов КЯ не так очевидны, поэтому гораздо менее изучены.

В целях типологического изучения грамматики диалектов КЯ была предпринята попытка рассмотрения одной из исходных синтаксических конструкций КЯ [Люй Шусян, с.24], – конструкции с ба. Она привле-

кает пристальное внимание лингвистов, поэтому здесь не будет затронут весь круг связанных с ней проблем. Основные положения о функционировании *ба*-конструкций в путунхуа были почерпнуты автором в грамматиках КЯ, а также в работе Тань Аошуан.

2. Ставится задача исследования глубины синтаксической трансформации *ба*-конструкции в разных группах диалектов КЯ. В качестве материала для сравнения были взяты данные дунганского языка (диалект пров. Ганьсу) и сямэньского (Миньнань) диалекта. Все данные были получены в ходе полевых исследований в КНР, а также дополнены материалами из учебников и словарей. По дунганскому языку представлены материалы, собранные автором в селе Ирдык (Киргизия) в рамках Среднеазиатских лингвистических экспедиций от МГУ под руководством проф. Б.Ю.Городецкого.

Конструкция с *ба* занимает особое место при типологическом описании изолирующих языков.

В каждом диалекте *ба*-конструкция создает свою парадигматику отношений сочетаемости с другими синтаксическими конструкциями, к примеру, с конструкциями отрицания и т.п. Кроме того, она, как глагольно-объектная, противопоставлена другим глагольно-объектным конструкциям данного диалекта. Таким образом, мы имеем некоторую подсистему глагольно-объектных конструкций языка, в которой можно выделить иерархические отношения по определенным параметрам. Переход от конструкции одного уровня к другому производится последовательно от нижнего к верхнему. Таким образом, *ба*-конструкцию можно определить по числу трансформаций от нулевого уровня в данном диалекте. К примеру, в путунхуа число трансформаций равно двум.

Нулевым уровнем является бином «неоформленный глагол с объектом в постпозиции», например, *chifan* 'есть' (букв. 'есть' + 'еда')¹. Первой трансформацией будет переход к конструкции «оформленный глагол с объектом в постпозиции» — *chiwan fan* 'кончить есть'. Второй — переход к *ба*-конструкции — *ba fan chiwan* букв. 'еду съев'. Один из параметров, по которым мы определяем иерархию отношений данных конструкций, является в данном случае статус объекта *fan* по признакам референтности, определенности и др.

Как и в путунхуа, исходным элементом для синтаксических преобразований в дунганском языке (ДЯ) является неоформленный глагол с объектом в постпозиции *чы фан* — *чы фандини* 'ем', *чы фанни* 'буду есть', *чыли фанли* 'ел' (даны разные видо-временные формы, так как в ДЯ обязательно видо-временное оформление предложения). *Чыли фанли* нельзя считать собственно оформленным глаголом, так как этот бином принадлежит к видо-временным формам *чы фан*. Отличие ДЯ от путунхуа заключается в том, что в ДЯ статус объекта в постпозиции оформленного глагола равен его статусу в препозиции (в *ба*-конструкции), поэтому он либо вовсе не употребляется в постпозиции оформленного глагола, либо употребляется окказионально. Примеры:

1. *Вава ба фан чыдини* 'Ребенок уже ест' (до этого не ел, а сейчас начал есть), ср. *Вава чы фандини* 'Ребенок ест' (констатация факта)

¹ В работе используются символы латинской графики для КЯ и диалектов КЯ, а также, по отечественной традиции, русской графики для ДЯ.

или обозначение процесса). *Та ба фан чыванли* 'Он поел' (съел еду), но *та чыван(ли) фанли* – так не говорят. *Та ба фан чыли...* 'Закончив есть...' обязательно требует после себя продолжения, например, *Та ба фан чыли, фихали* 'Закончив есть, лег спать (уснул)', поэтому не является трансформацией от *чыли фанли*.

2. *Чуаншон йишон зу нани чини?* 'Одевшись, куда пойдешь?' – такое высказывание возможно, но правильнее сказать: *Ба ийшон чуаншон зу нани чини?*

Таким образом, мы видим, что для перехода к конструкции с *ба* требуется лишь одно преобразование – оформление глагола, при котором происходит автоматическое вынесение объекта вперед с данной конструкцией. Это значит, что в ДЯ глубина трансформации в *ба*-конструкцию равна единице: *чыли фанли* → *ба фан чыванли* (еду съели).

Представителем иной грамматической структуры является сяменьский диалект КЯ (СД). Исходным пунктом для синтаксических преобразований в СД следует считать неоформленный глагол, например, *ziah* – аналог общекитайского *chi* 'есть'. К этому заключению можно прийти путем сравнения высказываний на СД и КЯ. К примеру, в КЯ *Wo yao chifan qu* 'Я хочу пойти поесть' будет соответствовать *Gua beh laiki ziah* (букв. 'я хочу идти есть') на СД. Сяменьское *ziah* в нейтральной позиции не требует после себя обязательного объекта (аналога *fan* или иного вида пищи).

Что касается *ба*-конструкции, то в функции *ба* в СД может выступать глагол-аналог пекинского *ба* (или, скорее *па* 'брать', как и в шанхайском диалекте) *teh*, или же *ziong* – соответствует показателю будущего времени в литературном КЯ. Например, пекинское *Qing ni jide ba jicunde dongxi linghuiqu* 'Не забудьте получить (назад) положенные на хранение вещи' в СД будет звучать как *Cnia li e gileh ziong giazun-e bnih gnia lnia doki*. Чаще всего вынесение объекта вперед по темо-рема-тическим или синтагматическим причинам в СД реализуется без оформления глаголом-предлогом (coverb'ом). Это является объектом отдельного исследования. Предварительно можно отметить, что употребление *ба*-конструкции в СД соотносится с сериальными конструкциями в этом диалекте.

Следующим уровнем в СД будет «неоформленный глагол с объектом в постпозиции», например, *ziah bng* 'есть пищу'.

Повышение статуса объекта дает конструкция «оформленный глагол с объектом в постпозиции», например *Ziah leh lng sna cui dioh la ai ziah la* (путунхуа *Chile liang-san kou jiu bu ai chile*) 'Съел два-три куса – и раскотелось есть'.

Ба-конструкция с оформленным глаголом выводит нас на последний уровень системы глагольно-объектных конструкций СД. Глубина трансформации, как видим, для СД доходит до уровня 3.

3. Картина типологического описания диалектов КЯ по *ба*-конструкции показывает, что ДЯ и СД находятся на полярных позициях, пекинский и другие диалекты занимают в нем промежуточное положение.

Ба-конструкция свойственна в разной степени всем диалектам КЯ и является языковой универсалией их типологического описания.

При сравнении глубины трансформации с парадигмой взаимодействия *ба*-конструкции с другими синтаксическими конструкциями обна-

руживается, что глубина трансформации является общей характеристикой степени изолированности (СИ) данного языка (диалекта). Язык с меньшей СИ имеет меньшую глубину трансформации (ДЯ), язык с большей СИ – большую (СД).

ЛИТЕРАТУРА

Калимов А. Употребление служебного слова *ба* в дунганском языке. М., 1971;

Тань Аошуан. Проблемы скрытой грамматики (на материале типологии китайского языка)//Дисс. ... док. филол. наук. М., 1995;

Lü Shuxiang. [Предисловие] *Hanyu ba bai ci*. Beijing, 1981;

Shiyong hanyu yufa. Beijing, 1994;

Shiyong xiandai hanyu yufa. Beijing, 1986;

В.И.Молодых
(Владивосток)

КОННОТАЦИЯ И ЭМОЦИОНАЛЬНОСТЬ КАК ЧАСТЬ ПРАГМАТИКИ КИТАЙСКИХ СЛОВ

Лингвистами давно отмечено, что китайский языковой строй в большей степени ориентирован на семантику и прагматику (Шэнь Сяолун, Чэнь Цзяньминь, Тань Аошуан и др.). Коннотация и эмоциональность пронизывают всю речевую деятельность человека и закрепляются в семантике в качестве индикаторов различных коннотативно-эмоциональных состояний человека. В общем виде на формирование коннотативно-эмоционального значения лексики оказывает влияние «тип восприятия или использования соответствующего объекта действительности, традиции литературной обработки лексемы, исторический, религиозный, политический или иной культурный контекст ее существования, этимология, или, по удачному выражению В.И.Абаева, “этимологическая память слова” и другие внешние по отношению к ее непосредственной жизни в языке факторы» [Апресян, 1992, с.58].

Значительный интерес для лингвистики представляет соотношение коннотации, эмоциональности, стилистических компонентов и других факторов в формировании словарного состава. Цель данной статьи – осветить некоторые вопросы, связанные с коннотативно-эмоциональной лексикой китайского языка.

Мы исходим из того, что коннотация возникает на базе некоторых устойчивых логико-предметных оценочных компонентов семантики слова. Конституентами коннотативного значения являются ядерные семы. Известно, что прагматическая зона словарной статьи определяется особенностями организации сем, входящих в структуру лексического значения. Коннотация отображает субъективную действительность, которая для слов является объективной. Внутри лексического значения слова эмотивные семы противопоставлены ядерным семам. Эмотивность является вторичной в отличие от коннотации в статусе значения лексемы [Шаховский, 1994, с. 20–21].

Функцией коннотативного значения является выражение типизированного отношения языкового коллектива к предметам или фактам объективной действительности, а функцией эмотивного значения является сопровождение языковой номинации, передающее эмоциональное отношение говорящего/пишущего к объекту наименования. В первом случае речь идет о многочисленных китайских словах-символах. Так, очевидна отмеченность этнокультурными коннотациями таких слов, как *лун* 'дракон' (для китайца слово *лун* – олицетворение счастья, доброго предзнаменования), *чжу* 'бамбук' (символ прямоты и честности), *хэшан* 'монах' (это слово ассоциируется с образом ленивого, непрактичного холостого человека), *Чжу Гэлян* (имя этого исторического персонажа олицетворяет ум, природную мудрость, мужественность).

Во втором случае эмотивность «наслаивается» на семантику слова и регулирует функционально-стилистический выбор и употребление слова в зависимости от того, как окрашивается соответствующее наименование объекта. Данный компонент привносится в семантику слова социальной функцией языка, его реальным функционированием. Все это находит формальное закрепление в функционально-стилистических маркерах слова и охватывает все сферы объективной действительности – мир предметов, мир эмоций человека и мир языка.

Современный носитель китайского языка располагает богатым арсеналом коннотативно-эмоциональных средств, позволяющих ему регулировать выбор и употребление слова, семантика и эмотивность которого в наибольшей степени соответствует конкретной речевой ситуации. Назовем некоторые из этих средств:

1. Синонимия создает широкие возможности стилистического отбора лексических средств. Например, уточняющее значение имеют синонимы, подчеркивающие различные особенности сходных, но в то же время не тождественных предметов, явлений китайского национального быта. В китайской речи выбор синонимов, помимо чисто стилистических мотивов, часто бывает еще обусловлен стремлением носителей языка к благозвучию и графическо-эмоциональной выразительности тех или иных слов. Сравнительный анализ большого синонимического ряда: *фаньдянь*, *цзюдянь*, *цзюцзя*, *цзюлоу*, *люйгуань*, *биньгуань*, *люйдянь*, *кэдянь*, *гоцзюй* и т.д., показывает, что его сущностью является не только денотативная функция, но и отображение экспрессивно-эмоционального отношения китайцев к «ресторанно-гостиничному миру» по признаку престижности, репрезентативности зданий, ассортимента предлагаемых услуг, качества обслуживания, ностальгических воспоминаний о прошлом и др.

2. Следует, очевидно, иметь в виду, что статус слова в китайской речи формируется под влиянием двух видов мотивированности – фонетической и графической. В качестве примеров можно привести три синонимические пары: *矗立* – *耸立* 'возвышаться'; *囊手* – *扒手* 'карманник'; *泪* – *淚* 'слёзы'. По данным китайского ученого Сюй Гоцяна, графические варианты, представленные полными иероглифами в этих синонимических парах, с точки зрения эмоциональности зрительного облика слова являются более предпочтительными и более отвечающими своему номинативному назначению [Сюй Гоцян, 1986, с.40]. С точки зрения другого лингвиста – Ин Мина, многие слова с морфемой *火* *хо*

обладают высокой мотивированностью и словообразовательной употребительностью постольку, поскольку зрительный облик иероглифа 火 'огонь' обладает высокой коннотативностью, эмоциональностью и «чувственным опытом» [там же, с.39]. Не случайно, что словообразовательная продуктивность морфемы 火 в последнее время значительно возросла. Ср. популярность нового словосочетания 倍儿火 в пекинском диалекте и слова 潮 в путунхуа в значении 'популярный, модный'. Можно было бы возразить, что аналогичными свойствами в не меньшей мере обладает в данном случае и фонетический облик слов. Думается, однако, что в китайском языке существует своя закономерность: графическая структура слов не изоморфна их фонетическим аналогам.

В этом свете становится понятным, что стремление к экспрессивности обуславливает в ряде случаев предпочтение носителями китайского языка графически образной, семантически прозрачной, мотивированной лексики и повышение частотности ее употребления.

Таким образом, можно заключить, что частота употребления и функциональный статус слова могут быть связаны не только с мотивированностью и экспрессивностью фонетического, но и графического облика слова. Утверждение Р.С.Гинзбурга о том, что «утеря образности... снижает степень эмоциональной насыщенности слова. Слова, "непонятные" по своей структуре, менее выразительны», находит экспериментальное подтверждение на материале ряда языков [Гинзбург, 1957, с.90].

3. Иноязычная лексика по ряду особенностей занимает особое место в китайском словаре. Имеются прежде всего в виду не столько новые формальные признаки иноязычности (типа использования латинских букв в ряде новообразований: 卡拉OK, MTV, CT, BP机 и др.), сколько эмоциональный мир отражаемых в значении заимствованных слов объектов реальной действительности. По-видимому, можно говорить о некоей возвышенности, престижности иноязычных слов в языковом сознании китайцев. Эмотивные семы, представленные в семантике иноязычных слов 托福 'TOEFL', 拜拜 'пока, прощай', 可口可乐 'кока-кола', ассоциируются с понятиями «счастье», «почтение», «аромат, радость».

Разумеется, любые попытки вторгнуться в сложные коннотативно-эмоциональные связи, существующие в китайском языке, чреваты определенной долей схематизма. Процессы в семантике и прагматике лексических единиц являются результатом сложного взаимодействия различных внутренних и внешних факторов.

ЛИТЕРАТУРА

Апресян Ю.Д. Коннотация как часть прагматики слова: лексикографический аспект//Русский язык: Проблемы грамматической семантики и оценочные факторы в языке. М., 1992;

Гинзбург Р.С. Смысловая структура слова//Иностранные языки в школе, 1957, №5;

Ин Мин. «Хо» шиды маньянь//Юйвэнь сюэси, 1994, №9;

Сюй Гоцян. Ханьцзы синтиды сюэцзю//Сюэцзю сюэси, 1986, №4;

Шаховский В.И. Типы значений эмотивной лексики//Вопросы языкознания, 1994, №1.

ОТРИЦАНИЯ В КИТАЙСКОМ И ТАЙСКИХ ЯЗЫКАХ
В ГЕНЕАЛОГИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

В настоящее время дискуссия относительно характера отношений между китайским и тайскими языками, а именно об отношениях родства или взаимовлияния, еще продолжается. Этот вопрос периодически возникает на страницах научной печати и на лингвистических конференциях.

Известно, что основной сферой применения сравнительно-исторического метода считаются фонетика и морфология. Лексика же, ввиду ее довольно легкой проницаемости и изменчивости, представляет менее благодатную почву для такого рода исследований. Тем не менее, в тех случаях, когда в языках отсутствует морфология в ее классическом понимании, лексика, словарь остаются важнейшим материалом для осуществления сравнительно-исторических исследований. В такой ситуации отбираются пласты лексики, считающиеся наиболее устойчивыми, наименее поддающиеся замене. К таким лексическим единицам относятся, в частности, отрицательные слова – отрицания, которые в системе языка по существу занимают промежуточное место между лексикой и грамматикой. Именно слова такого рода здесь выступают объектом сравнения. Причем берутся не любые отрицания, а только «чистые» отрицания, то есть морфемы, не отягощенные дополнительными значениями, кроме собственно отрицания.

В китайском языке к такого рода морфемам принадлежат всего пять следующих отрицаний¹:

- 1) 不 *bù* (*pīŭg/pīau; pət/put; piuə*);
- 2) 否 *fǒu* (*pīŭg/pīau; puw*);
- 3) 弗 *fú* (*pīwət/pīuət; put; piuət*);
- 4) 无 *wú* (*mīwo/mīu; miə; miua*);
- 5) 無 *wú* (*mīwo/mīu; miə*).

Кроме того, ниже приводится еще несколько китайских морфем со значением отрицания, которые, хотя и сопровождаются коннотацией, тем не менее могут оказаться релевантными для сопоставления, так как одни и те же морфемы в родственных или контактирующих языках могут быть не полностью адекватны по значению. К таким морфемам относятся следующие:

- 6) 未 *wèi* (*mīwəd/mjwet; miʰ*) 'еще не';
- 7) 勿 *wù* (*mīwo/mīu; miə; mīuət*) 'нельзя, не смей';
- 8) 毋 *wú* (*mīwət/mīuet; mut; miua*) 'нельзя, не смей';
- 9) 莫 *mò* (*māg/muo; mak*) 'никто, ничто'.

В тайских языках ситуация на первый взгляд выглядит весьма сложной. Значение отрицания передается значительным количеством

¹ После иероглифа дается современное чтение, затем, в скобках, древнее – в реконструкции Б.Карлгрена, Э.Дж.Пуллиблэнка (которые цитируются по докладу Ло Юнсяня в Бангкоке, 1995) и Ван Ли (Историческая грамматика китайского языка, 1989).

внешне отличных друг от друга морфем. В одном языке может быть несколько более или менее равноправных отрицаний, одни и те же отрицания могут заявлять о себе в территориально далеких друг от друга языках, в то время как в соседних, близкородственных языках могут использоваться разные отрицания. Однако уже на первом этапе классификации все отрицания в тайских языках могут быть объединены в четыре группы:

I. *bə, baw, bo, bow, mə, maw.*

II. *mi, mai, mə, məi, me.*

III. *ɲ, ɲ, ɲ.*

IV. *ʔam, kam, hət, nam.*

Все слова I группы, вне всякого сомнения, представляют собой диалектные варианты одной морфемы. Это подтверждается корректностью соответствий рифм и регулярностью перехода лабиального *b-* в *m-*.

Соответствия рифм в словах II группы также не вызывают сомнений, а переход *-i* в *-ai*, *-ə* в *-əi* регулярны.

Морфемы III группы только внешне похожи на самостоятельную группу. На самом деле они относятся ко II группе. Член этой группы, назализованная морфема *ɲ* – это редуцированный вариант одной из морфем II группы. Это подтверждается взаимозаменяемостью полной и краткой форм в соответствующих языках. Редукция рифмы является следствием безударности отрицательной частицы, которая в фонетическом плане представляет собой проклитику. Что касается других членов этой группы, морфем *ɲ* и *ɲ*, то это всего лишь комбинаторные варианты I, их распределение определяется инициалю последующего ударного слога – последняя предполагает, что предшествующее ей отрицание по своей фонетической реализации должно принадлежать к фонемам иного локального ряда, нежели она сама. Иными словами, отрицание и последующая инициаль должны быть представлены гетероорганными звуками. Такое явление наблюдается, например, в языке кхамти. Другие языки обходятся только одной морфемой – назализованным согласным *ɲ*.

Наконец, последняя, IV группа. Похоже, что она также не самостоятельна. В конечном счете она производна от II группы. В данном случае мы, кажется, имеем наглядное подтверждение того, что в языке ничто не исчезает бесследно. В результате редукции рифмы морфема *m* оказалась фонетически невыразительной, трудновыделимой из потока речи. Для преодоления этого недостатка языки прибегли к услугам протетического элемента в виде центрального гласного *ə*, который вместе с положенной в этом случае в начале слога гортанной смычкой постепенно фонемизировались и сформировали на базе бывшей инициали логи *ʔam/kam/hət*. В этой группе загадкой остается морфема *nam*, зафиксированная в языках тай-тхо и пупео, распространенных в Северном Вьетнаме. Переход ларингальных смычных в передненёбный сонант, кажется, не характерен для тайских языков. Это anomальное явление пока не имеет сколько-нибудь удовлетворительного объяснения.

Попутно небезынтересно отметить сходство, если не тождество, отрицаний кантонского диалекта китайского языка – *ɲ⁴* и реже *m³* с тайскими.

При сопоставлении китайских и тайских форм отрицаний сразу же бросается в глаза связь между первыми тремя китайскими морфемами и I группой тайских отрицаний: наличие эксплозивной смычной инициали и гласного заднего ряда, а также связь четвертой и пятой китайских морфем с тайскими морфемами II группы: губной сонант в инициали. Отметив существующее сходство между китайскими и тайскими отрицаниями, живущий в Австралии китайский лингвист Ло Юнсянь (1995) приходит к выводу, что между китайскими и тайскими отрицаниями существует «поразительное сходство» и что «трудно представить, что оно возникло исключительно в результате заимствований, так как отрицания не принадлежат к тому типу слов, которые легко заимствуются». По его мнению, существующие данные «говорят в пользу некогда популярной, но теперь дискредитированной гипотезы о в некотором роде генетическом родстве тайских и китайского языков».

Думается, что вывод китайского лингвиста слишком категоричен и преждевременен. Судя по имеющимся материалам, о соответствиях в более или менее строгом смысле слова можно говорить только в отношении инициалей. Сложнее дело обстоит с гласными. Вокальные компоненты тайских отрицаний I группы имеют больше сходств с современными формами сопоставимых китайских элементов, чем с древними. Совсем непонятная ситуация с окончаниями слогов. Как явствует из восстановленных форм китайского языка, в древности многие из них имели в окончании смычную согласную, в то время как имеющиеся на сегодняшний день реконструкции соответствующих тайских форм не обнаруживают таких окончаний. Возможно, они когда-нибудь и были, но имеющиеся данные по нескольким десяткам тайских языков и существующие методы исследования не позволяют выявить такие согласные в исходе тайской морфемы.

Данное обстоятельство дает основание предполагать, что тайские морфемы, в особенности I группы, были заимствованы из китайского языка после отпадения у соответствующих китайских морфем конечных смычных. Что касается тональных признаков, то их соответствие в данном случае установить особенно трудно, так как отрицательные частицы обычно принадлежат к проклитическим элементам, которые в речи теряют ударение и подвергаются редукции.

Наконец, замечание о том, что отрицательные частицы принадлежат к устойчивым слоям лексики, в принципе, несомненно, правильно, хотя и не должно абсолютизироваться. Наглядным примером может служить вьетнамский язык. В нем местная отрицательная частица *chẳng*, по свидетельству Нгуен Фу Фонга (1995), в XVIII–XIX веках была вытеснена на периферию китайской морфемой *kong* 'пустой, порожний', которая во вьетнамском языке приняла форму *không* и стала основной формой для выражения отрицания.

Таким образом, приведенные выше соответствия китайских и тайских форм следует, по-моему, считать гипотетическими, вероятными, но отнюдь не окончательно установленными. Или, иначе говоря, они представляют собой скорее сходства, чем соответствия, как последние понимаются в сравнительно-исторических исследованиях.

В заключение следует отметить, что как в китайском, так и в тайских языках отрицания имеют на месте инициали лабиальную соглас-

ную. Что это: случайное совпадение или свидетельство общего происхождения? В соседних австроазиатских и австронезийских языках отрицания, как правило (по меньшей мере на первый взгляд), не похожи на китайские и тайские. Это еще раз побуждает искать ответ на причину многочисленных сходств между китайским и тайскими языками. Возможно, перед нами свидетельство если не первородства, то вторично приобретенного родства (сродства) языков.

Нгуен Ван Лой
(Вьетнам, Ханой)

ЭТНОНИМ «ЗЯОТИ» (文趾) В ИСТОРИЧЕСКОМ ПЛАНЕ

Этноним «зяоти» известен с глубокой древности. В китайских рукописях мы находим упоминание о том, что уже в конце третьего тысячелетия до н.э. на юге Китая жила народность зяоти. В книге «Ли цзи»¹ говорится, что на языке ман² *зяоти* означает буквально следующее: «если лежать на спине, то ступни ног направлены внутрь и перекрещиваются». В другом источнике приводится иное объяснение: «мужчины и женщины вместе купаются в реке, поэтому их называют “зяоти”»³.

Западные ученые не анализируют покомпонентно этноним «зяоти», ими даются не очень ясные объяснения значения данного названия, например, «зяоти – это место, где пересекаются все приграничные дороги», или «зяоти – это место проживания народа зяо в горах».

В настоящее время имеются две основные трактовки значения этнонима «зяоти».

Первая основана на значениях составляющих его компонентов и берет свое начало из объяснений в книге «Ли цзи»: у зяоти ступня имеет особое строение – большие пальцы ног направлены внутрь. Некоторые ученые высказывают предположение, что в названии «зяоти» нашли отражение наблюдения китайцев над народами, которые ловили рыбу при помощи копья, которое метали ногой, – поэтому имели специфическую форму стопы с оттопыренными и направленными внутрь большими пальцами. Другие исследователи отождествляют зяоти с народами, жившими к югу от реки Янцзы и вдоль побережья Южного моря, включая и север Вьетнама, однако в основном они селились вокруг озера Дунтинху. Естественно, что ловля рыбы занимала в их жизни очень важное место. Здесь в 1951 году археологи обнаружили останки рыб, устриц, моллюсков, а также каменные наконечники для копий, деревянные рукоятки, которые можно было метать рукой или ногой. Большинство вьетнамских ученых не согласны с подобной трактовкой: плоские стопы с большими пальцами, направленными внутрь, встреча-

¹ «Книга обрядов» – четвертая книга трактата «Ли цзи», одного из главных произведений конфуцианской канонической литературы. Текст составлялся в основном в IV–I вв. до н.э. – И.С.

² Ман – древнее самоназвание предков народов мяо-яо, исконно имевшее значение «человек».

³ Вьет. *Giao Chi* (*giao* 'перекрещиваться', *chi* 'конечность').

ются не только у народов на территории Вьетнама, но и у многих народов Азии, Австралии и Африки.

Вторая трактовка связывает компонент *зю* в «зюти» с названием мифологического дракона (вьет. *giao long* 'водяной дракон'). Вьетнамский ученый Дао Зуи Ань считает, что китайцы контактировали с народами обширного района к югу от реки Янцзы, которые поклонялись водяному дракону, поэтому китайцы называли их «зю(лонг)», а район их проживания – «землей Зяолонга (водяного дракона)», «Зюти».

Сопоставление китайских источников приводит нас к выводу, что название «зюти» не является исконно китайским, а записано китайцами как название не китайских народов, проживавших на юге Китая, поэтому объяснение значения «зюти» через китайский язык несколько неестественно, при этом описание значения «зюти» через значения компонентов как «пальцы ног, перекрещивающиеся друг с другом» хотя бы не противоречит законам китайской грамматики (*зю* – определение, *ти* – определяемое), в отличие от понимания «зюти» как «люди, поклоняющиеся водяному дракону», где основной компонент стоит на первом месте, что противоречит законам китайского языка, а компонент *ти* вообще игнорируется.

«Зюти» – это название, записанное китайцами для обозначения народов, проживающих к югу от мест проживания китайцев. До XII века до н.э. китайцы занимали в основном бассейн р.Хуанхэ.

В разные исторические периоды в название «зюти» вкладывалось разное содержание. В эпоху Инь (XIV–XI вв. до н.э.) китайцы селились в основном в бассейне реки Хуанхэ и еще мало знали и почти не различали окружающие их народы. Для называния их они использовали компонент 方 'сторона' и подразделяли их на три группы, одна из которых проживала в районе озера Дунтинху, две другие – на территории современной пров. Сычуань.

В период Чжоу (1027–256 гг. до н.э.) название «зюти» не использовалось. Для обозначения народов, проживавших к югу от р.Янцзы, начали употребляться названия «ман», «вьет»: «кинь ман», «шо ман», «ман зи», «зи вьет».

В период династии Хань (206 до н.э. – 220 г. н.э.) сфера употребления названия «зюти» сузилась. Не следует путать название «зюти», употреблявшееся до династии Хань, и название «зюти», употреблявшееся после периода правления династии Хань. До периода правления династии Хань название «зюти» использовалось для названий народов, проживавших на юге Китая на территории современных провинций Фуцзянь, Гуандун и Гуанси-чжуанского автономного района. Начиная с периода правления династии Хань это название использовалось для обозначения территории на севере Вьетнама. Таким образом, одновременно с китайской экспансией на юг, с развивающимися контактами и с углублением знаний о народах, населявших юг Китая, территория, население которой китайцы называли «зюти», все более сдвигается на юг и сокращается.

Ман, исконно являющееся самоназванием народов, говорящих на языках мяо-яо, постепенно стало использоваться для названия всех народов к югу от реки Янцзы в противопоставление народам зи, нюн, зить. Следует обратить внимание на то, что почти во всех иероглифах,

которыми записывались появляющиеся названия народов с элементом *ман* (кинъ ман, шо ман, ман зао), в нижней части имелся элемент со значением «вид змеи». Этот элемент входит и в состав иероглифа *giāo*, которым записывается слово «дракон». Это совпадение, конечно, не случайно, и оно свидетельствует о том, что люди, называвшие себя «ман», являются потомками зяо. Эта ситуация как раз объясняет изменения в использовании названия «зяоти». С тех пор, как «ман» заменило название «зяоти» для народов юга, то, соответственно, изменилась и сфера употребления названия «зяоти». Оно стало использоваться для названия народов севера Вьетнама.

Название «зяоти» происходит из языков южных районов Китая и содержит два элемента, из которых *зяо* является главным. «Зяо» обычно используется тождественно с «зяоти»: народ зяоти, народ зяо, народ намзяо (т.е. народ зяо на юге). Народы мяо-яо, дуншуйские народы называют вьетнамцев (киней), используя один элемент: *kew*, или *cjaw* (т.е. *giao*).

В современном китайском языке элемент 交 имеет чтение *giāo*. По реконструкции С.А.Старостина в различные периоды элемент 交 произносился следующим образом: совр. кит. *jāo*, среднекит. *kāw*, поздндревнекит. *kāw*, древнекит. эпохи Вост. Хань *krāw*, эпохи Зап. Хань *krāw*, архаич. древнекит. *krāw*. По С.Е.Яхонтову, Э.Пуллиблэнку, в древнекитайском 交 в качестве инициали имеет кластер **kl*: **klaw*. Совершенно очевидно, что слово *giao* во вьетнамском языке заимствовано из китайского.

До XVIII века инициаль *gi-* произносилась как *kj*; таким образом, в тот период *giao* имело вид **kjaw*. В современном языке в ряде старых названий деревень сохранилось это произношение. Древнее название пагоды *Giao Thùu* (расположенная на месте впадения р.Нинь в р.Красную, т.е. «на перекрестке, на пересечении») – пагода Кёо. На одной из карт II века н.э. название местности на севере Вьетнама *Kochi* было записано как *Giao*, которое, в соответствии с фонетическими законами поздндревнекитайского языка, читалось как *kāw* (*giao*).

Народности тай, нунг, тхай на севере Вьетнама называли вьетнамцев (киней) *kew* (*giao*). Опираясь на законы фонетических изменений в тайских языках, а также на реконструкцию Ли Фангуя прототайской системы инициалей и рифм, получаем прототайскую форму *kew*: **kliaw*. Имеется два варианта объяснения источника возникновения названия *kew*: *kew* существовало в прототайском и восходит к **kliaw* > *kew* или *kew* восходит к китайскому слову, возможно, имевшему в среднекитайском языке форму *kaw*.

В современном языке хмонг (принадлежит языкам мяо-яо) *Giao* в *Giao Chi* может употребляться самостоятельно и произносится [cjaw⁵⁵]. В протомяо-яо [cjaw⁵⁵] реконструируется как **klaw*⁵⁵. Аналогично, как для элемента *kew* в тайских языках, возможны два пути возникновения этого элемента в языке хмонг: либо элемент *cjaw*⁵⁵ развился из **klaw*⁵⁵, либо он недавно заимствован из китайского.

Таким образом, процесс установления источника появления слова *Giao* в китайском языке, в тайских языках и языках мяо-яо приводит нас почти к одной и той же звуковой форме: китайский: *jiāo* < *kāw* < *krāw*; тайские языки: **kliaw*; языки мяо-яо: **klaw*.

Реконструкция праформ названия *Giao* (*Keo*, *cjaw*⁵⁵) неожиданно приводит и к другим результатам: праформы *Giao*, *Keo* практически тождественны праформам названий донгтхайских народов: *Lao*, *Lão*, *ໂຮງແຮມ*. Тогда, возможно, формы *Giao*, *Keo* и *Lao*, *Lão* имеют общий источник? Имеется еще одно свидетельство как бы в пользу подобного предположения. Помимо названия вьетнамцев (киней) как *Giao*, *Keo* или *Chiao*, донгтхайские народы и народы мяо-яо называют один из видов табака *thuốc Giao* (вьет. *thuốc Lào*): тай *lào Keo*, хмонг *cjaw*⁵⁵ *zeŋ*⁵⁵. Таким образом, названия *Lào* (и связанные с ним *Ai Lao*, *Lão*) и *Giao* (*Keo*, *Chiao*), входящие в название одного из видов табака, возможно, имеют общий источник.

Исследование названий народов юга Китая, а также материковой Юго-Восточной Азии, реконструкция их праформ приводит к выводу, что ряд народов данного ареала, говорящих на аустроазиатских, донгтхайских языках, а также языках мяо-яо имеют один общий этноним, его этимологическое значение – «человек». Его праформа имеет следующий вид: **q(k)r(l)aw*, то есть состоит из инициали *q(k)r(l)* (представляющей собой кластер с первым элементом увулярным или заднеязычным смычным и вторым элементом – дрожащим или латеральным сонантом) и рифмы *aw*.

Современные этнонимы данного ареала *Chrao*, *Jro* (аустроазиатские народы), *Kólao*, *Kabjao*, *Thu Lao*, *Mu Lao* (донгтхайские народы), *Dao* (народы мяо-яо) и др. появились в определенный период истории как *Giao* (в *Giao Chi*), *Lão*, *Ai Lao* и в настоящее время являются пространственными и временными вариантами одного общего этнонима. Этот этноним существовал уже по меньшей мере за два-три тысячелетия до н.э. В тот период это название объединяло аустроазиатские, донгтхайские народы, народы мяо-яо, противопоставляя их китайским народам по месту проживания, культуре и языку.

Аустроазиатские языки, языки мяо-яо и донгтхайские языки обычно рассматриваются как самостоятельные языковые семьи, однако между ними все же обнаруживаются черты, свидетельствующие об общности их происхождения, что позволяет говорить о существовании аустротайской языковой макросемьи, которой противостоит китайско-тибетская языковая семья, включающая китайский язык, часть гималайских и тибето-бирманские языки.

(Перевод И.В.Самариной)

Нгуен Ван Тхак
(Вьетнам)

ТИПЫ КИТАИЗМОВ ВО ВЬЕТНАМСКОМ ЯЗЫКЕ

Вьетнам более десяти веков находился под влиянием китайской культуры, это влияние не прекращалось даже в те периоды, когда Вьетнам освобождался от господства феодального Китая. Длительные и интенсивные контакты между двумя языками создали благоприятные условия для проникновения во вьетнамский язык огромного количества

китаизмов в разные исторические периоды и разными путями: через письменно-литературный язык, обиходно-разговорную речь или через южные диалекты китайского языка. В результате, во вьетнамском языке появились слои китайских заимствований, в которых имеются производные варианты заимствований одного и того же односложного элемента или иероглифа.

Диакронически китайские заимствования можно разделить на два слоя: ранний и поздний. Ранние заимствования принято называть «древнеханвьетскими», а поздние – «ханвьетскими». К последним относятся элементы, возникшие в результате контакта с китайским языком примерно во время китайской династии Тан (618–907 гг.), фонетический облик которых формировался на основе фонетической системы среднекитайского языка X века. К раннему слою – древнеханвьетскому – относятся элементы, появившиеся в более древний период, до китайской династии Суй (581–618 гг.).

Между элементами этих двух слоев существуют регулярные соответствия в фонетической структуре целого слога (иероглифа):

а) регулярные соответствия в инициалах и одинаковые рифмы:

оригинал	раннее	позднее	
閣	<i>gác</i>	<i>các</i>	'мезонин'
肝	<i>gan</i>	<i>can</i>	'печень'
鋼	<i>gang</i>	<i>cang</i>	'чугун';

б) одинаковые инициали и регулярные соответствия в рифмах:

橋	<i>cầu</i>	<i>kiều</i>	'мост'
旗, 棋	<i>cờ</i>	<i>kỳ</i>	'флаг, шахматы'
碧	<i>biếc</i>	<i>bích</i>	'изумрудный'
惜	<i>tiếc</i>	<i>tích</i>	'сожалеть'
庫	<i>kho</i>	<i>khố</i>	'клад'
哭	<i>khóc</i>	<i>khốc</i>	'плакать'
爐	<i>lò</i>	<i>lô</i>	'очаг, печь';

в) регулярные соответствия в инициалах и в рифмах:

劍	<i>gươm</i>	<i>kiếm</i>	'меч'
鏡	<i>gương</i>	<i>kính</i>	'зеркало'
盞	<i>chén</i>	<i>trần</i>	'чашка, рюмка'
斬	<i>chém</i>	<i>trâm</i>	'отрубать'.

Все ханвьетские единицы можно разделить на односложные и многосложные, самостоятельные и несамостоятельные (т.е. употребляющиеся ограниченно или вообще свободно не употребляющиеся); в то же время почти все древнеханвьетские единицы являются односложными и самостоятельными, они вошли в основную словарный фонд вьетнамского языка и воспринимаются носителями языка как исконные. Поэтому во всех изданных словарях вьетнамского языка (в том числе и в самых последних вьетнамско-иноязычных словарях) они представляются как разные, не связанные друг с другом слова.

Кроме того, небольшая часть китаизмов попала во вьетнамский язык через устную речь из китайских диалектов приграничных районов

или в результате переселения китайцев во Вьетнам. Между этими китаизмами и их ханвьетским чтением наблюдаются определенные фонетические соответствия:

		ханвьетское чтение	
味精	<i>mì chính</i> [mì čĩn]	– vị tinh	[vi tĩn] 'приправа, глутаминат натрия'
义地	<i>nhị từ</i> [nĩ tĩ]	– nghĩa địa	[nĩæ dĩæ] 'кладбище'
香料	<i>hương liệu</i> [huəŋ liəu]	– hương liệu	[huəŋ liəu] 'аромат'

В современной обиходно-разговорной речи эти единицы функционируют как общеупотребительные нормативные слова (*mì chính* 'приправа, глутаминат натрия', *hương liệu* 'аромат') или как диалектные слова (*nhị từ* 'кладбище', *hương liệu* 'аромат'). В словарях нужно отражать и их существование и их соотношение к другим китаизмами.

В последнее время намечается новый путь заимствования китаизмов через современный китайский литературный язык путунхуа, основу которого составляет пекинский диалект. Большинство таких заимствований является трех-четырёхсложными собственными именами – топонимическими названиями, например: вьет. *U rum xi* < кит. 烏魯木齊 'Урумчи', вьет. *Chu tu lang ma* < кит. 珠穆朗瑪 'Джомолунгма', и лишь незначительная часть – нарицательными, например: вьет. *tú lơ khơ* < кит. 杜拉克 (название русской карточной игры «дурак»). В словарях необходимо отражать также связи этих единиц со старыми ханвьетскими заимствованиями (ср. *U-rum-xi* и его бывшее ханвьетское заимствование *Ô Lỗ Mộc Tề*, *gác* и *các* < кит. 閣 'мезонин', *lò* и *lô* 爐 'очаг, печь') и указывать на случаи косвенного заимствования из третьего языка, например:

вьет. *tú lơ khơ* < кит. 杜拉克 < рус. дурак.

При описании лексической системы вьетнамского языка, где 60% лексических единиц было заимствовано из китайского языка, очень важно выявление различных слоев китайских заимствований, соотношений между ними и отражение этих данных в словаре.

Б.В.Поспелов, К.И.Долотин
(Москва)

ПРОБЛЕМЫ СИНТЕЗА НАЗАЛИЗОВАННЫХ ФИНАЛЕЙ В СЛОГАХ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА

Известно, что одной из структурных составляющих китайских слогов из алфавита путунхуа, включающего около 400 силлабем, является финаль, то есть огласованная часть слога. В плане реализации общей программы синтеза нормативно воспринимаемых элементов китайской речи и, в частности слогов, в лаборатории экспериментальной фонетики ИСАА при МГУ под руководством профессора М.К.Румянцева был проведен обширный комплекс экспериментальных исследований по машинному моделированию и восприятию этих слогов [Румянцев, 1990]. Синтез осуществлялся с использованием программного синтезатора фор-

мантного типа ППИ-76 (подробно описан в работе: [Поспелов, Кашаев, 1976]).

Функциональные возможности синтезатора позволяли моделировать независимое изменение параметров шести формант (частота и амплитуда), частоты основного тона в пределах задаваемых временных интервалов, а также длительности каждого интервала.

Запрограммированные изменения частотных, амплитудных и мелодических параметров во временных интервалах отражают характерную для речевых сигналов нестационарную динамику процесса образования того или иного качества звука.

Известно, что существенную часть общего акустического алфавита путунхуа занимают синлабемы, содержащие назализованные финали, состоящие из слогаобразующей гласной и назального согласного альвеолярного или велярного типа.

В первом случае имеет место умеренная назализация гласного, а во втором – сильная («густая»). Примером могут служить такие финали как *an, ang, ong; en, eng; in, ün; in, ing* и т.п. для четырех стандартных китайских тонов.

Явление регрессивной ассимиляции приводит к тому, что слогаобразующая гласная приобретает назальную окраску под влиянием последующей терминали-, которая распространяется или только на конечную часть вокалического сегмента в случае последующего *n* или на весь сегмент в случае последующего *ng*. Назализация слогаобразующего гласного вкупе с самим сонантом предопределяет назализованное качество всей финали.

Акустически назализация слогаобразующего гласного и всей финали в целом проявляется в том, что формантные, мелодические и временные параметры составляющих финали приобретают характерные особенности по сравнению, например, с изолированным произнесением гласного или в ином контексте. Задача исследований, таким образом, заключалась в том, чтобы на основании аудирования носителями языка синтезированных слогов, содержащих назализованные финали указанного типа, получить банк данных – программы синтеза этих слогов, признанных нормативно китайскими.

Указанные программы представлены и детально описаны в упомянутой работе [Румянцев, 1990]. Здесь же предпринимается попытка систематизировать и обобщить сделанные в ней выводы. Ниже для большей наглядности особенности проявления альвеолярной и велярной назализации нормативно воспринимаемых финалей на акустическом уровне рассматриваются отдельно по следующим параметрам: число учитываемых формант, их частота, амплитуда, частота основного тона и продолжительность реализации тех или иных интервалов и всей финали в целом.

1. Количество формант

Для всех реализаций общее число требуемых формант не превышало трех: F1, F2, F3, причем для разных участков финалей это число варьирует от нуля до трех.

а. Альвеолярная назальность

Первая форманта присутствует во всех реализациях слогообразующего гласного и для всех тонов. Вторая форманта имеет место только для $\bar{a}$, a' , $\bar{i}$, i' . Таким образом, с повышением степени подъема назализованного гласного увеличивается вероятность появления третьей форманты.

Альвеолярный сонант n во всех реализациях одноформантен, а именно имеет только F1.

б. Велярная назальность

По-прежнему первая форманта имеет место для всех реализаций слогообразующего гласного и всех стандартных тонов. Вторая форманта присутствует только для $\bar{a}$, o' , $\bar{e}$, а третья – для $\bar{a}$, i' .

Велярный сонант ng по-прежнему во всех реализациях характеризуется наличием только F1. Таким образом, «густая» назализация приводит к уменьшению общего количества формант в спектре финали.

2. Формантные частоты

Преобладающим профилем формантных контуров являются ровный, нисходящий или комбинированный. Слабовосходящий контур встречается много реже. Тип назализации определенным образом влияет на форму профиля.

а. Альвеолярная назальность

Первая форманта чаще имеет ровнонисходящий профиль контура, например, у слогообразующих гласных e' , $\bar{u}$. Ровный контур наблюдается только для $\bar{i}$, а нисходящий – для $\bar{a}$. Вторая форманта чаще всего имеет ровный контур, например, у $\bar{a}$, e' . Нисходящий профиль встречается только для гласной $\bar{u}$. Для всех реализаций, содержащих третью форманту, она имеет ровный профиль контура.

Альвеолярный сонант n имеет ровный профиль контура $F(t)$, например, для финалей $e'n$, $\bar{u}n$; слегка нисходящий – для an , $i'n$, и ровнонисходящий – для финали $\bar{u}n$.

б. Велярная назальность

Характеризуется преобладанием комбинированного профиля контура первой форманты. Например, для o' имеет место ровнонисходящий контур, для i' – ровновосходящий, для $\bar{e}$ – U-образный, для $\bar{a}$ – плавнонисходящий. Вторая форманта имеет ровный профиль контура у слогообразующих гласных $\bar{a}$, o' , ровнонисходящий – для $\bar{e}$, а третья форманта там, где она появляется, имеет ровный профиль контура.

Велярный сонант ng характеризуется ровным профилем контура только у финали ing ; для финалей $\bar{a}ng$, $o'ng$ контур слабовосходящий, а у финали $\bar{e}ng$ он слабовосходящий. Закономерным является тот факт, что при переходе от альвеолярной к велярной назальности в целом происходит снижение абсолютных значений F1 и F2.

3. Амплитуды формант

Определенному качеству назальности рассматриваемых финалей соответствует характерное соотношение амплитуд первых трех формант

(A_1 , A_2 , A_3) в пределах вокалического и назального сегментов финали. В первом приближении общий диапазон амплитудных значений формант был разбит на три: с минимальными значениями от 0,01 до 0,1 (min), средними значениями от 0,1 до 0,25 (med) и максимальными значениями от 0,25 до 0,5 (max).

а. Альвеолярная назальность

Максимальными значениями A_1 на сегменте слогообразующего гласного отличалось большинство звуков (a' , $\bar{e}$, e' , $\bar{u}$, $\bar{u}'$). Средняя интенсивность этой форманты имела место у гласного $\bar{a}$, а минимальная – у $\bar{i}$, i' . Амплитуда форманты A_2 никогда не достигала максимальных значений, имея чаще всего среднюю величину для a' , e' и реже – минимальную у $\bar{a}$, $\bar{u}$. Третья форманта имеет, в основном, минимальную интенсивность у $\bar{a}$, $\bar{u}$. Однако встречаются нормативные реализации со средними для i' и даже максимальными значениями A_3 , например, для $\bar{i}$.

На участке сонанта n , где присутствует только первая форманта, все три уровня ее интенсивности встречаются примерно равновероятно: max для $e'n$, $a'n$; med для $e'n$, $\bar{u}n$ и min для $\bar{a}n$, $\bar{i}n$, $i'n$.

б. Велярная назальность

Характерна тем, что почти во всех реализациях первая форманта имеет максимальную интенсивность и только у слогообразующего i' она имеет среднее значение. Вторая форманта, как правило, характеризуется минимальными (как, например, у $\bar{a}$, $\bar{e}$) или средними (например, для o') значениями интенсивности. Во всех реализациях третья форманта имела минимальную амплитуду.

На участке сонанта ng интенсивность первой форманты чаще всего соответствует средним значениям и только для финали $\bar{a}ng$ она минимальна. Таким образом, можно отметить определенную тенденцию: переход от альвеолярной к велярной назальности сопровождается общим увеличением интенсивности A_1 и уменьшением амплитуды A_3 у слогообразующего гласного, а на терминальном участке амплитуда A_1 стабилизируется в районе средних значений.

4. Частота основного тона

Форма профиля мелодического контура на протяжении финали играет, видимо, меньшую роль при машинном моделировании эффекта ее назализации (как альвеолярной, так и велярной) по сравнению, например, с формантными контурами (но пренебрегать ею, безусловно, нельзя). Свидетельством тому являются программы синтеза нормативных китайских слогов.

а. Альвеолярная назальность

Мелодический контур $F_0(t)$ финали в общем соответствует требуемому типу стандартного тона: ровного, восходящего U-образного и нисходящего. Как правило, характер профиля, заданного на сегменте слогообразующего гласного, сохраняется и на протяжении последующего назального сонанта. Однако могут быть и исключения. Например, у финали $i'n$ восходящий контур на участке i' переходит в ровный на участке n ; на участке $\bar{u}$ в финали $\bar{u}n$ ровный контур отрицательным скачком

переходит в аналогичный на последующем участке *n*. По свидетельству аудиторов, эти комбинации в дополнение к другим факторам улучшают нормативность восприятия альвеолярной назализованности финалей.

б. Велярная назальность

Все вышесказанное в отношении альвеолярной назализации остается справедливым и в данном случае, за исключением того, что велярная назальность достигается вообще без использования мелодических контуров комбинированного профиля. Следует отметить, что смена типа назализации в ряде случаев сопровождается изменением абсолютных значений частоты ОТ. Например, финали $\tilde{a}n$ и $\tilde{a}ng$ отличаются, в частности, тем, что абсолютный уровень контура $F_0(t)$ в последнем случае заметно выше. Частота ровного контура финали $\tilde{e}ng$ тоже выше средней частоты восходящего контура финали $e'n$. Возможно, здесь проявляется некая закономерность, требующая, однако, дополнительного подтверждения. Установлено также, что назальность наиболее проявляет себя при прочих равных условиях во втором тоне [Долотин, 1995].

5. Временные соотношения

В работе М.К.Румянцева, в частности, подчеркивается, что время звучания качественно различных участков и финали в целом – параметр, несомненно, функционально значимый. В слоге (финали) должны соблюдаться соответствующие пропорции этих участков для получения требуемого эффекта и, в частности, той или иной степени назализации в нормативном восприятии.

а. Альвеолярная назальность

Общее время реализации нормативно воспринимаемой финали максимально для $\tilde{a}n$ – 800 мс. Затем в порядке уменьшения следуют: $\tilde{i}n$ – 595 мс, $\tilde{u}n$ – 575 мс, $\tilde{y}n$ – 415 мс, $e'n$ – 350 мс, $a'n$ – 325 мс. В среднем общая длительность финали равна 510 мс. Более важным фактором представляется соотношение длительностей слогаобразующего гласного и альвеолярного сонанта *n*. В частности, для финали $\tilde{i}n$ оно максимально и равно 1,9; для финалей $\tilde{a}n$, $e'n$ – 1,0; для финали $\tilde{u}n$ – 0,91; для финали $a'n$ – 0,45; для финали $\tilde{y}n$ оно минимально и равно 0,18. Средняя величина в данном случае составляет 0,9.

б. Велярная назальность

В данном случае имеем другие результаты. Максимальное время звучания нормативно воспринимаемой финали наблюдается у $\tilde{e}ng$ – 600 мс. Затем в порядке убывания следуют: $i'ng$ – 455 мс, $\tilde{a}ng$ – 440 мс, $o'ng$ – 405 мс. Средняя длительность финали равна 475 мс. Таким образом, велярность характеризуется меньшим общим временем звучания и меньшим его разбросом между финалями. Максимум отношения времени звучания гласного и сонанта *ng* имеет место у финали $i'ng$ – 1,51. Затем в порядке убывания следуют финали $\tilde{e}ng$ – 0,84; $o'ng$ – 0,72. Среднее отношение равно 1,0. Следовательно велярная назальность характеризуется в среднем тем же соотношением длительностей слогаобразующего гласного и терминали.

На основании вышеизложенного можно сделать следующие обобщающие выводы:

1) средствами формантного синтеза в целом возможно моделирование назальных финалей альвеолярного и велярного типа, дающее нормативное восприятие соответствующих слогов путунхуа носителями языка;

2) доминирующую роль при этом играет адекватный синтез параметров формантной структуры и, в первую очередь, – формантных контуров $F(t)$;

3) далее по мере снижения значимости следуют мелодические контуры $F_0(t)$ и временные соотношения;

4) при прочих равных условиях нормативная назальность того или иного типа проявляется себя в большей степени для второго стандартного тона китайского языка.

ЛИТЕРАТУРА

Долотин К.И. Фонологический и орфоэпический план единиц речи (машинное моделирование)//Языки Дальнего Востока, Юго-Восточной Азии и Западной Африки. Тезисы докладов 3-й Международной конференции. М., 1995;

Поспелов Б.В., Кашаев Е.Д. Комплекс аппаратуры для первичного анализа и синтеза речи//Тезисы докладов АРСО-9. Минск. 1976;

Румянцев М.К. Машинное моделирование единиц речи. М., 1990.

Е.А. Потанова
(Москва)

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ФОРМ ВЕЖЛИВОСТИ В ТИБЕТСКОМ ЯЗЫКЕ

В данном исследовании¹ рассматривается группа слов тибетского языка (ТЯ), имеющих элементы вежливости, исходное значение которых – «часть тела».

Формы вежливости «выражают общественные (в самом широком смысле этого слова) отношения между говорящими, слушающими и другими лицами, о которых идет речь» [Алпатов, 1971, с.3]. Они служат для маркирования социальных отношений, устанавливаемых в рамках коммуникативного акта. Употребление нейтральной или же «вежливой» лексической единицы обуславливается «с одной стороны, принадлежностью к определенному социальному строю, классу или группе, с другой – определяется ситуацией общения» [Швейцер, Никольский, 1978]. В первом случае мы имеем дело со стратификационной вариантностью употребления лексических единиц, во втором – с ситуационной вариантностью.

¹ В работе были использованы следующие словари [Рерих, 1983–1993; Краткий тибетско-русский словарь, 1963; Goldstein, 1975].

Стилистически окрашенные слова отмечены специальной пометой *вежл.*

Наличие форм вежливости в ТЯ отмечал еще известный венгерский тибетолог Чома де Көрёши. Он выделял так называемый «respectful language» (ཞེ་སའི་སྐད་ zhe sa'i skad) и «common or vulgar idiom» (མཉམ་ཁུག་ mnyam gtam) [Csoma de Kőrös, 1984, pp.32–36].

В очерке «Тибетский язык» выдающийся русский тибетолог Ю.Н. Рерих писал: «Тибетский язык богат выражениями почтительности, среди которых различают две степени: общепринятые выражения почтительности и весьма почтительные. Последние употребляются в беседе с высокопоставленными лицами» [Рерих, 1961, с.123–131].

В социально-коммуникативном аспекте высказывания В.И. Васильев выделяет следующие факторы: а) социальное положение коммуникантов; б) соотношение их возрастов; в) эмоциональное состояние говорящего; г) тип взаимоотношений коммуникантов; д) тип обстановки общения и е) цель высказывания» [Васильев, 1993, с. 33].

Некоторые общие закономерности образования форм вежливости в тибетском языке отмечал Ю.М. Парфионович на основе их частеречной принадлежности и структурных особенностей [Парфионович, 1970, с.44–46].

Китамура Хадзимэ более подробно исследует структурные модели форм вежливости ТЯ [Kitamura Hajime, 1977, pp.13–14].

Предлагаем рассмотреть основные способы образования структурно-семантических моделей форм вежливости.

1. К именной основе (слову) добавляется уникальный префикс вежливости, который можно определить как аффиксальную уникалию, или же префиксоид, занимающий промежуточное положение между префиксом и компонентом сложного слова. В рамках данного способа словообразования выделяются следующие модели:

А. Префикс вежливости добавляется к односложной основе (слову): དངལ་ ngy.¹ 'деньги' (нейтр.) → རྩལ་དངལ་ qa'¹ngy.¹ 'деньги' (вежл.), རྩལ་ qa'⁴ – префикс вежливости, имеющий исходное значение 'рука'.

Б. Префикс вежливости добавляется к усеченной основе слова (опускается суффикс). མ་མ་ ха²то¹ 'шапка' (нейтр.) → དབ་མ་ u¹ха¹ 'шапка' (вежл.), དབ་ u¹ – префикс вежливости, имеющий исходное значение 'голова' (вежл.), མ་ ха² – значимая основа 'шапка' (вежл.), то¹ – суффикс.

В. Префикс вежливости добавляется к одному из знаменательных компонентов слова, другой знаменательный компонент опускается: དྲུག་མཁ་ ka.¹yo.¹ 'чашка' (нейтр.), ལལ་དྲུག་ хе.²ка.¹ 'чашка' (вежл.), ལལ་ хе.² – префикс вежливости, имеющий исходное значение 'рот' (вежл.).

Среди этих моделей наиболее продуктивные – модели А и Б.

2. Один из компонентов двусложного слова может «замещаться» синонимичным компонентом, принадлежащим к вежливому стилю речи: ཁ་མ་ kha¹la² 'пища' (нейтр.) → ལལ་ཁ་ хе.²la² 'пища' (вежл.), компонент ཁ་ kha¹ 'рот' «замещается» компонентом ལལ་ хе.² 'рот' (вежл.).

3. В отличие от вышеупомянутых способов образования тибетских вежливых форм, характерных для именных частей речи, данный способ характерен для глаголов. К глагольной основе добавляется не только префикс вежливости, но и вспомогательный глагол: ལྟོག་ lo² 'читать' (нейтр.) → ལྟོགས་ལྟོག་པ་ ja.²lo² nang¹ 'читать' (вежл.), ལྟོགས་ ja² –

префикс вежливости, имеющий исходное значение 'язык' (вежл.), གནང་པཀ་¹ – вспомогательный глагол со значением 'делать, давать' (вежл.).

Кроме того, многие слова тибетского языка имеют разнокоренные «вежливые» аналоги: འགྲོ་² zho² 'идти' (нейтр.) – ཤེལ་པཀ་¹ phe¹ 'идти' (вежл.), ཁ་¹ xa¹ 'мясо' (нейтр.) → གསེལ་བྱས་¹ sa:¹zham¹ 'мясо' (вежл.).

Приведенный материал дает основание сделать вывод о том, что слова вежливого стиля речи, имеющие в качестве одного из компонентов название части тела, разделяются на два основных типа: с одной стороны, производные префиксальные слова (то есть те слова, в которых данный компонент является префиксом вежливости), и, с другой стороны, – сложные слова, в которых компонент, обозначающий части тела, является значимым и непосредственно участвует в формировании слова.

Рассмотрим лексико-семантическую структуру префиксальных единиц вежливости. Сочетаемость основ и префиксов вежливости, имеющих первичное значение «часть тела» имеет следующие особенности.

1. Префикс ཀྱ་¹ ku¹ имеет исходное значение 'тело' (вежл.). Очертим примерный круг значений основ, присоединяющих к себе этот префикс: «тело», «часть тела», «здоровье»; выражение естественных состояний и процессов («болезнь», «выздоровление», «смерть», «рождение», «усталость», «замерзание» и т.д.); выражение отношения между людьми (родственные, враждебные и т.д.); указание на месторасположение по отношению к субъекту; «изображение», «картина»; «одежда», «украшение», «имущество»; «дело», «торговля»: ཀྱ་ཀྱེ་⁴ ku¹ke⁴ 'талия' (вежл.), ཀྱ་ལུང་¹ ku¹nyung¹ 'болеть' (вежл.), ཀྱ་ཚང་¹ ku¹tshong¹ 'торговля' (вежл.).

2. Префикс རྒྱ་ས་³ ja³ имеет исходное значение 'язык' (вежл.). Основы, сочетающиеся с данным компонентом, имеют примерно следующие значения: «пища» и ее конкретные разновидности; «цена», «число», «счет»; «разговор» («чтение», «распоряжение»); «дыхание»: རྒྱ་ས་ལང་¹ ja:²lung¹ 'распоряжение, поучение' (вежл.), རྒྱ་ས་རྩ་² ja:²ca¹ 'солн' (вежл.), རྒྱ་ས་བྱང་ས་⁴ ja:²zhang⁴ 'число' (вежл.).

3. Префикс དབ་¹ u¹ имеет первичное значение 'голова' (вежл.). Значения основ, присоединяющих к себе данный компонент, таковы: обозначение предметов, тем или иным образом связанных с головой (например, «шапка», «шлем», «подушка» и т.д.); «жилище» (например, «замок», «палатка»); «ранг», «положение»: དབ་ཀྱ་¹ u¹xa¹ 'головной убор, шапка' (вежл.), དབ་ཀུར་¹ u¹kur¹ 'палатка, оообняк' (вежл.), དབ་ཤུལ་¹ u¹na¹ 'клятва' (вежл.).

4. Префикс རྒྱ་ས་² xe:² имеет исходное значение 'рот' (вежл.). Основы, присоединяющие к себе данный префикс, имеют следующие значения: «разговор», «ответ», «чтение вслух»; «встреча», «посещение»; «ложь»; «улыбка», «губы»; «соревнование»: རྒྱ་ས་ཆུ་¹ xe:²qu¹ 'губы' (вежл.), རྒྱ་ས་ཆེལ་¹ xe:²je¹ 'встреча' (вежл.), རྒྱ་ས་ལན་¹ xe:²len¹ 'ответ' (вежл.).

5. Префикс བྱ་⁴ qa⁴ с исходным значением 'рука' присоединяется к основам со следующими значениями: обозначение предметов, непосредственно связанных с рукой (например, «посох», «ключ», «книга» и т.д.); «свидание», «встреча», «беседа»; выражение передвижения в пространстве; «подарок», «подношение»: བྱ་ས་ཤུལ་¹ qa:¹so:¹ 'палец руки' (вежл.), བྱ་དང་ལ་² qa:²ngy:² 'деньги' (вежл.), བྱ་ཆེལ་¹ qa:¹nge:¹ 'встреча' (вежл.), བྱ་ཆུང་¹ qa:¹ta¹ 'стрела' (вежл.).

6. Префикс ལུག་ *xep³* имеет исходное значение 'нога' (вежл.). Он присоединяется к основам со следующими значениями: «часть ноги»; «ходьба», «путешествие»; «обувь»; «расположение вокруг предмета»; «побуждение к действию»: ལུག་རྩིང་ *xep²ting¹* 'пятка' (вежл.), ལུག་བསྐྱལ་ *xep²kyu¹* 'побуждать' (вежл.), ལུག་གླེན་ *xep²the²⁴* 'ходить'.

К наименее продуктивным относятся префиксы རྒྱུ་ *ku²* и རྒྱུ་ *jen¹*.

7. Префикс རྒྱུ་ *ku²* имеет исходное значение 'горло' (вежл.). Он присоединяется к основам со значениями «песня», «простуда», «кашель»: རྒྱུ་ལུ་ *ku²lu¹* 'песня' (вежл.), རྒྱུ་ཆས་ *kun²qam¹* 'простуда'.

8. Префикс རྒྱུ་ *jen¹* имеет исходное значение 'глаз' (вежл.). Он сочетается с основой «приглашать, приглашение», например: རྒྱུ་ཅངས་ *jen¹zhang⁴* 'приглашение'.

Мы рассмотрели группу тибетских слов, имеющих в качестве префикса вежливости компонент с исходным значением «часть тела». Нами было выяснено, что значение основы, как правило, связано со значением префикса вежливости, хотя в некоторых случаях проследить эти связи довольно сложно. Однако в целом данная проблема принадлежит к наименее разработанным в теории речевой коммуникации и требует глубокого систематического изучения.

ЛИТЕРАТУРА

- Алпатов В.М. Грамматическая система форм вежливости современного японского языка/Автореф. ... канд. филол. наук. М., 1971;
Васильев В.И. Модель семантики высказывания. М., 1993;
Краткий тибетско-русский словарь/Под ред. Ю.М. Парфионовича. М., 1963;
Парфионович Ю.М. Тибетский письменный язык. М., 1970;
Рерих Ю.Н. Тибетский язык. М., 1961;
Рерих Ю.Н. Тибетско-русско-английский словарь с санскритскими параллелями /Под ред. Ю. Парфионовича и В. Дылыковой. М., 1983-1993;
Швейцер А.Д., Никольский Л.Б. Введение в социолингвистику. М., 1978;
Csoma de Körös A. Grammar of the Tibetan Language. Budapest, 1984;
Goldstein M. Tibetan-English Dictionary of Modern Tibetan. Kathmandu, 1975;
Kitamura Hajime. Tibetan (Lhasa Dialect). Tokyo, 1977.

М.Б.Рукодельникова
(Москва)

К ПРОБЛЕМЕ ОПИСАНИЯ ГЛАГОЛЬНОЙ СОЧЕТАЕМОСТИ В СЛОВАРЯХ СОВРЕМЕННОГО КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА

1. Данное исследование проводилось в рамках семантического анализа одной из структурных единиц лексической системы современного китайского языка (путунхуа) – описания глагольного комплекса. Глаголь-

ный комплекс (ГК) рассматривался нами как одна из разновидностей лексических комплексов, представляющая собой последовательность двух и более глаголов, причем в круг исследуемых образований не были включены редупликации, сочетания с модальными глаголами и глаголами-предлогами.

II. При изучении какого-либо лингвистического явления весьма важное значение приобретает его количественная характеристика, получаемая на основе объективных статистических критериев.

Количественная характеристика глагольных комплексов включает в себя продуктивность и частотность.

Под продуктивностью понимается способность служить образцом для производства комплексов.

Продуктивность исследуемой модели образования ГК определялась по словарям и зависела от регулярности создания ГК данной структуры в языке.

III. Множество ГК в современном китайском языке (СКЯ) является открытым, оно постоянно пополняется за счет создания все новых комплексов, так что исчислить его невозможно. Говорящий зачастую создает новое понятие по определенной модели, хранящейся в его подсознании.

Разные словари в разной степени отражают ГК. Это вызвано, во-первых, тем, что словотворчество является живым процессом, а, во-вторых, отсутствием четких критериев, позволяющих решить проблему включения лексического комплекса в словарь слов (*cidian*).

Как показывает сравнительный анализ нескольких лингвистических словарей СКЯ, проведенный на примере результативных комплексов, наибольшей подробностью отличаются Китайско-японский словарь Кураиси [*Chugoku jiten*, 1963], Фонетический словарь китайского языка [*Hanyu pinyin cihui*, 1963], Словарь национального языка [*Guoyu da cidian*, 1975], Словарь-дополнение к словарю *Xiandai hanyu cidian*, содержащий только многосложные лексемы [*Xiandai hanyu bubian cidian*, 1986], а также Большой словарь глаголов СКЯ [*Xiandai hanyu dongci da cidian*, 1994].

IV. Одни комплексы обладают регулярной воспроизводимостью, другие – создаются в процессе речепроизводства. Словари, в первую очередь, фиксируют конструкции, обладающие наибольшей идиоматичностью. Например: *yingxiang* 'влиять' ('бросать тень' + 'звучать').

Современное состояние лексикографической разработки сложных лексических комплексов в словарях китайского языка полностью отражает разноречие в определении статуса сложного слова.

V. На предварительном этапе материалом анализа послужил словарь *Xiandai hanyu cidian bubian* (1989), представляющий собой дополнение к Словарю СКЯ.

Подобные словари могут дать полезную информацию о современном состоянии словопроизводства в лексике китайского языка, так как в них находят отражение новые явления в словообразовании и фиксируются лексические комплексы, еще вчера не рассматривавшиеся как самостоя-

тельные единицы языка. (Словарь содержит только дву- и более сложные лексемы.)

Методика статистического анализа глагольных комплексов включала в себя 32 выборки из данного словаря объемом в страницу текста каждая. Исследовалась каждая 12 страница, подсчитывалось число глагольных комплексов и число лексических комплексов в выборке. Общий объем выборок составил около 5% от полного набора лексем словаря, что является достаточно репрезентативным исследованием и позволяет использовать полученные данные в качестве источника на начальном этапе количественного анализа глагольных комплексов в СКЯ.

Каждая из 32 выборок показывает так называемую выборочную продуктивность изучаемого явления (процентное соотношение зафиксированных ГК и комплексов других структур в каждой выборке).

Далее для получения обобщенных результатов вычислялась средняя условная продуктивность исследуемой модели образования глагольных комплексов. Данная продуктивность является условной, так как осуществлялась не сплошная расписка словаря, а обрабатывались результаты случайных выборок, при этом следует учитывать, что ни один словарь не может охватить всей лексики изучаемого языка.

VI. Таким образом, факты показывают, что среди многосложных лексических комплексов СКЯ глагольные комплексы занимают значительное место (около 16% лексем в словаре-дополнении к нормативному словарю *Xiandai hanyu cidian*).

VII. Глагольные комплексы, полученные в результате случайных выборок из словаря *Xiandai hanyu cidian bubian*, отличаются большим разнообразием как с точки зрения плана выражения, так и с содержательной стороны.

1. В выборке были представлены ГК трех структурных типов, причем подавляющее количество комплексов было образовано по копулятивной и результативной моделям. Например:

1) копулятивные комплексы: *cizhu* 'помогать (деньгами)' ('помогать' + 'помогать'); *dashuan* 'упаковать' ('связать' + 'вязать'); *daodong* а) 'передвинуть' ('перемещать' + 'двигать'); б) 'перепродать' ('перемещать' + 'торговать');

2) результативные комплексы: *chezou* 'вывести, отвести' ('отступать' + 'идти'); *daqiang* 'ограбить' ('бить' + 'отнять'); *dangchu* 'очистить' ('полоскать' + 'удалять').

2. В большинстве случаев частеречная принадлежность комплекса в целом не отличается от лексико-грамматической принадлежности компонентов (то есть $V + V = V$), но было также несколько случаев образования существительных ($V + V = N$). Например: *biaosan* 'делёж' ('распределять' + 'рассеяться'); *bieliu* 'протока' ('рассстаться' + 'течь'); *gankang* 'индуктивное сопротивление' ('чувствовать' + 'сопротивляться'); *kuaxi* 'похвала' ('хвалить' + 'хвалить').

3. Порядок следования компонентов в полученном корпусе примеров в основном фиксирован, лишь в одном случае возможна перестановка частей комплекса без изменения смысла: *lancheng* ~ *chenglan* 'работать по привлечению чего-либо' ('привлекать кого-либо для чего-либо' + 'оказать честь').

ния. Например: *minchu* 'искоренить' ('исчезать' + 'уничтожить'); *beijia* 'увеличить' ('усилить' + 'прибавить'); *daqiang* 'ограбить' ('бить' + 'отнять');

2) $r(X_1, X_2) = \langle\langle X_1 \rangle\rangle = \langle\langle X_2 \rangle\rangle$ – реляция дублирования с усилением: *cizhu* 'помогать (деньгами)' ('помогать' + 'помогать');

3) $r(X_1, X_2) = \langle\langle X_1(X_2) \rangle\rangle$ – реляция поглощения значения одного компонента другим, то есть происходит десемантизация одного из компонентов. Например: *daonian* 'молиться' ('молиться' + 'думать, читать'); *gouche* 'войти в сговор' ('войти в сговор' + 'порвать');

4) $r(X_1, X_2) = \langle\langle \text{переосмысленные обобщенные } X_1 + X_2 \rangle\rangle$ – реляция переосмысления на основе промежуточного обобщения (суммирование – обобщение – переосмысление): *kaishuan* 'подшутить над кем-либо' ('кипеть' + 'полоскать');

5) $r(X_1, X_2) = \langle\langle \text{действие, обозначенное вторым компонентом, произошло благодаря тому, что его объект подвергся действию, обозначенному } X_1 \rangle\rangle$ – реляция причинно-следственная. Например: *dangchu* 'очистить' ('полоскать' + 'удалить');

6) $r(X_1, X_2) = \langle\langle Y \rangle\rangle$ – подобные комплексы характеризуются наличием разной степени идиоматичности. В ряде случаев значение комплекса совершенно не следует из значений компонентов. Например: *dusai* 'загородить' ('искоренить' + 'втиснуть'); *panzhai* 'от высоких достижений спуститься вниз' ('карабкаться вверх' + 'снимать вниз').

Посредством рассмотренных семантических реляций обеспечивается единство полученных в ходе статистического эксперимента глагольных комплексов. Таким образом, мы видим, что даже выборка, представляющая примерно 5% словаря, позволяет судить о глагольных комплексах как о весьма продуктивной модели в современном словообразовании, отличающейся к тому же большим разнообразием.

VIII. Как представляется в результате анализа корпуса примеров, возникновение и широкое распространение лексических комплексов в СКЯ вызвано прежде всего стремлением говорящего к преодолению языковой неоднозначности, а также в большинстве случаев свободным производством комплексов в речи в целях конкретизации действия морфо-семантическими средствами.

IX. На настоящем этапе исследования отражения глагольной лексики в словарях СКЯ нами осуществляется количественный анализ Большого словаря глагольной лексики СКЯ [Xiandai hanyu dongci da cidian, 1994].

И.В.Самарина
(Москва)

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ФОНОЛОГИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ ЯЗЫКА ЛАТИ

Язык лати относится к группе кадайских языков, в которую помимо него входят языки пупео (лакуа), ле, лаха, гэлао, последний наиболее близок лати. Языки кадайской группы обнаруживают сходные черты с тайскими, австронезийскими языками, с языками мяо-яо, что дало ос-

нование П.Бенедикту выдвинуть гипотезу о существовании австротайской макросемьи.

Лати проживают на юге Китая и севере Вьетнама. Численность лати, по данным 1990 года, составляет свыше 7800 человек, из них более 1600 проживает в Китае. В 1995 году Российско-вьетнамской лингвистической экспедицией был обследован язык народности лати, проживающей во Вьетнаме (община Банфунг уезда Хоангшуфи пров. Хазянг).

Несмотря на принадлежность к различным языковым семьям, языки Восточной и Юго-Восточной Азии обнаруживают определенное типологическое сходство, общие тенденции развития, являясь в основном изолирующими языками.

Слог в изолирующих языках характеризуется фиксированной структурой и фиксированными наборами фонем для каждой позиции. Эти наборы могут существенно различаться от языка к языку, а также и для одного и того же языка в разные периоды его истории.

Во многих языках данного ареала наблюдается тенденция к открытости слога, то есть процесс постепенной утраты терминалей, в связи с этим набор терминалей всегда намного беднее набора инициалей.

Падение терминалей сопровождается развитием тоновых систем или фонационных различий. В катуических языках качество терминалей достаточно разнообразно, так, например, в языке таойх терминалями могут быть фрикативные (-s, -h), сонорные (сонанты, а также -r и -l), смычные (-p, -t, -c, -k, -ʔ), полугласные (-i и u). Во вьетнамском языке фрикативные терминали отсутствуют, из сонорных остались только сонанты, в языке же рук (вьетмыонгские языки), сохранившем более древние черты, чем вьетнамский, набор терминалей практически совпадает с терминалями языка таойх. На определенном этапе исчезают фонологические различия между терминальными смычными, в результате чего обычно остается одна -ʔ (как, например, в языке катуической подгруппы пэнонг), которая далее утрачивает свой сегментный характер, оставляя след в виде супraseгментной характеристики (соответствующего тона или фонации). Сонантные терминали утрачиваются последними (так, в языке хмонг имеется только одна терминаль – сонант, качество которой изменяется по комбинаторным правилам).

Язык лати пров. Хазянг (имеется в виду описываемый нами вариант языка лати, поскольку, по публикациям, язык лати в Китае имеет отличия как в наборе инициалей, так и в наборе финалей, например, в нем сохранились частично носовые терминали) представляет собой предельный случай подобного развития. В нем утрачены все терминали, за исключением: 1) нескольких случаев заимствований (*hōm* < вьет. *hòm* 'сундук', *mī⁴⁴ kām⁴⁴* < вьет. *sam* 'апельсин', *la⁴² cūŋ³³* < вьет. *chung* 'общий'); 2) вариативного произношения назализованных гласных: *V̄* → *V̄N*, где N – сонант: *ā⁴⁴ te⁴²* ~ *ām⁴⁴ te⁴²* 'теплый', *s'ā³³ s'e³³* ~ *s'ām³³ s'e³³* 'холодный', *kū⁴² zō⁴⁴* ~ *kūr⁴² zō⁴⁴* 'гора'; 3) случая *Sūt* и *Sūr*: *t'ūt⁴⁴* 'пруд', *sūt⁴⁴* 'угол', 'пробовать', *nūt⁴⁴* 'собака', *tī³³ nūt³²⁴* 'питон', *kūt⁴⁴* 'держат во рту', *nūt⁴⁴ be⁵⁵* 'свинья'.

Последний случай допускает три объяснения: а) в языке лати существуют рифмы *ūt* и *ūr* с терминалями-сонантами; б) в языке лати имеются слоги, где функцию централи выполняет слоговой сонант, то есть *Sūt* и *Sūr* – это фонетические реализации слогов со структурой *Ct*,

Ср; в) это результат стяжения самостоятельных слогов: $ni^{33} mbe^{55} < ni\eta^{44} be^{55}$ 'свинья'. Таким образом, если в языке лати и имеются сонантные терминали, то подобные слоги находятся на периферии фонологической системы.

Для языка лати проблематично наличие двух типов слогов: сильных и слабых, или пресиллабов, что обычно характерно для языков данного ареала, например, монкхмерских языков, части вьетмыонгских языков (поонг, рук, арем), большинства языков мяо-яо, языков кадайской группы (лаха, пупэо, гэлао).

Пресиллабы характеризуются более ограниченным структурным устройством, более ограниченным, по сравнению с сильным слогом, набором фонем, могущих занимать позиции в пресиллабе, невозможностью употребляться самостоятельно без следующего за пресиллабом сильного слога, невозможностью отделяться чем-либо от сильного слога, фонетическими процессами, в частности редукцией (в том числе и до нуля), нейтрализацией супrasegmentных характеристик, невозможностью выражать вещественные значения (лишь в некоторых случаях они выполняют грамматические функции).

В лати может быть выделен ряд слогов, по функциям и по форме сходных с пресиллабами других языков ($a-$, $qa-$, $m-$): $a^{42} lu^{44}$ 'лягушка' (ср. $ni^{42} lu^{44}$ 'головастик'), $a^{33} li^{33}$ 'рыба', $a^{42} no^{44}$ 'птица', $qa^{33} tu^{33}$ 'кожа', $qa^{33} ni^{33}$ 'имя', $qa^{42} le^{33}$ 'далекий', $qa^{33} lu^{22}$ 'близкий', $qa^{33} la^{33}$ 'хороший', $qa^{33} s\eta^{33}$ 'плохой', $qa^{44} fa^{42}$ 'хотеть, нравиться', tra^{33} 'отец (свой)', mbe^{33} 'вчера'. Однако такие системные характеристики, как отсутствие в лати сегментных фонетических изменений (в том числе редукции), обязательность наличия тона для любого слога, не дают основания для выделения в лати двух различных типов слогов.

Таким образом, в языке лати достигнута стадия крайнего упрощения структуры слога, то есть можно сказать, что процесс достиг своего логического завершения. Поскольку развитие языка – это непрерывный процесс, то с объективной необходимостью в языке должна возникнуть и противоположная тенденция – тенденция к усложнению структуры слога, что в лати проявляется в стяжении двух слогов, при котором последующий слог «приклеивается» к предыдущему, при этом возникают новые структуры слогов. Так, личные местоимения $k'u^{44}$ 'я', be^{33} 'ты', ke^{44} 'он' имеют формы для выражения второстепенных функций, соответственно, u^{44} , e^{33} и e^{44} : $trau^{33} < tra^{33} + u^{44}$ 'мой отец', $ke^{44} i^{44} ta^{423} fe^{33} u^{33}$ 'Он работает больше, чем я' ($fe^{33} u^{33} > fe^{33}$), аналогичные стяжения наблюдаются при постпозитивном употреблении показателя совместности a^{33} , побудительной частицы e^{44} , ср. также nja^{33} 'ребенок' $< ni^{33}$ (обозначение лица) + 2a 'маленький'.

В языке постоянно наблюдаются противоречивые тенденции, что и является в конечном счете движущей силой языкового развития.

В начале развития какого-либо процесса трудно дать однозначную фонологическую интерпретацию происходящего, так как все происходит на периферии фонологической системы и поэтому не ясно, будет ли это явление фонологически значимым для системы и в каком направлении пойдет развитие языка. Когда же процесс приближается к своему логическому завершению, начинает усиливаться противоположная тенденция, и то, что было в системе фонологически значимым, начинает утра-

чивать свою роль и перемещаться на периферию языка. Только тогда, когда одна из тенденций становится доминирующей, можно дать происходящему процессу наиболее адекватную интерпретацию.

В лати 30 простых инициалей (в том числе 2-; инициальные кластеры отсутствуют) и 16 гласных (8 простых и 8 соответствующих им назализованных — признак назальности с терминали перешел на централь), имеются слоговые сонанты (аналогичное явление мы наблюдаем в языках мяо-яо).

Поскольку финали отсутствуют, а закон постоянной длительности слога действует, то различение долгих/кратких гласных невозможно по системным соображениям. При этом в случае заимствований или в слогах с сохранившимися терминалями-сонантами гласный всегда краткий.

Если бы любая инициаль могла сочетаться с любой центральной, то теоретически было бы возможным наличие в языке лати свыше 480 сегментно различных слоговых единиц, однако, учитывая, что палатализованные согласные в лати не сочетаются с гласными переднего ряда, получаем, что в лати может быть около 320 различных слогов (в собранных полевых материалах зафиксировано около 260 сегментно различных слогов), и даже учитывая, что в языке лати шесть тонов (при этом реализуются не все возможные варианты), все равно получаем, что семантическая неопределенность слогов очень велика, поскольку лексический состав языка во много раз превосходит количество сегментно различных слогов с учетом и супraseгментных характеристик, это приводит к возникновению омонимии и ограничению синтаксической самостоятельности односложных единиц [Солнцев, 1995].

К тому же, с одной стороны, тоновые характеристики действительно служат для смысловоразличения: $[a^{33}] te^{33}$ 'мы (инклюз.)' и $[a^{42}] te^{44}$ 'мы (эксклюз.)'; $mi^{44} \eta^{42}$ 'душистый' и $mi^{44} \eta^{33}$ 'воющий', а с другой стороны, мы наблюдаем изменение тона у одного и того же компонента в зависимости от того, употребляется он изолированно или входит в определенные сочетания: $p'ju^{22}$ 'нож', ср. $qa^{42} p'ju^{55}$ 'острие ножа', $k'i^{44} p'ju^{42}$ 'лезвие ножа', $p'ju^{33} ko^{22}$ 'тесак, косарь'.

Комбинаторные изменения тонов характерны также для языков-мяо, в частности для языка хмонг, в отличие от вьетмыонгских языков, в которых тон является постоянной, неизменяемой супraseгментной характеристикой конкретного слога.

Крайнее упрощение структуры слога приводит к появлению большого количества омонимов, различение которых требует от языка либо изменения звуковой системы (см. выше), либо разработки дополнительных грамматических средств, например, достаточно специфическое, по сравнению с другими языками, употребление классификаторов, благодаря чему образуются двусложные единицы; более частое использование повторов, так, в лати имеется достаточное количество прилагательных-повторов среди базовой лексики: $k\hat{a}^{44} k'a^{55}$ 'высокий', $ny^{324} ny^{44}$ 'желтый', $be^{42} be^{44}$ 'длинный', $le^{42} le^{44}$ 'короткий', в то время как в других изолирующих языках повторы у прилагательных в основном используются для выражения ослабления или усиления качества.

ТИБЕТСКИЕ АНТРОПОНИМЫ

Изучение антропонимики представляет собой одну из основных задач ономастики, поскольку имеет важное значение в исследовании современного состояния и истории тибетского языка.

Антропонимы образуют в тибетском языке особый слой слов, которые значительно отличаются от имен собственных индоевропейского происхождения. В большинстве своем они образованы от основ, означающих абстрактные, философские и религиозные понятия: знание, удачу, власть, учение (доктрину) Дхарму, счастье, сострадание, терпение, достижение совершенства или просветления и т.д.¹.

Существенную роль в создании тибетских имен сыграл буддизм, пришедший из Индии в Тибет в VII веке. Буддийское мировоззрение достаточно четко отразилось и в антропонимике. Список имен, представленный в учебнике Лосана Тхондэна «Modern Tibetan Language» (Т.2. Нью-Дели, 1986), свидетельствует, что большинство тибетских имен создавалось уже в буддийском Тибете, а добуддийские имена прошли соответствующую обработку. Так, во всем списке обнаружено лишь одно имя добуддийского происхождения — གཤམ་རྒྱལ་ Юнджун 'хорошо живущий, здравствующий'. В период проникновения буддизма в Тибет происходит заимствование санскритских имен: ཀ་མ་ Карма 'карма', བད་མ་ Бэма 'лотос'; калькируется имя Будды — སངས་རྒྱལ་ Саңге 'просветленный' и имена различных божеств буддийского пантеона — རྒྱལ་དྭགས་ Джогар 'Белая Тара'. Появляются антропонимы, соответствующие дням недели и названиям планет или образованные от числительных, обозначающих, по буддийским представлениям, наиболее значимые дни месяца: ཉི་མ་ Нима 'Солнце, воскресенье', ཟླ་པ་ Дава 'Луна, понедельник', མིག་མར་ Мигмар 'Марс, вторник', ཆེས་གཏོག་ Цеди 'первое число', ཆེས་བརྒྱད་ Цеге 'восьмое число', བཅོ་ལྔ་ Дэна 'пятнадцатое число'.

В тибетской антропонимике различаются три категории лексического рода: мужской, женский и общий. Имена общего рода могут образовывать пары по аналогии с рус. *Александр — Александра* с использованием суффикса мужского рода ཐཎ་ (та) и суффикса женского рода མ་ мо: རྒྱལ་པ་ Гелбо — རྒྱལ་མ་ Гелмо 'царь — царица', བད་མ་ Бэма — བད་མ་ Бэмо 'лотос', དབང་པ་ Баво — དབང་མ་ Бамо 'герой — героиня'. К именам общего рода относятся также заимствования из санскрита, имена-эпитеты, отражающие представления буддистов о самом Будде: སངས་རྒྱལ་ Саңге 'просветленный', དངོས་རྒྱལ་ Нэджун 'абсолютное знание истины', འཆི་དྭགས་ Чиме 'бессмертный', ཤེས་རབ་ Шерэп 'мудрость', ལྷམས་པ་ Чамба 'сострадание', а также имена, соответствующие дням недели и числам месяца.

Грамматическая принадлежность к роду выражается посредством традиционно «мужских» и «женских» основ и суффиксов ཐཎ་ -ба, བ་ -ва, མ་ -ма, ཐཎ་ -бо, བ་ -во, མ་ -мо.

Традиционно женскими считаются следующие имена:

¹ Написание имен приводится в соответствии с их современным произношением в лхасском диалекте тибетского языка.

1) содержащие в себе традиционно «женские» основы རྩིན *gi* 'радость, веселье, счастье', རྩིན་པ་ *джен* 'свет, лучи', རྩིན་པ་ལྗང་མ་ *цзюм* 'полная, наполненная', རྩིན་པ་ལྗང་མ་ *Гицзюм* 'преисполненная радости, радостная', རྩིན་པ་ལྗང་མ་ *Чеджён* 'свет учения';

2) содержащие основы, соответствующие названиям цветов и драгоценностей: མེད་ཀྱི་མ་ *Медок* 'цветок', ལྷ་ལྷ་ལྷ་ལྷ་ *Юджён* 'свет бирюзы' и др.;

3) подразумевающие в своем значении принадлежность к женскому роду и маркированные суффиксами женского рода མ་ -*мо* и མ་ -*ма*: མ་མེད་མ་ *Джомо* 'Тара', མ་མེད་མ་ *Цомо* 'океан' и др.

Посредством тех же суффиксов བ་ -*ба*, བ་ -*ва*, མ་ -*ма*, བོ་ -*бо*, བོ་ -*во*, མ་ -*мо* выражается также и принадлежность к категории одноосновных имен. Поскольку тибетские антропонимы тяготеют к двусложной форме, одноосновные имена маркируются суффиксами, но могут маркироваться сингармоничными слогами: ལྷ་ལྷ་ལྷ་ལྷ་ *Шённу* 'молодой', ལྷ་ལྷ་ལྷ་ལྷ་ *Сеңге* 'лев', или не маркироваться вообще: མེད་ཀྱི་མ་ *Медок* 'цветок', ལྷ་ལྷ་ལྷ་ལྷ་ *Ше-рэл* 'мудрость'.

Большинство тибетских антропонимов образовано не от одной, а от двух основ и относится к категории двусловных имен. Двусловные имена, как правило, создавались в результате акта целенаправленного словообразования от основ с ярко выраженным положительным значением. Даже если основа མེད་ *ме/мед* выражает отрицание, а основа རྩིན་ *чи* 'смерть', их сочетание приобретает положительное значение «бессмертный». В отличие от имен индоевропейского происхождения, где значение имени не всегда может быть выведено из суммы отдельных компонентов, значение тибетских двусловных имен всегда более или менее очевидно. Способ их образования мало чем отличается от способа образования имен нарицательных, но набор основ ограничен. В качестве опорного компонента тибетских двусловных имен выступают субстантивы, адъективы и глаголы, например: ལྷ་ལྷ་ལྷ་ལྷ་ *Гецэн* 'знамя победы', ལྷ་ལྷ་ལྷ་ལྷ་ *Даджин* 'голова лошади', ལྷ་ལྷ་ལྷ་ལྷ་ *Лосэл* 'ясный, светлый ум', ལྷ་ལྷ་ལྷ་ལྷ་ *Цериц* 'долгая жизнь', ལྷ་ལྷ་ལྷ་ལྷ་ *Нордэн* 'богатый', ལྷ་ལྷ་ལྷ་ལྷ་ *Гюңсан* 'всегда хороший', ལྷ་ལྷ་ལྷ་ལྷ་ *Гёнчок* 'редчайший', ལྷ་ལྷ་ལྷ་ལྷ་ *Кхаджо* 'сошедшая с небес', ལྷ་ལྷ་ལྷ་ལྷ་ *Гече* 'практиковать добродетель', ལྷ་ལྷ་ལྷ་ལྷ་ *Джа-дюл* 'захватить врага', ལྷ་ལྷ་ལྷ་ལྷ་ *Тхэнджуп* 'достичь цели' и др.

Данная картина призвана изложить основные категории тибетской антропонимии.

А.Л.Семенас
(Москва)

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО ЯЗЫКА ГОЮЙ И ДИАЛЕКТА МИНЬНАНЬ В УСЛОВИЯХ ДИГЛОССИИ НА ТАЙВАНЕ

Совокупность языковых ресурсов языкового коллектива образует единую социально-коммуникативную систему. Это относится к функционированию диалекта и литературного языка в условиях диглоссии, сосуществованию разных языков в условиях билингвизма, или совокупности функциональных стилей какого-либо одного языка. Социально-

коммуникативные системы независимо от характера их компонентов всегда представляют собой целостные объекты, состоящие из взаимосвязанных элементов. Взаимосвязь компонентов (языков, диалектов, полудиалектов и т.п.) носит характер функциональной дополнителности.

На Тайване мы встречаемся со специфической языковой ситуацией, которая может быть охарактеризована как диглоссия [Фергусон, 1959]. Наиболее характерной особенностью лексикона при диглоссии является существование совершенно несходных единиц в каждом коде для одного и того же понятия. Подобное явление очень широко распространено в ареале китайского языка на Тайване. К одному набору ситуаций подходит только литературный стандартный язык, к другим – только диалект. Специализация функций – одна из важнейших черт диглоссии.

Гоюй как полифункциональный идиом выполняет в максимальном объеме все социальные функции, присущие национальному языку. Его территориальные диалекты, как правило, монофункциональны. Они закреплены за сферой повседневного бытового общения, иногда за узкими профессиональными сферами совместной трудовой деятельности и, как правило, за определенным ограниченным набором языковых ситуаций.

Доминирующее положение гоюя в системе форм существования китайского языка на Тайване находит свое воплощение как в широте его коммуникативно-функционального диапазона, так и в его социально-иерархическом статусе. Укреплению позиций гоюя способствует его высокий социальный престиж.

Важным компонентом современной языковой ситуации на Тайване является диалект миньнань. На нем говорит большая часть населения острова. Его социальная приемлемость достаточно высока и в последнее время продолжает расти.

Диалект миньнань отличается от гоюя настолько, что взаимопонимание между затруднительно и прежде всего из-за фонологических различий. Однако и здесь ощутимо литературное влияние. Население избегает диалектизмов не только в письменной речи и в официально-деловой ситуации, но и в беседах с людьми, не принадлежащими к данной диалектной общности. Переход от диалекта к литературному языку происходит вполне осознанно.

Диалекты и гоюй сосуществуют на определенной территории и в определенном языковом коллективе. Взаимодействуя на протяжении всей своей истории с диалектами, гоюй не мог избежать известного влияния со стороны этих диалектов, в первую очередь со стороны диалекта миньнань. Влияние диалектных явлений обнаруживается на разных ярусах структуры языка (фонетика, лексика, семантика, синтаксис).

В настоящее время большинство китайцев, живущих на Тайване, владеет обоими языковыми кодами. Переключение кода происходит в результате смены речевой ситуации и социальных ролей говорящего.

Особо стоит вопрос о норме в связи с использованием диалектных слов. Нормирование лексики не имеет слишком строгих правил. Нормы подвижны, и тот пласт лексики, который в настоящее время расценивается как не входящий в литературный язык, может войти в словарный состав литературного языка впоследствии. Для современного китайского литературного языка характерны процесс вовлечения пласта народно-разговорной речи в литературный или литературно-разговорный язык и

исчезновение некодифицированных форм и слов. Диалектизмы могут включаться в общие словари; словарные пометы нередко указывают не столько на особенности употребления слов, сколько на их происхождение.

В ходе взаимодействия с литературным языком диалект миньнань может подвергаться нормализации. Диалектизмы приобретают характер нормализованных образований, входя в литературный язык. Как трактовать эту роль диалектов на Тайване? Изменилась языковая политика. На смену жесткому вытеснению диалектов литературным языком приходит сосуществование.

На современном этапе развития китайского языка в условиях Тайваня наблюдается тенденция проникновения в гоюй довольно большого количества заимствований из диалекта миньнань. Освоение диалектных заимствований в национальном языке нередко происходит путем семантической дифференциации с исконной лексикой, что может приводить к вытеснению дублетных форм. Там, где диалектизмы заполняют «пустые клетки» в лексической системе, заполняют семантические лакуны, это вполне оправдано и естественно. Если уже есть некое название и наряду с ним появляется заимствование, то это ведет к появлению синонимов или близких по значению слов.

Заимствования из диалекта могут разнообразить средства выражения в гоюе, внести в них разнообразие, ясность и точность. Возможно, в ходе конкуренции между разными средствами выражения одного и того же значения победит заимствованное слово.

В гоюе на Тайване вследствие взаимодействия с диалектом миньнань произошли значительные изменения в инвентаре лексических единиц и заметные сдвиги в парадигматических отношениях в семантической системе. В гоюе появились новые слова и новые значения у слов, уже имевшихся в языке: лексико-семантические заимствования и семантические заимствования. Они встречаются в разговорной речи и уже проникли в материалы современных газет, в рекламу, телепередачи. Примерами заимствования из диалектов в современном языке можно считать следующие слова: 幼齒 *ючи* 'новичок (в деле), неопытный'; шуай шуай употребляется в значении 'не повезло', а слово 衰人 *шуай жэнь* употребляется как бранное 'неудачник, невезучий'; 讚 *цзань* передает восхищение (например, выступлением популярной певицы), высшую степень одобрения.

Для наименования супруги на Тайване есть несколько слов, и из них самое народное и образное слово, пришедшее из диалектов, 牽手 *цяньшоу* (букв. 'вести' + 'рука'), то есть 'та, которую ведут за руку'. Подобная лексика употребляется в разговоре в дружеской, непринужденной ситуации. Этот новый стиль через средства массовой информации может оказать некоторое влияние на формирование языка. Число заимствований велико, и наблюдается тенденция к их увеличению. Несомненно и то, что заимствования из диалектов оказывают структурное влияние на гоюй.

Вхождение диалектных слов, их активизация в национальном языке свидетельствует об открытости лексической системы, что в свою очередь служит знаком ее жизнеспособности. Кроме того, диалектные слова, которые смогли адаптироваться в системе, включиться в системные

отношения, не «засоряют», а наоборот обогащают литературный язык. Таким образом, миньнаньский диалект можно рассматривать как источник пополнения и обогащения национального языка. Такой подход находит все больше сторонников. В настоящее время, когда заново пересматриваются принципы языковой политики и языкового строительства, проблемы развития духовной культуры народа, сохранности функций родного языка (母語 *муой*), национальных признаков и традиций представляются чрезвычайно важными.

Рассмотрение тенденций эволюции языка, формирующих языковую ситуацию, позволяет сделать предварительные выводы о дальнейшей демократизации китайского языка на Тайване, формировании всех типов языковых инноваций. Интенсивное пополнение гоюя диалектизмами в свою очередь может привести к усилению различий на двух берегах пролива в области лексики.

ЛИТЕРАТУРА

Крысин Л.П. Владение разными подсистемами языка как явление диглоссии // Социально-лингвистические исследования. М., 1976;

Ferguson Ch. Diglossia // Word, 1959, v. 15, №2;

黃宣範. 語言, 社會與語族群意識. 台北: 文叢出版有限公司. 1993 (Хуан Сюаньфань. Юйянь, шэхуэй юй юйцзуцунь иши. Тайбэй, 1993);

洪惟仁. 台灣方言之旅. 台北: 前衛出版社, 1992 (Хун Вэйжэнь. Тайвань фаньянь чжи люй. Тайбэй, 1992);

洪惟仁. 台灣語言危機. 台北: 前衛出版社, 1995 (Хун Вэйжэнь. Тайвань юйянь вэйцзи. Тайбэй, 1995);

曹銘宗. 台灣國語. 台北聯經, 1993 (Цао Минцзун. Тайвань гоюй. Тайбэй, 1993).

Н.В. и В.М. Солнцевы
(Москва)

СЧЕТНЫЕ СЛОВА (КЛАССИФИКАТОРЫ) И ЕДИНИЦЫ ИЗМЕРЕНИЯ В КИТАЙСКОМ И ДРУГИХ ИЗОЛИРУЮЩИХ ЯЗЫКАХ

В каждом языке есть необходимость обозначить дискретные предметы и вещества в связи с указанием их количества. В китайском и многих других изолирующих языках при указании на количество дискретных предметов используются, как известно, специальные счетные слова, которые ставятся между числительным и соответствующим существительным, например, *сань¹ бэнь³ шу¹* 'три книги', *и¹ со³ фан² цзы⁰* 'один дом', *лян³ гз⁰ жэнь²* 'два человека'.

Формула использования счетных слов такова: «числительное – счетное слово – существительное» (вариант: «существительное – числительное – счетное слово» – *шу¹ сань¹ бэнь³* – перевод тот же).

Счетные слова происходят от существительных. Каждое из них употребляется с некоторым более или менее определенным кругом слов,

поэтому их называют еще «классификаторами», имея в виду, что они формируют некоторые классы слов.

Что касается веществ, то их подсчитывать поштучно невозможно. Поэтому для указания их количества употребляются слова-«меры» (единицы измерения). Например: *лян³ бэй¹ цзю³* 'два бокала вина', *сань¹ чжан¹ чжи³* 'три листа бумаги' и т.д.

Конструкция с единицами измерения внешне напоминает конструкцию со счетными словами: «числительное – единица измерения – существительное». Возможен и иной порядок, как и со счетными словами: *цзю³ лян³ бэй¹* 'два бокала вина' (букв. 'вино два бокал').

В русском языке счетные слова используются спорадически: *купил пять штук лопат* (но можно: *купил пять лопат*).

Что касается слов-«мер» (единиц измерения), то они используются регулярно и в русском, и в других языках, поскольку указать количество вещества без единиц измерения просто невозможно.

В китайском языке классификаторы (счетные слова), как правило, обязательны. Числительные не сочетаются (кроме особых слов) непосредственно с существительными.

Такова, кратко, особая картина употребления классификаторов и слов-«мер». Кажется, все просто и ясно. Однако, в действительности, не все так просто. Как только начинается теоретическое осмысление проблем счетных слов и единиц измерения, как только предпринимаются попытки объяснить все эти явления, картина становится весьма сложной и запутанной.

В китаистике в области изучения этой проблемы многое сделал А.А.Драгунов. Прежде всего он указал на две категории существительных в китайском языке, на «слова, обозначающие единицы измерения, и... слова таковых не обозначающие» [2, с.43].

Первые (единицы измерения) А.А.Драгунов разделил на слова-«меры», используемые при измерении веществ, и счетные слова (классификаторы), которые используются при подсчете дискретных предметов.

Нетрудно видеть, что А.А.Драгунов и слова-«меры», и классификаторы отнес к единицам измерения. Иначе говоря, у него счетные слова (классификаторы) понимаются тоже как своего рода меры дискретных предметов.

Приравнивание слов-«мер» и счетных слов связано с тем, что и те, и другие принимают перед собой числительные, в отличие от других слов. Кроме того, А.А.Драгунов видел потребность в счетных словах в том, что существительные сами по себе обозначают не индивидуальные предметы, а совокупности их, типа «домашняя птица», «красная рыба». Тем самым получалось приравнивание слов, обозначающих вещества, к словам, обозначающих дискретные предметы.

Если А.А.Драгунов еще делил «единицы измерения» на слова-«меры» и счетные слова, то у ряда авторов различие слов-«мер» и счетных слов вообще стирается точно так же, как стирается различие между «веществами» и «дискретными предметами» [1].

По мнению некоторых авторов, пишущих, в частности, о вьетнамском языке, где весьма развита система классификаторов (счетных

слов), существительные сами по себе обозначают не предметы, а совокупности признаков (или свойств). Существительные начинают обозначать предметы, только сочетаясь со счетными словами.

Мы не можем сказать, что эти авторы следуют за А.А.Драгуновым (хотя это и не исключено), однако сходство трактовки значений существительных очевидно.

Тем не менее хорошо известно, что в китайском и других изолирующих языках конкретный, единичный предмет может обозначаться существительным и без классификатора, например: кит. *чжэ⁴ ши⁴ во³ды⁰ ни²бао¹* 'Это – мой портфель' (букв. 'это есть мой портфель'). Слово *ни²бао¹* 'портфель' употреблено без классификатора. Вьет. *Con bò nàu bị đâm bằng dao* 'Этот бык был заколот ножом'. *Dao* 'нож' – это вполне конкретный предмет, а не совокупность свойств. Закалывают все же предметом, а не совокупностью свойств. Приведем еще примеры употребления существительных без классификаторов в разных изолирующих языках: вьет. *sốc bì iở* 'Стакан разбит'; лати *ke⁴⁴ ni³³ num⁴⁴be⁵⁵* 'Он убил свинью'. Кстати, А.А.Москалев отмечает, что «в определенной ситуации существительное в языке чжуан может обозначать какой-либо предмет (или предметы) и без классификатора» [6, с.160].

Подобные факты ставят под сомнение трактовку значений существительных как неких совокупностей, или пучков свойств. В действительности, и у А.А. Драгунова, и у других авторов природа значения существительных оценена неверно: значение слова в любом языке есть некоторое отражение класса предметов внешнего мира (реальных или вымышленных). В значении отражается и весь класс предметов, и каждый отдельный предмет. По этой причине с помощью слова мы можем обозначать весь класс предметов и отдельный единичный предмет.

В силу этого объяснять употребление счетных слов (классификаторов) характером значения существительных нет оснований.

Но почему все же появились классификаторы? В древнем состоянии ни китайский язык, ни другие изолирующие языки не имели счетных слов. Имеется несколько различных объяснений причин их появления и, в частности, их появление связывают с необходимостью дать определенную категоризацию именам (категоризацию, которая всюду носит чисто национальный характер, хотя в языках региона имеется довольно большое число заимствованных счетных слов). Причины появления счетных слов еще требуют дополнительной проработки, хотя сейчас уже ясно, что категоризация – не первооснова их появления. По-видимому, основная причина их появления заключается в следующем.

Первое. В условиях неразвитости категории числа счетные слова играют роль выразителей штучности, или единичности, предметов. Не случайно, Ю.К.Щуцкий, работавший с вьетнамским языком, называл их «аффиксами единичности» [7] в том случае, когда они непосредственно ставились перед именем существительным.

Н.Н.Коротков полагал возможным именовать счетные слова в китайском языке «суффиксами единичности», поскольку они ставились после числительного, хотя при этом выражали значение единичности существительного [4].

Второе. Помимо указания на штучность и единичность, классификаторы играют важную субстантивирующую роль. Известно, что в древнекитайском языке числительные могли употребляться просубстантивно. Затем они утратили данную способность. Не исключено, что именно классификаторы стали придавать им просубстантивный характер, что облегчало их связь с именами существительными, ибо сама именная группа с зависимыми словами, как правило, представляет собою в языках региона, и в китайском языке в том числе, цепочку, состоящую из именных или имяподобных членов. Подобное построение именных групп – это одна из самых характерных черт языков региона.

Субстантивирующая роль классификаторов ярко видна, например, в тех языках, где нет такого субстантиватора, как китайское *-ды⁰*. Такого субстантиватора, как *-ды⁰*, нет ни во вьетнамском, ни в тайском, ни в ряде кадайских языков. Все эти языки в качестве субстантиватора используют классификаторы. Интересно отметить, что в среднекитайском языке (к которому И.Т.Зиграф относит язык текстов Сунской и Юаньской династий) универсальный классификатор *гэ⁰* использовался и как субстантиватор, и как показатель атрибутивности при указательных местоимениях [3].

Еще более отчетливо видна субстантивирующая роль счетных слов в языке лати и особенно у явно заимствованных из тагальского языка элементов *па* и *нг*, которые в лати имеют свои алломорфы. Эти элементы используются в лати и как классификаторы, и как субстантиваторы, и как показатели атрибутивных отношений.

Третье. Обладая субстантивирующей ролью, счетные слова обеспечивают референциональную отнесенность того или иного числительного (или указательного местоимения) к определенному имени, независимо от того, названо само имя в предложении или нет. На основе референциональной функции классификаторов возможно определение конкретных синтаксических связей различных имен в предложении.

Какое же из этих назначений у классификаторов наиболее древнее, с какой целью они появились в языке? Если обратиться к материалам древнекитайского языка, то, по данным М.В.Крюкова и Хуан Шуин [5], счетные слова и слова-«меры» тогда могли употребляться с существительными без числительных.

Современный китайский язык в большинстве диалектов утратил эту способность. Эта способность сохранена, например, в кантонском диалекте, а также в большинстве языков Юго-Восточной Азии (например, во вьет-мыонгских, тайских и во многих кадайских языках). Счетные слова в этих языках, как правило, примыкают к существительным без числительного, придавая этим существительным значение единичности и штучности. Ср. вьет. *mèo* 'кошка (вообще)' и *con mèo* 'кошка (одна)', *trâu* 'буйвол (вообще)' и *con trâu* 'буйвол (один)'; лати *m³³tju⁴⁴* 'глаза' и *pa³³ m³³ tju⁴⁴* 'глаз'; *ha³³* 'обувь' и *sa⁴²ha³³* 'ботинок'.

Помимо передачи значения единичности и штучности классификаторы играют роль выделителей, что напоминает артиклевую роль.

До сих пор в работах, особенно по вьетнамскому языку, идут споры относительно характера связи имен существительных с обслуживающими их классификаторами. Иногда высказывается мнение о том, что в

сочетании имени с классификатором главным словом является классификатор. В доказательство обычно приводят два момента.

Первый. Это ссылка на конструкции с единицами измерения, в которых главным словом конструкции с точки зрения грамматики является слово-«мера», например: *a drop of water*, *кусоч пирога*.

Второй. Приводят примеры на употребление различного рода определений к именам и показывают, что только при наличии классификатора возможны, в частности, определения, которые принято называть «рестрикционными» определениями. Так, например, во вьетнамском языке можно сказать *Son tèo đep quí* 'Кошка весьма красива' (букв. клф + 'кошка' + 'красивый' + 'весьма'), но нельзя сказать *tèo đep quí* без соответствующего классификатора [см. 1].

С нашей точки зрения, наличие рестрикционного определения при имени отнюдь не связано с тем, что классификатор является грамматически главным словом в сочетании имени с классификатором, а связано с особым характером признака, который заложен в рестрикционном определении. Рестрикционный признак – это признак единичного предмета, отсюда и необходимость в наличии при имени классификатора, придающего этому имени значение единичности.

В тех же случаях, когда определение не обладает рестрикционным характером, а является дескриптивным, классификатор не употребляется. Так, при слове *bò* 'корова' возможно дескриптивное определение «голландская» с пропущенным перед существительным классификатором (пример из работы Гуинь Ба Лана).

Итак, если суммировать все сказанное, то можно утверждать, что роль классификаторов вовсе не состоит в превращении некой совокупности свойств в «предмет», а в выражении штучности и единичности. Кроме того, классификаторы играют артиклевую, выделяющую роль. Сверх всего, классификаторы являются явными субстантиваторами, позволяющими числительным и указательным местоимениям употребляться просубстантивно.

Если мы обратимся к фактам языка лати, то отчетливо увидим эту особую роль классификаторов. Дело в том, что в лати в группе существительного, включающего числительное, как правило, употребляются два классификатора. Один из которых примыкает к имени и служит для выражения штучности и единичности. (Отметим, что в Тезаурусе языка лати имена нередко даются вместе с этими классификаторами как бы в форме единичности.) Другой классификатор примыкает к числительному, образуя его субстантивную форму. Например: *fu³³ ke⁴⁴ ku²² k'o⁴⁵ ?a³³* 'два крестьянина' (букв. 'два' + клф + клф + 'крестьяне'). Между числительным и существительным иногда возможна постановка материально одного и того же классификатора, но функции у них совершенно различны. В лати часто используется конструкция, в которой имеется два классификатора, а числительное отсутствует. В таких случаях первый классификатор выполняет чисто артиклевую функцию, указывая на то, что существительное со своим классификатором обозначает некий отдельный предмет. Весьма возможно, что выделитель *sái* во вьетнамском языке представляет собою рефлекс подобного употребления первого классификатора, который отмечен в современном лати, по-

сколько выделитель *cái* во вьетнамском языке часто употребляется в именных конструкциях, в которых уже имеется один классификатор, непосредственно стоящий перед именем. Приведем пример: *tất cả những cái con mèo đen này* 'все эти черные кошки' (букв. 'все' + показ. множ. + выделитель *cái* + клф + 'кошка' + 'черный' + 'этот').

Выше был дан краткий обзор проблемы счетных слов (классификаторов) и слов-«мер», используемых в ряде языков Юго-Восточной Азии и Дальнего Востока. Здесь не были рассмотрены все аспекты счетных слов и слов-«мер». В целом проблема классификаторов остается еще достаточно сложной и требует дополнительного изучения. Но уже сейчас ясно, что классификаторы и слова-«меры» нельзя считать чем-то единым. Их объединение в одну группу, возможно, связано со сходством конструкций, в которых они употребляются.

Думается, постановка числительных перед словом-«мерой» может быть объяснена тем, что функция «мерности» у слов-«мер», несмотря на то, что слова-«меры» – это полнозначные слова, все же имеет некоторый служебный характер, и в употреблении это как бы сближает слова-«меры» со счетными словами (классификаторами).

О том, что слова-«меры» суть полнозначные слова, свидетельствует приводимый А.А. Драгуновым пример. Слова-«меры», в отличие от классификаторов, могут принимать определения. Ср., в частности, *и¹ чжан¹ чжи³* 'один лист бумаги' и *и¹ да⁴ чжан⁰ чжи³* 'один большой лист бумаги'.

Счетные слова – это либо служебные слова, либо полуслужебные слова, произносимые нейтральным тоном. Они происходят от вещественных слов, иногда частично сохраняя исходную семантику, и, в силу этого, употребляются с более или менее определенным кругом слов, как бы образуя класс. Однако классы эти расплывчаты, и отнесение того или иного слова к классу зависит от взгляда говорящего на это слово и на предмет, обозначаемый этим словом. Кроме того, возможность замены любого классификатора каким-либо в полной мере грамматикализованным классификатором свидетельствует о том, что счетные слова скорее всего представляют собою служебные элементы. В отличие от слов-«мер», где не может быть никакого универсального слова-«меры».

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Гуинь Ба Лан. Классификаторы в системе частей речи во вьетнамском языке (Проблема существительных со значением единицы измерения во вьетнамском языке)/Дисс. ... канд. филол. наук. М., 1995;
- [2] Драгунов А.А. Исследования по грамматике современного китайского языка. М., 1952;
- [3] Зограф И.Т. Среднекитайский язык, становление и тенденции развития. М., 1979;
- [4] Исаенко Б., Коротков Н., Советов-Чэнь И. Учебник китайского языка/Под ред. Н. Короткова. М., 1954;
- [5] Крюков М.В., Хуан Шуин. Древнекитайский язык. М., 1978;
- [6] Москалев А.А. Грамматика языка чжуан. М., 1971;
- [7] Щуцкий Ю.К. Строй аннамского языка. Л., 1936.

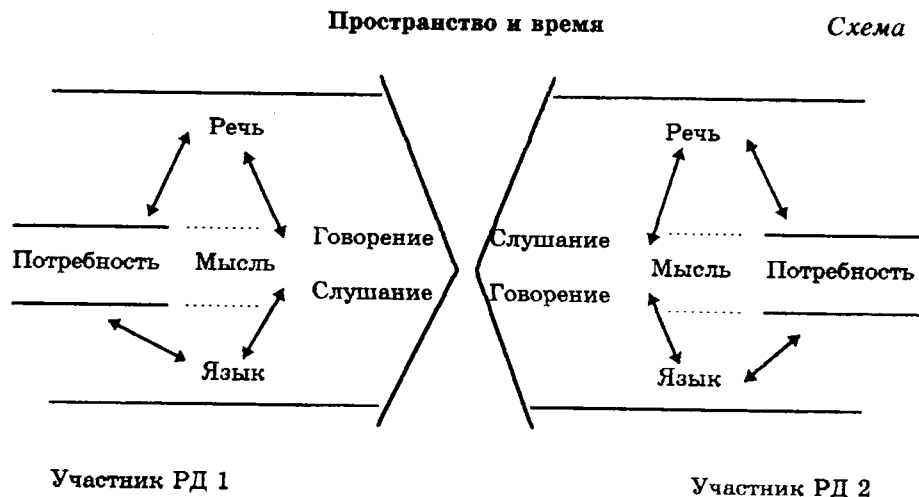
О МЕТОДИКЕ ОТБОРА УЧЕБНОГО МАТЕРИАЛА ДЛЯ ОБУЧЕНИЯ НОРМАТИВНОЙ РЕЧИ

В методике обучения иностранным языкам очевидной целью считается обучение нормативной речи. Аксиологический аспект понятия «нормативность» включает вопросы правильности—неправильности языкового употребления (собственно языковая сторона), а также вопросы уместности—неуместности языковой реализации (социальная сторона). В последнее время в методических работах отмечается актуальность учета внеязыковых факторов в обучении иностранному языку (обучение дискурсу; обучение речевому этикету; учет особенностей неречевого поведения носителей языка и т.д.). Перечисленные проблемы соотносятся с проблемой уместности—неуместности речи, так как в обоих случаях речь рассматривается во внеязыковой плоскости, называемой иногда контекстом ситуации [Белл, 1980, с.106]. Таким образом, методика обучения иностранным языкам находится в процессе поиска ответа на вопрос, что необходимо сделать, чтобы речь учащегося была не только правильной, но и уместной.

В данном докладе выносятся на обсуждение одно из возможных решений этой проблемы. Основная идея доклада, заключающаяся в выявлении условий уместности речи, позволяет рассматривать речь в контексте понятия «речевая деятельность» (РД).

Деятельностный подход рассматривает речь как компонент структуры РД. Кроме речи в структуру РД входят такие элементы, как язык, мысль и потребность. В окружении перечисленных элементов речь представляется как способ формирования и формулирования мысли посредством языковых средств [Зимняя, 1978].

Представим процесс речевой деятельности, участниками которого являются два человека [Зимняя, 1978, с.29].

Данная схема представляет совокупность элементов РД, оказывающих влияние на речь участников. При этом видно, что существуют внутренние элементы самой структуры РД, внешние элементы (среди них пространство и время), а также элементы, связанные с личностью участников РД и их взаимоотношениями. Рассмотрим каждый из перечисленных элементов с точки зрения их влияния на речь говорящего.

Внешние (пространственно-временные) элементы РД

1. **Пространство.** Диалог происходит в каком-либо месте. Место (магазин, такси, дом, рабочий кабинет и т.д.) может повлиять на ход диалога.

2. **Время.** Говорение и слушание связаны с современной жизнью (настоящее время), тогда как чтение и письмо могут привести к необходимости изучения прошедшего времени, того, которое для автора, создавшего продукт РД (литературное произведение, песню, философский или медицинский трактат), было настоящим.

3. **Присутствие других участников общения.** В нашем случае в диалоге принимают участие два человека («индивидуальное общение», по В.Л.Скалкину). РД с участием двух человек отличается от РД с участием нескольких человек (соответственно, «групповое общение»). В последнем случае участие в РД является равноправным. При неравноправном участии («публичное общение») один участник является активной стороной (оратор), остальные участники – пассивной стороной (слушатели).

Внешние (личностные и межличностные) элементы РД

4. **Индивидуально-психологические особенности участников РД.**

5. **Социально-психологические особенности участников РД.** «Социально-коммуникативная позиция», стержнем которой является мировоззрение, гражданская позиция, социальное положение участника РД. Социально-психологическая позиция представляет из себя совокупность «социально-коммуникативных ролей» [Скалкин, 1991]. Представляется необходимым выделить этнопсихологические особенности, «типические переживания» [Шпет, 1979], характеризующие участника РД как представителя того или иного этноса.

6. **Коммуникативная общность.** «Это специфические информационные связи между собеседниками, возникающие в результате опыта их совместного общения в прошлом, а также опоры на общедоступные, циркулирующие в языковом коллективе сведения, касающиеся повседневной жизни и быта людей, общественных мероприятий, природных явлений и т.п. [Скалкин, 1991, с.176]. В случае, когда участниками РД являются представители двух разных национальных культур (русский из России и китаец из Китая), степень коммуникативной общности в определенной мере зависит от того, насколько хорошо коммуниканты знакомы с этнической культурой страны собеседника.

7. **Взаимоотношения между участниками РД** зависят от коммуникативной общности, социально-психологических, этнопсихологических и индивидуально-психологических особенностей коммуникантов. По характеру отношений между коммуникантами различают официальное и неофициальное общение [Скалкин, 1991].

Внутренние элементы РД

8. «Опредмеченная потребность» [Леонтьев, 1972], или мотивационная сторона РД, и коммуникативное намерение. Коммуникативное намерение обозначает конкретную цель высказывания говорящего и отвечает на вопрос: что хочет сказать участник РД. «Опредмеченную потребность» определяют как внутренний мотив РД [Леонтьев, 1972], отвечающий на вопрос: зачем участник РД хочет это сказать. Являясь продуктом РД, высказывание отражает как коммуникативное намерение говорящего (вопрос, утверждение, призыв и т.д.), так и мотив данного речевого действия. Если коммуникативное намерение находится на поверхности высказывания (понять цель высказывания не представляется сложным), то мотив находится в глубине высказывания (его можно соотнести со «значением второго порядка» у Г.Г.Шпета). Мотивационная сторона высказывания находится в тесной зависимости от степени коммуникативной общности участников РД.

9. Речь как способ формирования и формулирования мысли. Речь бывает внутренней и внешней [Зимняя, 1978]. Внешняя речь, в свою очередь, подразделяется на устную и письменную. Речь находится в зависимости от всех перечисленных выше аспектов РД: от участника РД 1 (привыкший к конкретности специалист в технической области не склонен насыщать свою речь выразительными средствами, студент не стремится к официальности речи), его целей и мотивации (бизнесмен ставит цель овладеть официально-деловой речью и средствами, которые в ней используются, чтобы иметь возможность принимать непосредственное участие в переговорах), личности собеседника (образованный китаец часто использует в своей речи идиомы, пословицы, крылатые выражения), характера взаимоотношений с собеседником (близко ли знакомы и т.д.), места РД (например, требование говорить грамотно и красиво во время речи на официальном банкете или приеме), времени РД (важно при обучении письму и чтению, поскольку письменный стиль в китайском языке существенно отличается от устного).

Таким образом, аспекты РД являются условиями, определяющими речь участника РД. Нередко условия принципиально похожи друг на друга. В подобных случаях речь характеризуется свойственными ей чертами, что дает возможность говорить о речевых стилях. В китайском литературном языке, например, выделяют такие речевые стили, как публицистический, научный, литературно-художественный, официально-деловой и разговорный [Горелов, 1979, с. 122].

10. Язык как средство формирования и формулирования мысли.

а. Языковые средства. В языкознании, как известно, выделяют речевой стиль и языковой стиль. Причем под языковым стилем понимают «частную систему средств выражения, входящую в единую структуру общенародного языка. Языковой стиль в действии, в конкретной реализации принято называть речевым стилем» [Горелов, 1979, с.122]. Для нас представляют интерес лексические (метафора, перифраз и т.п.), фразеологические (идиомы, пословицы, поговорки и т.п.), а также синтаксические средства (эмпфаза, противопоставление, повтор и т.д.), которые используются в том или ином речевом стиле. Известно, что письменная (например, официально-деловой стиль) и устная речь используют различные языковые средства (сложные синтаксические построения

в письменной речи и преобладание простых предложений в разговорной речи). Следует отметить при этом, что на данном уровне актуальность в обучении представляет другая сторона нормативности – правильность/неправильность использования языковых средств.

б. Псевдоязыковые средства [Белл, 1980]: замснители некоторых языковых средств (кивок головой вместо слова «да», восклицания типа «фу ты!» и т.п.).

в. Параязыковые средства [Белл, 1980]: визуальные статичные (поза, дистанция между участниками РД), визуальные динамичные (жест), динамичные слуховые (темп речи), динамичные тактильные (поцелуй, касание рукой, рукопожатие и т.д.).

Таким образом, речевая деятельность представляет из себя объемную структуру со сложным уровнем взаимоотношений между ее элементами. Речь в данной структуре находится в тесной связи с другими ее элементами. Для того, чтобы речь участника РД была уместной, она должна находиться в соответствии как с внешними, так и с внутренними элементами системы РД.

Возвращаясь к методическому вопросу о том, что необходимо предпринять, чтобы речь учащегося была не только правильной, но и уместной, возможным ответом может стать учет всех элементов структуры РД в процессе обучения. Учет осуществляется в процессе отбора и организации учебного материала.

Первым шагом отбора учебного материала является определение всех десяти элементов структуры РД «собирательной личности» [Бехтерев, 1994] учащегося. Например, при определении пространства (первого внешнего элемента РД «собирательной личности») будет указано место, где слушатель намерен использовать китайский язык (Россия или Китай; город, где слушатель намерен жить и работать, учиться, отдыхать; и т.д.).

Вторым шагом является разделение речевой деятельности собирательной личности на «речевые поступки» (термин И.А.Зимней). Это осуществляется с помощью движения от общего к частному, когда общая речевая деятельность разделяется на ее составляющие, а те, в свою очередь, на еще более мелкие составляющие. Такой прием используется до тех пор, пока мы не перейдем к неделимому речевому поступку.

Третий шаг: организация речевых поступков в ситуации. Если в результате речевого поступка говорящий достигает своей цели, то речевой поступок совпадает с ситуацией, если цель не достигается, субъект использует другие речевые поступки для достижения цели. В таком случае ситуация будет включать в себя несколько поступков.

В качестве четвертого шага предлагается выделение собственно речевого уровня в речевых поступках. Источником отбора речевого материала являются снятые в КНР, Тайване, Гонконге и Макао художественные фильмы. Критерием отбора фильмов являлось соответствие их содержания деятельности «собирательной личности» курса. Источники дают возможность определить, какие речевые способы применяют носители языка для формирования и формулирования мысли в соответствии с условиями деятельности (цель, место, время, собеседник), а именно, выразительность речи, ясность изложения мысли, речевой этикет.

Последним шагом является выделение языкового уровня. На данном этапе предлагается определить, с помощью каких грамматических структур построены речевые действия, какая лексика в них используется и т.д.

ЛИТЕРАТУРА

- Белл Р.Т. Социоллингвистика: Цели, методы и проблемы. М., 1980;
Бехтерев В.М. Избранные работы по социальной психологии. М., 1994;
Горелов В.И. Стилистика современного китайского языка. М., 1979;
Зимняя И.А. Психологические аспекты обучения говорению на иностранном языке. М., 1978;
Леонтьев А.Н. Потребности, мотивы и эмоции. М., 1972;
Скалкин В.Л. Структура иноязычной коммуникации и вопросы обучения устной речи на иностранном языке//Общая методика обучения иностранным языкам. М., 1991;
Шпет Г.Г. Сочинения. М., 1979.

М.В.Софронов
(Москва)

СЕМАНТИКА МОРФЕМЫ СОВРЕМЕННОГО КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА

В пекинском диалекте китайского языка насчитывается немногим более четырех тысяч слоговых морфем, примерно столько же встречается в устной форме национального языка путунхуа. Слоговые морфемы представляют собой инвентарь китайского языка, они являются основными единицами китайской просодии и лексики. По правилам просодии и грамматики они объединяются в лингвистические единицы старших уровней. Семантика слоговых морфем лежит в основе значений всех лингвистических единиц китайского языка старших уровней, а просодия слоговых морфем – в основе их просодической структуры. Таким образом, слоговая морфема является элементарной просодической смысловой и морфологической единицей китайского языка.

Слог китайского языка характеризуется жесткой фонемной структурой и, в общем, постоянной длительностью. Его просодическим признаком, который делает его основной единицей просодии китайского языка, является собственный индивидуальный тон. Просодия наряду с фонемами является смыслоразличительным признаком слога: вне контекста без правильно произнесенного тона отдельная слоговая морфема китайского языка не будет понята.

Слог является минимальным носителем смысла в китайском языке. Таким образом, морфемы китайского языка являются слоговыми. Часть двусложных морфем также могут быть минимальными носителями смысла, но по своей просодии они не отличаются от обычных двусложных лингвистических единиц. Исследователи современного китайского языка различают свободные морфемы, которые могут употребляться самостоятельно, и зависимые морфемы, которые самостоятельно не упот-

ребляются. По своим синтаксическим функциям свободная морфема может быть либо односложным словом, либо частью многосложного слова современного китайского языка. Зависимая морфема может быть частью многосложного слова современного китайского языка или служебной морфемой, которая грамматически оформляет знаменательные. Морфема легко выделяется в составе многосложных единиц китайского языка: двуслогов, трехслов, четырехслов. Слоговая морфема китайского языка свободна в составе свободного словосочетания. Однако для того, чтобы свободная морфема выступила в речи в качестве отдельного высказывания, требуются условия диалога или особое просодическое оформление.

Знаменательная морфема китайского языка обычно имеет несколько значений, которые могут быть как знаменательными, так и служебными. При внетекстовом произнесении различие между знаменательной и служебной морфемами китайского языка не всегда бывает достаточно четким. На письме морфема обозначается одним и тем же иероглифом независимо от того, в знаменательном или в служебном значении она выступает. Однако в речи служебные морфемы и знаменательные морфемы в служебном значении отличаются от полностью знаменательных не только по своему значению и грамматической функции, но также и по просодическим свойствам: знаменательные морфемы произносятся в полном или редуцированном тоне, служебные – в нейтральном тоне. Поэтому вне текста даже при правильном произнесении слоговой морфемы без дополнительных ситуационных или иных указаний не всегда можно определить, в каком из своих значений она выступает.

В устной речи или в письменном тексте слоговая морфема китайского языка выступает, как правило, не самостоятельно, а в составе лингвистических единиц старших уровней. Каждая такая многосложная лингвистическая единица представляет собой просодическое, семантическое, грамматическое единство, состоящее из двух или большего числа слоговых морфем. Минимальной количественной единицей является двуслог – бином. В двуслоге многозначные слоговые морфемы выступают в единственном и достаточно различимом значении. Здесь выявляются также семантические, грамматические, просодические отношения между составляющими его морфемами. Трехслоги и четырехслоги являются сложными количественными единицами китайского языка, которые, естественно, представляют собой сочетания слоговой морфемы и двуслогов в последовательности 1+1+1, 1+2, 2+1, 1+1+1+1, 2+2, 1+2, 3+1.

Сочетание морфем в составе количественной единицы приводит в движение ее просодические и семантические механизмы. Условия семантического и грамматического взаимодействия морфем создаются изменениями в просодии и сегментном составе морфем, входящих в количественную единицу. Время звучания каждого слога, входящего в состав количественной единицы китайского языка, сокращается. Тоны слога меняют свои контурные признаки. Полные тоны слоговых морфем, обязательные при их внетекстовом произношении, в составе количественных единиц сменяются комбинаторными и редуцированными. Наряду с просодическими происходят также сегментные изменения слогов в виде ассимиляции финали первого и инициали второго слога и более глубокой редукции срединного слога в трехслоге. Количественные еди-

ницы китайского языка приобретают собственный просодический признак в виде акцентного выделения одного или двух слогов.

Описанные выше процессы в просодии и в сегментном составе слогов количественных единиц означают их сжатие. Оно перераспределяет длительность звучания слоговых морфем в соответствии с акцентной схемой количественной единицы, изменяет пограничные сигналы между ними и устанавливает их на ее внешней границе. Таким образом, во взаимодействие вступают не все находящиеся по соседству морфемы китайского языка, а только те, которые входят в одну и ту же просодически ограниченную количественную единицу. Это взаимодействие бывает как синтаксическим, так и семантическим.

По своему содержанию отношения между морфемами в слове европейских языков являются отношениями последовательности и определяются правилами морфотактики. Отношения между морфемами в сложных словах, состоящих из двух, иногда из большего числа знаменательных морфем, обычно определяются как атрибутивные. Однако грамматически они оформлены не по правилам синтаксиса соответствующего языка, а по правилам сложения слов. В китайском языке отношения между знаменательными морфемами в многосложных количественных единицах имеют грамматическое содержание и построены по правилам синтаксиса. Синтаксическое взаимодействие между морфемами в составе количественной единицы составляет один из наиболее характерных типологических признаков китайского языка. Синтаксическая природа количественных единиц китайского языка различна. Исследователи проблемы слова в китайском языке отмечают, что по характеру связи между морфемами различаются: неделимые количественные единицы – слова; количественные единицы, допускающие разделение, – словосочетания. Однако как те, так и другие построены на общих просодических и синтаксических основаниях.

Средством формирования грамматических отношений между единицами китайского языка в предложении являются служебные морфемы и порядок знаменательных морфем. В целом, те же средства используются и в количественных единицах. Служебные морфемы как грамматическое средство вполне допустимы в количественных единицах – словосочетаниях. При использовании служебной морфемы происходит повышение уровня количественной единицы: двуслог *chi fan* 'есть' при оформлении его глагола *chi* 'есть' видовременным суффиксом *-le* превращается в трехслог *chile fan* 'поел' или в четырехслог *chile fanle* 'уже поел'. При отдельном произношении просодия этих количественных единиц не отличается от просодии обычных двуслогов, трехслов, четырехслов. В количественных единицах – словах – служебные морфемы как средство грамматической связи не используются. Грамматические отношения между морфемами выражаются исключительно их порядком.

С точки зрения семантики количественные единицы китайского языка представляют собой минимальные тексты, содержащие описание ситуации, в которой присутствуют субъект, объект и определенным образом выраженный предикат. Отношения между этими членами ситуации выражаются в грамматической структуре количественных единиц. Грамматические отношения между морфемами количественных единиц – это синтаксические отношения сочинения и подчинения. В последнем

случае различаются подчинительные отношения предикации и глагольного управления. Не все члены ситуации бывают явно выражены в количественной единице. Согласно общим принципам китайского синтаксиса, подлежащее, известное по предыдущему тексту, в высказывании может отсутствовать. Этот же принцип действителен и для малого синтаксиса количественных единиц. Субъект ситуации бывает регулярно представлен в количественных единицах – словосочетаниях и предложениях, но в количественных единицах-словах субъект бывает представлен лишь в тех случаях, когда он не является источником действия. В глагольных количественных единицах глагол управляет именными морфемами со значениями объекта, места, орудия действия. Управляемая морфема находится после глагола. В номинативных количественных единицах их главным членом является имя, которое управляет определением, выраженным именем, глаголом, прилагательным, числительным. Таким образом, малый синтаксис количественных единиц построен на тех же принципах порядка значимых единиц, что и большой синтаксис китайского языка.

Семантическое взаимодействие слоговых морфем в количественных единицах состоит в сложении их значений по правилам семантического и лексического сочетания. По своей природе это взаимодействие представляет собой не автоматический, а творческий процесс. Наряду со стандартными сочетаниями морфем в языке допускаются также нестандартные, построенные на метафоре и метонимии. Основой этих нестандартных сочетаний является то, что говорящий знает не только слова, но также и свойства предметов, обозначенных словами. Они представляют собой отраженные в речи способы восприятия и постижения мира. Грамматическое и лексическое значения морфемы тесно связаны между собой и обычно неделимы в языковом сознании рядового носителя китайского языка. В грамматике говорящего слоговые морфемы, обозначающие предметы, обычно обладают грамматическим значением имени. Морфемы, обозначающие признак и число, обладают грамматическим значением предикатов. Как и лексическое значение при отдельном приношении слоговой морфемы вне контекста, ее грамматическое значение не всегда может быть определено с желательной точностью.

В составе двуслога или лингвистических единиц старшего уровня взаимодействуют не только лексические, но и грамматические значения морфем. В определенном окружении может изменяться и сама принадлежность морфемы к грамматической категории. Диапазон межкатегорияльного изменения грамматического значения охватывает все типы изменения именного значения в предикативный и наоборот. Вне изменения грамматического значения безусловно остаются личные местоимения, которые никогда не имеют предикативных значений. Новое межкатегорияльное грамматическое значение слоговой морфемы, подобно лексическому, может основываться как на ее денотации, так и на ее сигнификации.

Семантическое взаимодействие слоговых морфем внутри количественной единицы допускает сдвиги не только лексического, но и грамматического значения. Диапазон изменения грамматических значений морфем в количественной единице находится в пределах от изменения грамматического значения морфемы определенной лексико-грамматиче-

ской категории до изменения принадлежности к ней. При сочетании глагольной и именной морфем в составе двуслога глагольная морфема может приобретать не только различные лексические, но также и грамматические значения в зависимости от семантики именной. Эти значения обычно относятся к области глагольно-объектных отношений. Для образования каузативного значения глагола в грамматике качественных единиц используются особые грамматические конструкции. Для образования каузативного значения глагола в составе количественной единицы достаточно управляемого имени определенной семантики. Глагол *deng* 'восходить, возводить' имеет значение действительного залога в тех случаях, когда управляемый им член глагольной конструкции имеет конкретное локативное значение: *deng shan* 'подняться на гору', *deng lu* 'сойти на берег', *deng che* 'сесть в поезд'. Этот же глагол имеет каузативное значение, когда управляемый им член глагольной конструкции представляет собой название письменного документа: *deng bao* 'поместить в газете', *dengji* 'зарегистрировать' (бука. 'занести в список').

Новое грамматическое значение, которое приобретают именныи морфемы при образовании синтаксических дериватов, во многом зависит от того, к какому семантическому классу они относятся. Существуют семантические классы именных морфем, от которых глагольные дериваты образуются регулярно, и классы морфем, от которых они образуются редко. Примером семантического класса именных морфем, от которых регулярно образуются глаголы, являются именныи морфемы, обозначающие орудия или инструменты. В составе двуслога *tangba* 'борона' морфема *ba* 'борона' выступает в именном значении, но в позиции переходного глагола перед именной морфемой *di* 'земля' она выступает как ее глагольный синтаксический дериват: *ba di* 'боронить землю'. Обратный пример: морфема *geng* 'пахать' с объектом *di* 'земля' выступает в функции глагола, в позиции определяемого с определением-именем – в функции ее именного синтаксического деривата: *chungeng* 'весенняя вспашка'. Аналогично морфема *ba* 'рубанок' выступает в именном значении в двусловах *pingbao* 'фуганок' и в *baizi* 'струг, рубанок', в атрибутивном значении – в двуслове *baohua* 'стружка'. Наряду с именным *ba* имеет также глагольное значение 'строгать': *ba* *muban* 'строгать доску'. Значение всех синтаксических дериватов основано на денотации и, в целом, сводится к метафоре «название действия – название орудия действия». Значение морфем такого рода обычно не бывает ни оценочным, ни экспрессивным.

Образование глагольных синтаксических дериватов от именных морфем других семантических классов бывает связано с прагматической функцией морфемы как лингвистического знака. Ее новое грамматическое значение бывает основано не на денотации, а на сигнификации именной морфемы. Как и во всех других языках, в китайском метафора также служит средством экспрессивного выражения. Дериваты-метафоры используются регулярно в разговорной речи. В устном варианте национального языка путунхуа имеется прилагательное экспрессивной оценки *bang* 'отличный', образованное от именной морфемы *bang* 'палка', которой приписано свойство «быть крепким, прочным». Она выполняет предикативные функции только в сочетании с предикативными служебными морфемами: *hen bang* 'очень хороший, очень хорошо',

bangzhene 'отлично'. Таким образом, семантика морфемы китайского языка обнаруживает способность к изменению в очень широком диапазоне. Ее индивидуальное или словарное значение варьирует в зависимости от окружающих ее знаменательных или служебных морфем, входящих вместе с нею в состав количественной единицы, где происходит определение ее значения.

Тань Аошуан
(Москва)

ПРОБЛЕМА ГРАММАТИКАЛИЗАЦИИ В ИЗОЛИРУЮЩЕМ СТРОЕ
(на примере грамматического строя
современного китайского языка)

Грамматический строй современного китайского языка (СКЯ) характеризуется отсутствием четких границ между знаменательными и служебными употреблениями знаков. Это выражается, во-первых, в полифункциональности основных единиц, во-вторых, в том, что семантическое опустошение не приводит к полной утрате значения и, в-третьих, в возможности выявления инвариантного значения при вариативных реализациях одной и той же формы.

Традиционная китайская филология делит все слова-иероглифы на две категории: *shi ci* «знаменательные слова» и *xu ci* «пустые слова». К *shi ci* относятся слова как с субстантивным, так и с признаковым значением. «Пустыми словами» называют семантически непрозрачные единицы, восходящие к *shi ci*, начиная от различных вводных слов, обеспечивающих целостность текста, кончая частицами и междометиями, выражающими модус высказывания. В то же время, говорится о *shi ci xuhua* («опустошении знаменательных слов») или о *shi ci xu yong* («служебном употреблении знаменательных слов»). Нас интересует как раз последний феномен, поскольку он непосредственно связан с проблемой грамматикализации.

Грамматикализация знаменательных единиц в СКЯ происходит на фоне отсутствия грамматических категорий и морфологического согласовательного механизма. Маркирование имен и глаголов, в частности, обуславливается семантическими и прагматическими факторами. Под воздействием этих факторов употребление тех или иных показателей так же обязательно, как и их опущение. О свободе выбора речь может идти только со стилистической точки зрения [Тань Аошуан, 1995, с.103].

С другой стороны, характерной чертой данной типологии является максимальная эксплуатация комбинаторных возможностей знаменательных единиц, либо образующих новые лексемы, либо выступающих как комбинаторные блоки, способные приобрести статус лексемы только на синтаксическом уровне. Ср. *tou gu* 'вбросить, вложить, вступить в строй' и *tou jin* 'вбросить, вложить' или *reng jin* 'вбросить'; *cheng qing* 'уточнить, разъяснить', *nong qingchu* 'уточнить, разобраться'.

К таким образованиям относятся так называемые глагольно-именные комплексы свободного типа. Ср. *xie yi feng xin* 'написать письмо' и *xie xin* 'писать письма', *xi na jian yifu* 'постирать ту одежду' и *xi yifu* 'стирать'. Им противопоставляются сходные по структуре устойчивые сочетания типа *xizao* 'купаться', *kesou* 'кашлять', *biye* 'закончить, быть выпущенным'.

Другое направление «опустошения» – эксплуатация знаменательных единиц в качестве операторов глагольных категорий и маркеров именных групп с утратой этимологических тоновых параметров (с фонетической редукцией), свидетельствующей о приобретении ими новой ипостаси. Речь идет об аспектно-темпоральных «показателях» глаголов и о классификаторах имен, а также о восходящих к глаголам словах, выполняющих функции предлогов. Операторами можно назвать и третью категорию слов, которые традиционно относятся к *ху сй* – это не рассматриваемые здесь различные логические и модальные частицы (наречия) и фразовые частицы, чье значение складывается из пресуппозиции и ассерции, на которые делится формальное представление предложения на семантическом уровне.

К нашему сообщению имеет непосредственное отношение первая группа единиц. Нас интересует, насколько далеко идет процесс грамматикализации в таких образованиях, характер деривационных отношений между исходным и производным знаками и семантические последствия этих операций. Некоторые положения данного доклада отражены в нашей докторской диссертации [Тань Аошуан, 1995, с.121–213].

Прежде всего я коснусь единиц, которые российская китаеведческая традиция называет результативными глаголами [Яхонтов, 1957, с.83]. Это определение фактически объединяет различные семантические сущности – то, что китайские лингвисты называют *dong qu shi* «глагольно-направительное сочетание» и *dong bu shi* «глагольно-результативное сочетание» [Ly Shuxiang, 1981, с.10–11]. Несмотря на формальное сходство, эти сочетания различаются по своей валентностной структуре. Направительное сочетание требует включения пространственного дейксиста. Направление перемещения объекта в пространстве задается направительными морфемами (НАП-М), список которых можно считать закрытым. Степень их опустошения определяется характером глагольной основы (автономное перемещение/неавтономное перемещение; наличие/отсутствие перемещения).

В глагольно-направительных сочетаниях аспектуальное значение достижения предела выражается наличием в валентностной структуре начальной точки действия (НТД) и конечной точки действия (КТД). С достижением действием предела связан признак контактности, который принимает либо положительное значение в зоне КТД, либо отрицательное значение в зоне НТД.

Можно выделить четыре разновидности грамматикализации НАП-М, характеризующие разные степени их десемантизации.

(А) Утрата значения перемещения. Идея перемещения реализуется у НАП-М в полной мере, когда эта морфема выступает в качестве самостоятельного глагола (глаголы *lai* 'прийти' или *qu* 'уйти') или глагольной основы (*jin* 'войти' или *chu* 'выйти' в сочетаниях *jinlai*, *chuqu*), имеющих автономный субъект. Когда НАП-М вступает в сочетание с

глаголом перемещения, тоже имеющим такой субъект (например, *rao jin wu li* 'вбежать в комнату'), сложный предикат наследует все валентности входящих в его состав более простых предикатов [Апресян, 1974, с.122]. При наличии в сочетании второй НАП-М *lai* или *qu* у предиката реализуется лишь элемент значения «действие направлено в сторону говорящего (Г) или от него».

Морфемы *lai* или *qu* своим присутствием добавляют в описываемую ситуацию еще одну точку отсчета – Г или какой-то другой наблюдатель. Ср.:

{1a} *Xiao Wang cong dong li pa chu lai le* 'Сяо Ван выполз из пещеры' (Г находится в открытом пространстве);

{1б} *Xiao Wang cong dong li pa chu qu le* 'Сяо Ван выполз из пещеры' (Г находится в закрытом пространстве).

Это различие в русских фразах передается лишь контекстом. В обоих случаях речь идет о достижении некоего предела, на который указывает НАП-М *chu*, в момент прекращения контакта в зоне НТД *dong li*. В случае употребления антонима *jin* реализуется значение контакта в зоне КТД *dong li*. В приведенных примерах значение перемещения реализуется только у основы.

(Б) Следующий шаг в направлении десемантизации делается в случае присоединения НАП-М к переходному глаголу, предполагающему субъекта – каузатора перемещения. При этом субъектная валентность «перемещаться» перерабатывается в объектную валентность «вести» [Апресян, 1974, с.136]. Несмотря на то, что появление новой объектной валентности означает подавление автономности перемещения, КТД или НТД остается в числе обязательных синтаксических актантов и сохраняет свою функцию коммуникативного фокуса сообщения. Ср.:

{2} *Xiao Wang ba zhitiao sai jin chuangkou* 'Сяо Ван сунул записку в щель окна'.

(В) Дальнейшее опустошение НАП-М приводит к синкретическому выражению валентности КТД или НТД у субъекта (объекта), вследствие чего развивается переносное значение – происходит метафоризация направительной семантики. Это наблюдается в тех случаях, когда глагольная основа является нейтральной в отношении перемещения. При таком употреблении, в случае, когда субъект имеет и валентность КТД, он фактически выступает как получатель, а объектная валентность становится коммуникативным фокусом высказывания и естественным результатом действия. Денотаты таких предикатов ограничены пределом – с момента появления объекта в поле зрения субъекта, а глаголы могут выражать моментальное действие, имеющее предел (например, *chuanran* 'заразиться', *reng* 'выбросить', *xielu* 'проболтаться' в примерах {3б}–{3г}). НАП-М в таких высказываниях факультативны, и их отсутствие не приводит к аномалии.

Наличие НАП-М в таких высказываниях означает сохранение пространственных координат – абсолютных и относительных при развитии нового лексического значения. Это, например, значение «с трудом» у морфемы *dao*, «результат является неожиданным» – у морфемы *shang*, «чувство облегчения, связанное с избавлением от чего-то» – у морфемы *xia*, или просто усиление (интенсификация) исходного значения основы (у *chu qu*). Ср.:

{3а} *Women yi-nian-si-ji dou neng chi dao xinxian de shucai* 'Мы круглый год можем есть (нам круглый год достаются) свежие овощи';

{3б} *Wo chuanran shang liugan le* 'Я заразился гриппом';

{3в} *Xiao Wang gaoxing de reng xia le shubao chu qu wan le* 'Сяо Ван с удовольствием бросил портфель и пошел гулять';

{3г} *Zhe ge xiaoxi bei ta xielu chu qu le* 'Он выболтал эти сведения'.

Пространственное значение НАП-М *dao* в таких сочетаниях легко развивается в значение достижения предела во временном плане, а валентность КТД легко приобретает значение точки на шкале, градуированной по возрастанию или убыванию признака. В сочетании с глаголом мыслительной деятельности *kaolü* 'думать' и глаголом состояния *huaiyi* 'подозревать' КТД уже имеет валентность аспекта или объекта:

{4а} *Wo kan xiaoshuo kan dao yeli liang dian zhong* 'Я читал до двух часов ночи';

{4б} *Ta mixin dao kexiao de dibu* 'В своей суеверии она доходит до абсурда';

{4в} *Women bu neng bu kaolü dao wenti de zhe ge fangmian* 'Мы не можем не задуматься над этой стороной вопроса';

{4г} *Ta zenme hui huaiyi dao Xiao Wang shen shang?* 'Каким образом он стал подозревать Сяо Вана?'

Идея о том, что действие распространяется до какого-то предела, на следующем шаге метафоризации преобразуется в значение «исчерпывающим образом охватывать множество объектов или мест, ставших фокусом внимания субъекта». Ср.:

{4д} *Wo zhe ci qu Beijing ji ge lao pengyou dou kan dao le* 'Когда я ездил в этот раз в Пекин, я обошел всех старых друзей'.

Переходные глаголы, имеющие валентность получателя, легко вступают в сочетание с НАП-М *xia*. В этом случае значения КТД и получателя имеют синкретическое выражение. НАП-М *xia*, как и во многих случаях употребления *dao*, имеет выделительную функцию:

{5а} *Wo gei ni liu [xia] le ji bai kuai meiyuan* 'Я оставил тебе несколько сот долларов';

{5б} *Ni de hua qi [dao] le yiding de zuoyong* 'Твои слова сыграли определенную роль'.

(Г) Максимальная степень грамматикализации наблюдается в случае, когда предшествующая НАП-М глагольная основа имеет процессуальное значение или позволяет такое понимание. Это дает возможность НАП-М вступать в отношении взаимозаменяемости с результативными морфемами (РЕЗ-М), имеющими общий с ними семантический элемент контактности или дистактности. Например, *zhao dao* = *zhao zhao* 'найти', *chai xia* = *chai diao* 'оторвать'. На первый взгляд можно заключить, что в таких случаях НАП-М полностью грамматикализуется и приобретает результативность. Однако совпадение по признаку предельности еще не означает полного опустошения исходного значения.

Характерно, что соответствующие НАП-М сочетаются именно с такими глагольными основами, денотаты которых допускают интерпретацию как перемещения, пусть и по множеству маршрутов, как в случае с *dao*: *zhao dao* «перемещаться в пространстве вплоть до достижения потерянного объекта», *mo dao* «перемещать руку в пространстве вплоть до достижения нужного объекта» или *mai dao* «перемещаться в простран-

стве, пока не достигнешь приобретения нужного объекта». Направительное значение сочетания в этих случаях задается значением НАП-М. В этом отношении характерен тот факт, что НАП-М *dao*, будучи самой продуктивной результативной формой (в [Hanyu dongci, 1987] зафиксировано 289 сочетаний с *dao*), никогда не выступает как чисто аспектуальный показатель.

Собственно РЕЗ-М по степени грамматикализации и продуктивности, по частеречным характеристикам и области применения делятся на три группы.

В группу А входят РЕЗ-М *wan, hao, huai, cheng, zhao, zhu, diao, zou, rao*, обладающие наименьшей степенью семантической прозрачности и высокой продуктивностью. Список таких морфем может считаться фиксированным. Остальные две группы характеризуют состояния человека и его дел (группа Б) и состояния предметов (группа В). Все РЕЗ-М восходят либо к точечным или стативным глаголам, либо к прилагательным.

Так же, как и НАП-М, РЕЗ-М, наряду с аспектуальной функцией, выражающейся в обозначении достижения действием своего предела (последнее понятие часто связано с целью или результатом, но не тождественно им), несут следующие функции: 1) выражение способа достижения предела; 2) интенсификация значения основы.

РЕЗ-М, происходящие от прилагательных, порождают оценочную семантику, вынося общую или частную оценку действия, обозначенного глагольной основой.

РЕЗ-М, как и НАП-М, не подвергаются полной фонетической редукции. Напротив, эти морфемы могут принимать ударение, оказываясь в коммуникативном фокусе. Кроме того, в определенных контекстах РЕЗ-М, как и НАП-М, могут отделяться от основы и употребляться в качестве самостоятельных предикатов.

Все это не позволяет говорить о полной грамматикализации этих единиц, хотя, выступая в качестве НАП-М и РЕЗ-М, они и приобретают некоторый служебный характер в составе глагольного сочетания. Поскольку значение последних образований может быть выведено из значений их частей, речь здесь идет не просто о семантической мотивированности, а о построении по аддитивному типу [Кубрякова, Панкрац, 1990, с.130]. В то же время отношение между основой и присоединенными к ней единицами столь свободно и динамично, что механизм возникновения подобных сочетаний непосредственно связан с механизмом порождения речи. Поэтому такие сочетания имеют статус лексем только на синтаксическом уровне. Это положение косвенно подтверждается китайской лексикографической практикой, не включающей подобные образования в словники словарей.

ЛИТЕРАТУРА

- Апресян Ю.Д. Лексическая семантика. М., 1974;
Кубрякова Е.С., Панкрац Ю.Г. Деривация//Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990;
Тань Аошуан. Проблема облигативности в изолирующих языках (на примере грамматического строя китайского языка)//Языки Дальнего

Востока, Юго-Восточной Азии и Западной Африки. Тезисы докладов 3-ей международной конференции. М., 1995;

Тань Аошун. Проблемы скрытой грамматики/Дисс...док. филол. наук. М., 1995, гл. 3. Результативность и аспектуальность;

Яхонтов С.Е. Категория глагола в китайском языке. Л., 1957;

Hanyu danci jiegou buyu dapei cidian. Beijing, 1987;

Lü Shuxiang. Hanyu ba bai ci. Beijing, 1981.

С.А.Тараканова
(Москва)

О ЗНАЧЕНИИ ТЕРМИНА «ЛЯНЫМЯНЫЦЫ»

В современной лингвистике под термином «ляньмяныцы» (ЛМЦ) (联绵字 или 连绵字) принято понимать двусложное слово, обозначающее одно понятие и состоящее из одной морфемы. В настоящее время исследователи выделяют следующие основные характеристики слов такого типа:

1. Неразложимость.

2. Повторяемость фонетических элементов слова:

а) слоги с одинаковыми инициалами (流利 *liúlì* 'свободно, бегло');

б) слоги с одинаковыми финалями (蜻蜓 *qīngtíng* 'стрекоза').

В некоторых случаях инициали и финали слогов не совпадают; как правило, в словах такого типа каждый из слогов по отдельности не имеет лексического значения и ни при каких условиях не может употребляться самостоятельно. Например, 茉莉 *mòlì* 'жасмин'.

3. Графическая вариативность написания.

Существует вариативность записи ЛМЦ различными иероглифами. Однако для ЛМЦ главным является не графическая, а фонетическая форма. Практически любой иероглиф, имеющий сходное звучание, может быть использован для записи слова данного типа. Так, например, у слова 逶迤 *wēiyí* 'извилистый, виться' насчитывается несколько десятков вариантов написания.

В современном китайском языке слов, отличающихся подобными свойствами, не так много, обычно они встречаются в поэтических текстах при описании пейзажей либо являются ботаническими или зоологическими терминами. Словообразовательные возможности ЛМЦ, как, впрочем, и всех слов, представленных многосложными морфемами, невелики.

Такое значение имеет термин ЛМЦ в настоящее время, однако традиционное представление о ЛМЦ было несколько иным. При подробном рассмотрении классических работ, посвященных ЛМЦ, видно, что авторы объединяют под этим понятием различные типы слов, в том числе как простые, так и сложные слова.

Несмотря на то, что Ван Ли в свое время выступал с критикой древних комментаторов, трактующих некоторые ЛМЦ как словосочетания, современные лингвисты, анализируя состав подобных двуслогов, без сомнения выделяют среди них сложные слова, при этом подробно оста-

навливаются на определении структурной модели сложения знаменательных морфем.

Первое упоминание о ЛМЦ появилось во времена династии Сун в работе Чжан Ю «复古编» («Фугубянь»). Автор не дает точного определения этого термина, его целью было исправление ненормативного написания иероглифов в словаре «Шовэнь», тем не менее в разделе «Ляньмяньцзы» упоминается 58 примеров подобных слов. В большинстве этих примеров слоги, входящие в состав слова, обладают фонетической зависимостью друг от друга, среди них встречаются простые слова, слоги которых не имеют самостоятельного лексического значения, как, например, 枇杷 *pípa* 'мушмула японская', но также встречаются и сложные слова. Чжан Ю, поясняя значение таких двуслогов, рассматривал каждый из слогов как самостоятельное слово. В его список вошли такие слова как 左右 *zuǒyòu* (букв. 'левый' + 'правый') 'левый и правый, приблизительно'; 襁褓 *qiāngbǎo*, 'платок и одеяльце для ношения ребенка за спиной матери', образно 'младенческий возраст' (букв. 'пеленка' + 'одеяльце'). Аналогичные примеры встречаются и в работе Цао Бэня «续复古编» («Сюй Фугубянь»), явившейся продолжением работы Чжан Ю. Здесь дано 107 примеров подобных слов.

В работе Ван Говэй «联绵字谱» («Ляньмяньцзыпу») представлено уже 2774 примера ЛМЦ, главной характеристикой подобных образований Ван Говэй считал сложность толкования значения двуслога после разложения слогов. По его представлению, главным является целостность понятия, а не лексическое значение каждого из составляющих его слогов. Наряду с большим количеством представленных здесь простых слов, современные лингвисты выделяют в его работе достаточно много сложных слов; в большинстве случаев это слова с копулятивным типом связи между слогами.

Синонимический подтип:

畏惧 *wèijù* (букв. 'бояться' + 'бояться') 'бояться; страх';

艰难 *jiānnán* (букв. 'трудный' + 'трудный') 'трудный; тяжелый'.

Антонимический подтип:

先后 *xiānhòu* (букв. 'прежде' + 'после') 'до и после'.

Обобщающий подтип:

风波 *fēngbō* (букв. 'ветер' + 'волны') 'буря'.

Следует особо отметить, что в его работу также вошли четырехсложные образования.

Наиболее крупным собранием ЛМЦ является словарь «联绵字典» («Словарь Ляньмяньцзы») Фу Дини (нач. XX в.). В нем был обобщен опыт лингвистических исследований шести предшествующих династий. Этот словарь состоит из 36 цюаней, то есть «свитков», или 11 томов, в него вошло 27720 слов. Однако следует заметить, что Фу Дини трактует понятие ЛМЦ достаточно широко, в свой словарь он вводит и слова-повторы, и фонетические заимствования из других языков, и двусложные «пустые» слова и т.д. По-видимому, Фу Дини определяет ЛМЦ как любое двусложное образование, обозначающее целостное понятие. В его словарь также входят как простые, так и сложные слова. Например, сложные слова, представленные следующими типами связи:

1) копулятивный тип:

依附 *yīfù* (букв. 'опираться, полагаться' + 'опираться') 'зависеть от, находиться в зависимости'; 国家 *guójiā* (букв. 'страна' + 'семья') 'страна';

2) предикативный тип:

地震 *dìzhèn* (букв. 'земля' + 'трясти') 'землетрясение';

3) атрибутивный тип:

夕阳 *xīyáng* (букв. 'вечер' + 'солнце') 'вечернее солнце';

4) объектный тип:

饮泣 *yǐnqì* (букв. 'пить' + 'плач') 'глотать слёзы'.

Очень часто понятие ЛМЦ многие исследователи связывают с такими терминами как 连语, 诹语 и 骈字, тем самым объединяя их в одно целое. Стоит подробнее остановиться на значении этих терминов. Так, термин 连语 «ляньйю» (примерный перевод 'слитное, неразложимое слово') был введен китайским лингвистом Ван Няньюном, который писал, что любое «слитное слово» 连语 состоит из слогов, обладающих одинаковым значением и его невозможно разделить, два слога обозначают одно понятие. Из примеров, которые он приводит, видно, что здесь речь идет о сложном слове с копулятивным типом связи между слогами; слоги, образующие слово, являются синонимами.

Термины 骈字 и 诹语 появились в эпоху династии Минь. Термин 骈字 «пьяньцзы» (примерный перевод «двусложное слово») был подробно описан в работе Чжу Ю «骈雅» («Пянья»).

Некоторые исследователи рассматривают этот сборник как наиболее полный словарь ЛМЦ тех времен. Здесь «пьяньцзы» обозначает многосложное слово и практически совпадает с традиционным представлением о ЛМЦ. В этот сборник также вошли трехсложные слова, слова-повторы, этимологически неделимые слова и даже некоторое количество сокращенных наименований.

Под термином 诹语 «ляньйю» (далее ЛЮ) Фан Ичжи в своей работе «通雅» («Тунья») понимал многосложное слово с фонетически зависимыми слогами, выражающее одно понятие. Говоря об этом, он имел в виду только совпадение инициалей у слогов в составе слова. В дальнейшем в Большой китайской энциклопедии в статье, посвященной этому термину, в качестве примеров приводятся также и слова, слоги которых имеют одинаковые финали. В определении ЛЮ не говорится о возможности или невозможности деления слогов, не оговаривается и то, какими морфемами, простыми или сложными, представлено слово. Тем не менее практически все исследователи, говоря о ЛМЦ, включают в это понятие и ЛЮ.

Таким образом, если говорить в целом, то на протяжении столетий от первого упоминания о ЛМЦ в работе Чжан Ю и до Словаря ЛМЦ Фу Дини, значение термина практически не менялось, оно обозначало наличие в китайском языке многосложных слов различного типа, которые противопоставлялись словам односложным. Авторы, выделяя, на их взгляд, более интересные и необычные примеры многосложных слов, объединяли под этим понятием простые и сложные слова, слова-повторы, фонетические заимствования и т.д. В настоящее время произошло сужение значения этого термина. Современные лингвисты, как указывалось выше, ограничивают его рамками простого, этимологически неразложимого слова.

ЛИТЕРАТУРА

- Ван Ли. Гудай ханьюй. Т.1. Пекин, 1979;
Горелов В.И. Лексикология китайского языка. М., 1984;
И Сиу. Ханьюйчжундэ шуаниньцы//Чжунго юйвэнь, 1954, №10;
Ли Юньфу. Ши уцзе буши «ноюн»//Чжунго юйвэнь, 1991, №5;
Чэнь Жуйхэн. Данцинь «ляньмяньцзы»: чуаньтун минчэндэ «но-
юн»//Чжунго юйвэнь, 1989, №4;
Юйвэнь чжиши цяньюэнь. Хубэй, 1987.

О.П.Фролова
(Новосибирск)

ТИПЫ ЛИЧНОСТНЫХ ХАРАКТЕРИСТИК В СИСТЕМЕ ЭКСПРЕССИВНОЙ ЛЕКСИКИ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА

Ведущую роль в коммуникативном процессе любого языка играет номинативная лексика. Вместе с тем в каждом языке существует и экспрессивная лексика, которая хотя и не играет ведущей роли в коммуникативном процессе, но выполняет вспомогательную роль в актах коммуникации. Ее роль уже сейчас хорошо известна в функциональной сфере языка.

Экспрессивные логические единицы (ЭЛЕ) служат ярким и экономным средством выражения многообразных проявлений окружающей действительности, связаны с мыслительной деятельностью человека, его чувствами и эмоциями.

Китайский язык имеет разнообразные экспрессивные средства, которые отличаются богатством семантических значений. Хотя китайские словари включают в свой состав значительное количество ЭЛЕ, но до сих пор нет достаточного представления относительно объема и состава этих единиц в языке. Тем не менее проведенные наблюдения над ЭЛЕ позволяют говорить о наличии функциональной единицы, отличной от номинативной.

Вопросы экспрессивной лексики в китайском языке находят отражение в работах китайских лингвистов, посвященных стилистике (Ван Ли, Ли Цзинси, Чэнь Вандао, Пин Диньшань, Чжоу Цзумо, Жэнь Сюелян и др.). Среди отечественных работ следует назвать исследование В.И.Горелова «Стилистика современного китайского языка» (М., 1973).

Предметом нашего рассмотрения являются ЭЛЕ китайского языка, направленные на личностные характеристики человека, поскольку именно эти ЭЛЕ многочисленны и семантически многоплановы. В данном случае под ЭЛЕ понимается компонент семантики слова или лексико-семантического варианта, представляющий признаки лица. ЭЛЕ этой категории неоднородны по своей природе, поэтому возможна классификация их типов.

Основным материалом исследования послужила выборка ЭЛЕ китайского языка, направленных на характеристику человека, отобранных из разных словарей, как отечественных, так и зарубежных.

ЭЛЕ, характеризующие человека, представлены по физическим, интеллектуальным, моральным, этическим параметрам.

Специфика семантики таких ЭЛЕ состоит в том, что они не только называют лицо, но и характеризуют его и выражают оценку либо со стороны говорящего, либо со стороны оценивающего данное лицо.

Экспрессивные личностные характеристики в китайском языке могут быть представлены лексико-семантическими вариантами (например, зооморфизмами, ботаморфизмами, соматизмами и др.), различного вида фразеологическими единицами и чэньюями, а также способами словообразования.

Ввиду большого объема ЭЛЕ, направленных на характеристику человека, в данном сообщении ограничимся лишь словообразовательными способами выражения экспрессивности.

В китайском языке для образования ЭЛЕ, направленных на характеристику человека, используются все способы словообразования: словосложение, аффиксация и повтор. Анализ показывает, что все ЭЛЕ имеют ясную внутреннюю форму и семантически мотивированы. Их мотивированность отличается как по смыслу, так и по структуре.

I. Экспрессивная характеристика человека в словах, образованных словосложением. В этой группе ЭЛЕ выделяются:

1. ЭЛЕ, образованные по моделям словосложения. Например: *пудунь* ('слуга' + 'тупица') 'тупица'; *сюнфэнь* ('самец' + 'пчела') 'трутень'; *хаосэ* ('хороший' + 'цвет, секс') 'ловелас'; *мэнькэ* ('ворота' + 'клиент') 'прихлебатель'.

2. ЭЛЕ, образованные путем сложения корневой морфемы с морфемой, являющейся показателем экспрессивности. Например: с морфемой *чун* 'насекомое' – *хутучун* ('глупый' + *чун*) 'тупица, простофиля, голова садовая'; с морфемой *гуй* 'чёрт' – *эгуй* ('голод' + *гуй*) 'голодранец', *цзюгуй* ('вино' + *гуй*) 'забудыга'; с морфемой *дань* 'яйцо' – *хуайдань* ('плохой' + *дань*) 'дрянь, сволоочь', *бэньдань* ('тупой' + *дань*) 'тупица'; с морфемой *гунь* 'палка' – *эгунь* ('плохой' + *гунь*) 'дубина'; с морфемой *ми* 'увлекаться' – *цайми* ('богатство' + *ми*) 'скряга'. ЭЛЕ с морфемой *хо* 'товар, вещь' – *чоухо* ('дурной запах' + *хо*) 'поганец', *цзяньхо* ('дешевый' + *хо*) 'мерзавец'; с морфемой *чжун* 'вид, сорт' – *ечжун* ('дикий' + *чжун*) 'деревенщина', *хуайчжун* ('испорченный' + *чжун*) 'ничтожество'.

Иногда в качестве показателя экспрессивности в личностных характеристиках человека выступают обычные (неэкспрессивные) двусложные слова типа *фэньцзы* 'элемент (о человеке)', например: *тоуцзы-фэньцзы* ('спекулировать' + *фэньцзы*) 'приспособленец'; *дунси* 'вещь' – *хуайдунси* ('плохой, испорченный' + *дунси*) 'подлец', *фадунси* ('недоставать' + *дунси*) 'простофиля'; *цзяхо* 'утварь, посуда' – *бэньцзяхо* ('глупый' + *цзяхо*) 'дубина, головотяп'; *баньцзы* 'палка' – *цюнбаньцзы* ('бедный' + *баньцзы*) 'голытьба', *лаобаньцзы* ('старый' + *баньцзы*) 'старый хрыч'.

II. Экспрессивная характеристика человека в словах, образованных аффиксацией. В этой группе ЭЛЕ к корневой морфеме присоединяется один из аффиксов китайского языка, который является носителем экспрессивности.

1. ЭЛЕ, образованные при помощи «чистых суффиксов». На экспрессивный характер суффиксов *цзы*, *эр*, *тоу* еще в свое время указывал А.А. Драгунов. Например: *хуцзы* ('борода' + *цзы*) 'бандит', *пяньцзы* ('обманывать' + *цзы*) 'плут, жулик'; *хуапизэр* ('ваза для цветов' + *эр*) 'цаца'; *коумэр* ('ковырять' + 'отверстие' + *эр*) 'скряга, проныра'; *кунтоу* ('пустой' + *тоу*) 'враль', *хуатоу* ('скользить' + *тоу*) 'мошенник, плут'.

2. ЭЛЕ, образованные при помощи полусуффиксов *чжэ*, *хань*, *фу*, *шоу*, являются показателем имен деятеля. Эти полусуффиксы, как и приведенные выше «чистые суффиксы», широко используются и в качестве показателей экспрессивной лексики. Например: *цзишэнчжэ* ('паразит' + *чжэ*) 'тунеядец', *мэньвайхань* ('дилетант' + *хань*) 'профан', *куанфу* ('сумасшедший' + *фу*) 'идиот', *юшоу* ('гулять' + *шоу*) 'бездельник, лентяй'.

3. ЭЛЕ, образованные при помощи префиксов *а* и *лао*, используются также в качестве показателей экспрессивной лексики и в неэкспрессивных словах китайского языка. По количеству их значительно меньше, чем суффиксов. Например: *афэй* (префикс *а* + 'летать') 'баловень, пижон', *алинь* (префикс *а* + 'лес, чаща') *диал.* 'остолоп, дурень'; *лаогоу* (*лао* + 'собака') 'старый хрыч', *лаоифу* (*лао* + 'мужлан') 'кретин'.

Анализ экспрессивных личностных единиц, в составе которых имеются аффиксы, показывает, что обычно используются те же аффиксы, которые участвуют в образовании неэкспрессивных аффиксальных слов. «Экспрессивность» или «неэкспрессивность» аффиксов, очевидно, обуславливается характером корневых морфем, стоящих до или после аффиксов.

III. ЭЛЕ, образованные при помощи повтора. Хотя по способу образования слов в китайском языке повтор примыкает к аффиксации, его следует выделить в отдельную группу. Например: *хуахуагуныцзы* ('цветок' + 'цветок' + 'молодой барин') 'пижон, хлыст', *гуайгуай* ('послушный' + 'послушный') 'золотко (о детях)'. В ЭЛЕ с повторами часто встречается морфема *сяо* 'маленький': *сяовава* (*сяо* + 'дитя') 'голубушка', *сяонайнай* (*сяо* + 'бабушка') *ирон.* 'примадонна'. Морфема *сяо* встречается в составе многих ЭЛЕ и, как правило, с положительной оценкой.

По результатам проведенного анализа, можно сделать вывод, что большинство ЭЛЕ, характеризующих личность, относится к именам существительным мужского рода.

В ЭЛЕ преобладают показатели экспрессивности, несущие пейоративную окраску. ЭЛЕ с положительной оценкой, как правило, относятся к детям и молодым девушкам. ЭЛЕ, характеризующие личность, имеют развитую систему синонимии (например, для русского слова «остолоп» в китайском языке имеется 12 синонимов).

Изучение экспрессивной лексики может оказаться полезным для стилистики, культуры речи, теории перевода, лексикографии, в преподавании китайского языка, а также для познания материальной, духовной жизни и мироощущения китайцев.

**К ВОПРОСУ О ЯЗЫКОВОЙ ИНТЕРФЕРЕНЦИИ
(на материале китайского, английского и русского языков)**

Исследования показывают, что в развитии китайского и английского языков имеются различия, но есть и генетически общее – утрата значимыми элементами синтаксического изменения и грамматикализация их порядка в предложении вследствие языковых контактов [Хабibuлин, 1988; 1992].

В долине р.Хуанхэ во второй половине II тысячелетия до н.э. контакты южноазиатского языка (языков) с основным грамматическим порядком «подлежащее – сказуемое – дополнение» и североазиатского языка (языков) с другим основным грамматическим порядком «подлежащее – дополнение – сказуемое» привели к формированию китайского языка [Софронов, 1977].

В Центральной Европе в долине р.Дунай в середине I тысячелетия н.э. контакты древнеевропейского языка (языков) с неграмматическим порядком значимых элементов (но выражением отношений между предметами мысли, обозначенными соответствующими словами, изменением формы слов) и североазиатского языка (языков) с основным грамматическим порядком «подлежащее – дополнение – сказуемое» оказали влияние на выражение грамматических отношений в предложении у предков европейцев.

В древнерусском языке словоизменение служило основным способом выражения грамматических значений.

В современном русском языке грамматические отношения выражаются согласованием, управлением, примыканием; порядок слов в предложении может изменяться, но при этом он не свободен, и существуют определенные нормы порядка слов: более определенные в прозаической письменной речи и более свободные в разговорной речи.

В результате языковых контактов в Восточной Европе в долине р.Волги в XIII в. н.э. древнерусского языка (языков) с неграмматическим порядком значимых элементов (но выражением грамматических отношений изменением формы слов) и североазиатского языка (языков) с основным грамматическим порядком «подлежащее – дополнение – сказуемое» русский язык распространяется среди народов, говорящих на тюркских языках, что обуславливает тюркско-русскую интерференцию, проявляющуюся в коммуникативной организации предложения.

Порядок слов в русском языке давно привлекает внимание исследователей и описывается, как правило, в терминах актуального членения предложения [Сиротина, 1965; Ковтунова, 1976; Крылова, Хаврина, 1986].

В современном русском языке основным грамматическим порядком членов предложения является последовательность «подлежащее – сказуемое – дополнение». Этот порядок характеризуется тем, что в нем подлежащее предшествует сказуемому, а дополнение ставится после сказуемого, и имеет место соответствие грамматических конструкций и реальных ситуаций, которые они описывают.

Работы по языковым универсалиям показывают, что порядок значимых элементов в современном русском языке хорошо соответствует универсальным свойствам порядка значимых элементов в языках мира и описывается в терминах синтаксической и эмотивной инверсии основного грамматического порядка [Гринберг, 1970].

Современный китайский язык является классическим примером аналитических языков, в древнем китайском языке существовало синтаксическое изменение языковых единиц [Крюков, Хуан Шуин, 1979]. Современный английский язык развивается из флективного в аналитический. В современном русском языке порядок слов в предложении может изменяться, но он не свободен, и существуют определенные нормы порядка слов.

Основываясь на материале китайского, английского, русского языков и общности структуры различных языков, допустимо говорить об универсальности диахронической грамматикализации порядка значимых элементов в языках мира, для утверждения которой необходимы соответствующие обобщенно-типологические исследования, порядок слов может служить ключом к грамматике, грамматическому описанию языков вообще, поскольку грамматические явления объяснимы через порядок значимых элементов как средство грамматической техники.

ЛИТЕРАТУРА

Гринберг Дж. Некоторые грамматические универсалии, преимущественно касающиеся порядка значимых элементов//Новое в лингвистике. Вып. 5. Языковые универсалии. М., 1970;

Историческая грамматика русского языка: Морфология. Глагол. М., 1982;

Ковтунова И.И. Порядок слов в русском литературном языке XVIII – первой трети XIX вв. М., 1976;

Крылова О.А., Хаврина С.А. Порядок слов в русском языке. М., 1986;

Крюков М.В., Хуан Шуин. Древнекитайский язык: Тексты, грамматика, лексический комментарий. М., 1979;

Русская грамматика. Т.1, 2. М., 1980;

Сиротина О.Б. Порядок слов в русском языке. Саратов, 1965;

Софронов М.В. К типологической характеристике языка иньских надписей//Ранняя этническая история народов Восточной Азии. М., 1977;

Хабибулин В.А. Выражение грамматических отношений в английском и китайском языках//Актуальные вопросы китайского языкознания. Материалы IV Всесоюзной конференции М., 1988;

Хабибулин В.А. Современный китайский язык: Морфология. Синтаксис. Владивосток, 1988;

Хабибулин В.А. Типология порядка значимых элементов в современном китайском и английском языках//Актуальные вопросы китайского языкознания. Материалы VI Всесоюзной конференции М., 1992.

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ЛЕКСИКИ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА НА ТАЙВАНЕ И В ГОНКОНГЕ

Анализ современной лексики китайского языка на Тайване и в Гонконге показывает, что эти лексические системы во многом схожи и имеют ряд одинаковых особенностей, отличных от лексической системы китайского языка материкового Китая. Ниже приводятся некоторые особенности указанных лексических систем.

1. Имеются одинаковые по форме лексические единицы, но на Тайване и в Гонконге они имеют иную или дополнительную семантическую наполняемость.

Материковый Китай	Тайвань, Гонконг
不值 <i>búchí</i> 'не сто́ит'	'не сто́ит' + 'относиться неодобрительно'; 'чувствовать неравноправие';
传习 <i>chuányí</i> 'обучение, обучаться, передавать мастерство'	'получать в наследие, заимствовать из прошлого, традиционные привычки и обычаи';
想念 <i>xiǎnniǎn</i> 'думать, скучать, тосковать'	'соображение, представление, мысль, идея'.

2. Некоторые сложные слова с одинаковым лексическим значением и морфемным составом различаются, однако, порядком следования морфем:

Материковый Китай	Тайвань, Гонконг
伴随 <i>bánsuí</i>	随伴 <i>suíbàn</i> 'сопровождать'
失误 <i>shīwù</i>	误失 <i>wùshī</i> 'промах'
顺从 <i>shùncún</i>	从顺 <i>cúnshùn</i> 'слушаться, покоряться'

3. Некоторые двусложные слова с одинаковым значением, обладают одной общей морфемой, занимающей либо первую позицию, либо вторую, но различаются вторыми морфемами:

Материковый Китай	Тайвань, Гонконг
设想 <i>shèxiǎn</i>	构想 <i>gòuxiǎn</i> 'представить, предположить'
仿佛 <i>fǎnfú</i>	仿若 <i>fǎnrě</i> 'будто, кажется, похожий'
中药 <i>chūnyào</i>	汉药 <i>hànyào</i> 'лекарственное средство китайской медицины'
楼房 <i>lóufáng</i>	楼宇 <i>lóuyóu</i> 'здание (многоэтажное)'
休息 <i>xiūxi</i>	休闲 <i>xiūxiǎn</i> 'отдыхать'

4. Лексика китайского языка на Тайване и в Гонконге изобилует (по сравнению с материковым Китаем) архаизмами: существительные:

女史 <i>nǚshǐ</i>	'госпожа, женщина'
所在 <i>sǒuzài</i>	'местонахождение, местопребывание'
才调 <i>cáidiao</i>	'способности'

鼎 *дйн* 'треножник, жертвенный сосуд'

глаголы:

炊 *чуй* 'варить, разводить огонь'
 睇 *дй* 'щуриться, пристально смотреть'
 交关 *цзяогуань* 'общаться'

прилагательные:

小可 *сяокэ* 'малый, ничтожный'
 硬颈 *ингэнь* 'упрямый'

союзы:

抑 *й* 'или'
 抑或 *йхо* 'но может быть'

5. Наблюдается различие в использовании некоторых счетных слов. Так, например, счетные слова 间 *цзянь* и 支 *чжи* используются на Тайване и в Гонконге с гораздо большим количеством существительных, нежели в путунхуа:

一间大楼	<i>й цзянь далоу</i>	'одно здание'
一间学校	<i>й цзянь сюэсяо</i>	'одна школа'
一间医院	<i>й цзянь йюань</i>	'одна больница'
一间士多	<i>й цзянь шидо</i>	'один магазин'
一间公司	<i>й цзянь гунсы</i>	'одна компания'
一支电话	<i>й чжи дяньхуа</i>	'один телефон'
一支眼睛	<i>й чжи яньцзин</i>	'одни очки'
一支土鸡	<i>й чжи туцзи</i>	'один петух из глины, одна куropатка'
这支日光灯	<i>чжэ чжи жигуандэнь</i>	'эта лампа дневно-го света'
一支脚	<i>й чжи цзяо</i>	'одна нога'
几支箱子	<i>цзи чжи сянцизы</i>	'несколько чемоданов'
一支伞	<i>й чжи сань</i>	'один зонтик'
一支机车	<i>й чжи цзичэ</i>	'один паровоз'
一支红旗	<i>й чжи хунци</i>	'одно красное знамя'

6. В лексике китайского языка в Гонконге гораздо больше иностранных заимствований, чем в путунхуа. Как правило, это фонетические заимствования из английского языка. Например:

波	<i>бо</i>	(ball)	'мяч'
波士	<i>бошй</i>	(boss)	'хозяин, начальник'
甫士咭	<i>фушйцзи</i>	(postcard)	'почтовая открытка'
士多	<i>шидо</i>	(store)	'магазин'
贴士	<i>тешй</i>	(tips)	'чаевые'
菲林	<i>фэйлйн</i>	(film)	'фильм'
占	<i>чжань</i>	(jam)	'джем'

Встречаются также кальки и полукальки:

曲奇饼	<i>цуйцзибин</i>	(cookie)	'печенье'
贝贝	<i>бэйбэй</i>	(baby)	'малыш'
社区	<i>шецуй</i>	(community)	'община, общество'

Часть этих заимствований начинает проникать в путунхуа. Лексика китайского языка на Тайване не столь восприимчива к английским и американским заимствованиям, но в ней есть японизмы, отсутствующие в путунхуа. Например:

阿巴桑	<i>ābāsàn</i>	{ 'пожилая женщина' (домработница в частном доме или уборщица в учреждении). (Значение этих слов на Тайване более широкое, чем в Японии.)
欧巴桑	<i>ōubāsàn</i>	
便当	<i>biǎndān</i>	'алюминиевая коробка для риса' (соответствует 呢盒 <i>fānhé</i> в путунхуа)

7. Некоторые лексические единицы китайского языка на Тайване обладают грамматическими свойствами, не характерными для этих единиц лексической системы материкового Китая. Например, существительное путунхуа 好处 *hǎochu* 'польза, выгода, преимущество' может выполнять функции сказуемого при использовании на Тайване, принимая при этом глагольный формообразовательный суффикс 着 *chэ*.

8. Неодинаково использование отрицательных слов в китайском языке на Тайване и в Гонконге, с одной стороны, и в путунхуа, с другой. Например, 不 *bù* может использоваться на Тайване и в Гонконге со значением и в роли отрицания 沒有 *méiyǒu*.

Указанные выше особенности не исчерпывают всей специфики лексических систем китайского языка, используемого на Тайване, в Гонконге и материковом Китае. Уже сейчас взаимовлияние этих трех лексических систем очевидно. Можно предположить, что в ближайшем будущем, с увеличением контактов материкового Китая с Тайванем и воссоединением Гонконга с Китайской Народной Республикой, это взаимовлияние будет возрастать.

А.Н.Хохлов
(Москва)

КИТАЙСКО-РУССКИЙ СЛОВАРЬ П.И.КАФАРОВА – П.С.ПОПОВА
В ОЦЕНКЕ СОВРЕМЕННИКОВ
(по архивным материалам)

Пётр Иванович Кафаров (в монашестве Палладий, 1817–1878) вошел в историю отечественного китаеведения как автор многих серьезных работ по истории, географии и культуре народов Центральной и Восточной Азии. Обладая энциклопедическими знаниями в области востоковедения и отличаясь широтой научных интересов, он пользовался заслуженным авторитетом как у российских, так и у зарубежных исследователей, считавших его одним из выдающихся китаеведов своего времени. П.И.Кафаров трижды (в 1840, 1849 и 1865 гг.) приезжал в Китай, где провел около 30 лет миссионером при Российской духовной (православной) миссии в Пекине. Это позволило ему в совершенстве овладеть китайским языком и создать на основе изучения многообразных китайских источников целый ряд фундаментальных трудов по исто-

рии монголов и буддизма, сохраняющих свое научное значение до наших дней. Мировую известность принес П.И.Кафарову двухтомный объемистый Китайско-русский словарь, ставший, по собственному признанию ученого, его «лебединой» песней и «выразителем его воззрений на Китай во всех его проявлениях». «Задавшись мыслью дать словарю энциклопедический характер, т[о] е[сть] совместить в нем разнообразные сведения о Китае, в особенности уяснить философские и религиозные системы» (как он писал 23 октября 1877 г. дипломату Ф.Р.Остен-Сакену из Пекина), ученый не смог завершить свой феноменальный труд, так как серьезно заболел и вынужден был, по настоянию врачей, оставить Пекин, предварительно испросив разрешение Святейшего синода выехать в отпуск на родину. Выехав из Шанхая в Западную Европу морским путем и совершив длительное путешествие вокруг азиатского материка, русский востоковед 5 декабря 1878 года прибыл в Марсель, где на следующий день скоропостижно скончался. 2 (16) января 1879 года его похоронили в Ницце на русском кладбище близ православной церкви. Впоследствии на могиле ученого на средства его друзей был сооружен памятник, фотографию которого нам удалось найти в одном московском архиве.

Доработкой рукописного китайско-русского словаря архимандрита Палладия занялся 1-й драгоман (переводчик. – *Ред.*) Российской дипломатической миссии в Пекине П.С.Попов (1842–1913), один из ближайших коллег известного синоведа. В марте 1886 года он представил товарищу министра (зам. министра. – *Ред.*) иностранных дел А.Г.Влангали пространную докладную записку о политике цинского правительства, в которой, в частности, просил об ассигновании средств на издание завершенного им Китайско-русского словаря П.И.Кафарова. В этой докладной по поводу создания данного труда говорилось: «Лет 12 тому назад... арх. Палладий принялся за составление китайско-русского лексикона, в котором ощущалась давно настоятельная необходимость. Громадная эрудиция, соединенная с тонким критическим умом, – всё это обещало нам, что из-под пера этого маститого синоведа выйдет работа капитальная. Но, к глубокому нашему сожалению, надеждам нашим не суждено было осуществиться. Постоянный, неутомимый труд подорвал здоровье архимандрита, и безжалостная рука смерти вырвала его у нас в то время, когда начатая им работа не была доведена и до половины. Не мне одному, пользовавшемуся особенным расположением покойного, но и всем, знавшим его и с живым интересом следившим за его работою, тяжело было помириться с мыслью, что и этому труду, подобно многим предшествовавшим, суждено будет сделаться добычею архивной пыли. Под влиянием этого чувства я, несмотря на слабость моих сил и неподготовленность, решился взвалить на свои плечи тяжелое бремя окончания словаря. Знание источников, которыми пользовался покойный, до некоторой степени облегчило мне задачу, и после 5-летней работы мне удалось, наконец, довести этот труд до конца». «Вашему Превосходительству более чем кому-либо известно, – подчеркивал П.С.Попов, – насколько подобного рода работа всегда была необходима для нас, русских, и особенно в последнее время ввиду расширения наших торговых и политических сношений с Китаем и постоянно увеличивающегося зна-

чения его в общей семье человечества...» [АВПР, ф.Китайский стол, 1872–1879, д.1912, л.2–3].

В июле 1886 года царь утвердил доклад Азиатского департамента МИД о выделении денежных средств на печатание словаря Палладия – Попова. Столь благоприятное решение финансового вопроса при хроническом дефиците денег в казне со времени Крымской войны (1853–1856) объяснялось надеждами российского правительства и прежде всего Министерства иностранных дел на то, что издание солидного Китайско-русского словаря «может принести большую пользу ввиду развивающихся отношений... сибирских областей с Китаем и потребности в переводчиках», для подготовки которых были учреждены школы в городах Урга (русское название г.Улан-Батор до 1924 г. – *Ред.*) и Кульджа [АВПР, ф.Главный архив II–11, 1886–1887, д.1, л.2]. В связи с отсутствием достаточного количества китайских шрифтов в типографии Имп. Санкт-Петербургской Академии наук П.С.Попов решил печатать этот словарь в Пекине в типографии Школы иностранных языков (*Тунвэньгуань*), что посоветовал ему один из ее преподавателей – американский миссионер В.Мартин. При проезде через Иркутск П.С.Попов разыскал там русского наборщика и вместе с ним в марте 1887 года прибыл в цинскую столицу. Однако из-за болезни наборщика к печатанию словаря удалось приступить лишь в начале июня 1887 года. Чтобы ускорить эту работу, П.С.Попов выписал из Иркутска еще одного наборщика.

Россияне и особенно китаисты, работавшие в Китае, с интересом следили за работой П.С.Попова по печатанию словаря. Начальник российской почтовой службы в Пекине Н.И.Гомбоев (женатый на дочери Н.А.Бестужева) 22 июня 1888 года писал из Пекина Г.Н.Потанину о подготовке П.С.Поповым китайско-русского словаря: «П[авел] С[тепанович] [Попов] с этим словарем возился целых шесть лет и два года провозится [с] печатанием. Труд – громадный, сам о[тец] П[алладий] в последние 8 лет усидчиво работал над ним» [ЦГАЛИ, ф.381, оп.1, ед.хр.43, л.10]. К сентябрю 1888 года большая часть объема работы (130 типографских листов) была выполнена.

Коллеги, в том числе иностранцы, проживавшие в Китае, высоко оценили значение словаря арх.Палладия и П.С.Попова. Это дало основание российскому посланнику в Пекине А.М.Кумани 7(19) августа 1889 года послать Директору Азиатского департамента МИД И.А.Зиновьеву особое донесение (с приложением исключительно благоприятного отзыва В.Мартина). Воздавая справедливую хвалу многолетнему труду составителей словаря, он особенно подчеркивал роль издателя. «Последний, – писал А.М.Кумани, – бесспорно оказал двоякую заслугу перед наукой тем, что не только не дал погибнуть исследованиям своего достойного предшественника, но и, развив и докончив начатое им дело, доставил драгоценное пособие будущим деятелям на том же чрезвычайно трудном поприще» [АВПР, ф.Главный архив II–11, 1886–1897, д.1, л.20].

Среди восторженных отзывов о словаре, изданном П.С.Поповым, интересной представляется оценка, данная Ф.Р.Остен-Сакеном. 21 ноября 1889 года он писал его издателю из Санкт-Петербурга: «С интересом прочел я предисловие и с особенным наслаждением перелистывал

Ваш громадный труд, которым будет пользоваться не только синолог, но и всякий занимающийся и интересующийся Китаем. То, что Вы совершили, должно быть названо подвигом, т[ак] к[ак] необходима значительная доля самопожертвования и безграничное уважение к науке, чтобы взять на себя продолжение и завершение чужого труда. Откровенно Вам признаюсь, что я считал это невозможным. В свое время поревав по поводу неоконченного труда арх.Палладия, я оставался в полном убеждении, что словарь пропадет. Поэтому Вы можете представить себе мой восторг, когда я воочию убедился, что я ошибся и что лексикон действительно увидел свет. Заслуга Ваша – великая, и я с[о] своей стороны не перестану выставять ее в должном свете» [ГБЛ, ф.218, картон 763, ед.хр.1, л.1].

На фоне благожелательных отзывов коллег П.С.Попова своеобразной выглядит оценка, данная Китайско-русскому словарю консулом В.М.Успенским. 3 октября 1889 года он писал его издателю из Кульджи: «Несколько дней тому назад получил две книги словаря твоего с начинаниями о.Палладия... Просмотреть всю массу труда с достойным вниманием я, конечно, еще не мог, но, заглянув в некоторые страницы, нашел, что творение это не для меня, далеко отставшего в изучении китайской мудрости и даже языка. Скажу далее и совершенно смело, что словарь негоден не только для студентов, но и для молодых профессоров вроде [Г.М.]Георгиевского и [А.О.]Ивановского, которые едва ли когда заберутся в те отделы китайской литературы, которые комментирует Ваш совместный с уважаемым покойным труд». «На беглый взгляд, я нашел в словаре важное упущение, именно – отсутствие цитат, откуда взяты многие, весьма редкие и неудобопонятные выражения, комментируемые Вами. Например, под знаком "мынь" – ворота – я встретил выражения: "жи-мынь" и "юэ-мынь", никогда мне не встречавшиеся, да едва ли и могущие встретиться» [ГБЛ, ф.218, картон 763, ед.хр.23, л.3].

При проведении предварительной подписки в городе Ханькоу (с 1953 г. часть г.Ухань) деньги (кредитки) были внесены только за 13 экземпляров словаря, о чем сообщил П.С.Попову консул П.А.Дмитревский письмом от 20 октября 1889 года. Через десять лет этот словарь стал библиографической редкостью. Как видно из переписки Восточно-Сибирского отдела Имп. Русского географического общества, потребность в нем чувствовалась уже в начале 1890-х годов. Так, на одном документе касательно книжных фондов библиотеки отдела имеется такая помета (судя по почерку, русского путешественника А.Д.Клеменца. – А.Х.): «Очень мало книг по истории Востока. Изданий трудов Пекинской миссии многих не достаёт. Нет также восточных словарей. Нужно бы иметь китайский словарь Палладия и Попова» [ГАИО, ф.293, оп.1, д.113, л.9]. В связи с этим Восточно-Сибирский отдел 27 января 1894 года направил письмо в книжный магазин Н.Киммеля в Риге с просьбой приобрести несколько книг, в том числе Китайско-русский словарь, изданный П.С.Поповым. Знаменателен в этом отношении и факт вынужденного отказа Имп. Санкт-Петербургской Академии наук предоставить этот словарь одному из российских деятелей Д.Ф.Кобеко. Секретарь Академии С.Ф.Ольденбург в ответном письме от 12 марта 1909 года мотивировал этот отказ следующим образом: «В ответ на письмо Ваше-

го Высокопревосходительства от 6 марта №368 имею честь сообщить, что китайский словарь о.Палладия и Попова издан не Академией наук и в Азиатском музее имеется лишь в одном экземпляре, часто необходимым для справок, а потому я, к сожалению, лишен возможности исполнить Ваше желание и доставить словарь в Имп. Публичную библиотеку» [ГПБ, ф.354, ед.хр. 208, л.1].

Из выявленных нами опубликованных рецензий на словарь Палладия–Попова следует упомянуть три: В.П.Васильева [«Новое время», 1890, 24 апреля – 6 мая, №5082, с.3], С.Г. [С.М.Георгиевского] [ЗВО-РАО, 1890, №5, с.2–3], А.[П.]Старкова [«Одесские новости», 1890, 13–25 декабря, №1803, с.2–3]. Содержание и характер этих рецензий, фиксирующих достоинства и недостатки указанного словаря, заслуживают специального рассмотрения с учетом выше приведенных и других материалов.

*А.Н.Хохлов
(Москва)*

РОССИЙСКАЯ ПРАВОСЛОВНАЯ МИССИЯ В ПЕКИНЕ И КИТАЙСКИЕ ПЕРЕВОДЫ ХРИСТИАНСКИХ КНИГ

В июле 1700 года Пётр I издал указ об учреждении в Тобольске епархии с целью направления в Китай «добрых и ученых» священнослужителей. Одной из важных причин, побудивших Петра I издать этот указ, стала необходимость поддержания православной веры среди россиян, которые в 80-х годах XVII века были взяты в плен под Албазином (русская крепость на левом берегу Амура) и поселены в северо-восточной части Пекина. По просьбе албазинцев, в 1714 году в Пекин с небольшой свитой отправился арх. Илларион Лежайский, основавший в столице Цинской империи (1644–1911) Российскую духовную (православную) миссию. Ее официальный статус был юридически закреплён договором, подписанным представителями России и цинского Китая в Кяхте 14 июля 1728 года. Договор предусматривал обновление через каждые десять лет состава духовной миссии, при которой должны были находиться шесть светских членов, «учеников», посланных в китайскую столицу для изучения восточных языков. Контроль за их обучением возлагался на главу миссии, что видно из официального письма, отправленного из Москвы 19 августа 1730 года на имя арх. Антония (А.Г.Платковского), прибывшего в Пекин с «учениками» в июне 1729 года.

Потребность в общении с местными цинскими властями и китайцами, принявшими православие, обязывала заниматься изучением восточных языков (особенно маньчжурского и китайского) не только светских, но и духовных членов миссии, в том числе и ее начальника. По мере усвоения навыков устной речи и письменности возникла необходимость в переводе на восточные языки наиболее простых и широко распространенных среди европейцев-христиан богослужебных книг. Первые сведения о наличии у христиан-проповедников и их паствы в Пекине Кате-

хизиса на латинском и китайском языках можно найти в донесении арх. А.Платковского от 4 февраля 1736 года, отправленном в Санкт-Петербург в Коллегию иностранных дел: «Катахизис[ы]... в Китае, по-никански [по-китайски. – А.Х.] и по-латыне вместе печатные, имеются». В октябре 1738 года по возвращении на родину в канцелярии Святейшего синода А.Платковский сообщил, что по приезде в цинскую столицу он с помощью местного учителя, нанятого на личные деньги, «обучался никанскому [китайскому] языку для проповеди слова Божия» среди тамошних жителей, а «в начале того обучения перевел он... с тем своим учителем с российского диалекта на тот никанский язык для новокрещенных из тамошнего народа и... каждому из них раздал... Десятисловие, писанное никанскими буквами» [ЦГИА, ф.796, оп.19, 1738, д.356, л.22].

Из-за того, что А.Платковский вывез свои материалы в Россию (очевидно, в надежде на милостивое отношение к нему высших властей при оценке практических результатов его миссионерской деятельности), новой смене миссионеров, прибывших в Пекин, пришлось искать свои пути для ведения проповеднической работы. Отчасти им оказался полезен и составленный А.Платковским «лексикон на... никанском диалекте с переводом на латинский», отправленный (по указу от 13 октября 1742 г.) в Пекин с четвертою миссией под руководством арх.Геврасия (Линцевского). Член этой миссии Феодосий Сморжевский (первый историограф Российской православной миссии в Пекине) в донесении Св. синоду от 15 августа 1753 года о собранной им коллекции книг и рукописей, «наипаче об [из]учении китайского языка» упоминает помимо маньчжуро-китайско-русского лексикона, составленного Никитой Чекановым, и своего собственного – китайско-русского, Катехизис «езуитский, никанский и русский» [ЦГИА, ф.796, оп.34, 1753–1754, д.585, л.203].

В начале XIX века переводом и изданием Катехизиса на китайском языке занимался арх. Иакинф (Н.Я.Бичурин, 1777–1853), возглавлявший Российскую духовную миссию в 1807–1821 годах. В донесении от 31 июля 1810 года он сообщил Св. синоду, что им составлен «краткий Катехизис, из католического выбранный», который был им отпечатан в 400 экземплярах. По неизвестной причине экземпляр этой книги, подтверждавший выполнение Иакинфом его миссионерских обязанностей, не дошел до Иркутска. Это особенно прискорбно, так как почти весь тираж этой книги (вместе с деревянным набором) был уничтожен местными властями.

Несмотря на гонения на христиан в Китае, российские миссионеры продолжали заниматься переводами необходимых для богослужения христианских книг как при преемнике арх.Иакинфа арх.Петре (П.И.Каменском, 1765–1845) в 1822–1832 годах, так и в более позднее время: в 1830-е годы этим активно занимался иеромонах Даниил (Д.П.Сивиллов, впоследствии архимандрит), в 1840–1850-х годах – иеромонах Гурий (Г.П.Карпов, впоследствии архимандрит). После назначения главой Пекинской духовной миссии Г.П.Карпов стал уделять переводам христианских книг еще более серьезное внимание. 29 ноября 1859 года он писал из Пекина кяхтинскому градоначальнику А.И.Деспоту-Зеновичу: «Я обыкновенно занимаюсь переводами Евангелия на китайский язык. В этом деле успел уже кончить четырех евангелистов

– вчерне. Полагаю, что если дипломатические наши сношения с Китаем и западными державами не помешают, через полгода, много через год, этот труд будет кончен. Между тем, по желанию китайцев, задумываю составить русско-китайский лексикон, для чего уже есть довольно и материала» [ЦГАОР, ф.916, оп.1, д.52, л.17].

Рецензирование переводов арх.Гурия осуществляли Д.С.Честной (арх.Аввакум, Санкт-Петербург) и Д.П.Сивиллов (в то время настоятель Борисоглебского монастыря Ярославской епархии).

При ознакомлении с китайским вариантом Нового завета Д.С.Честной ограничился кратким указанием погрешностей в переводе, а Д.П.Сивиллов представил развернутый отзыв с оценкой перевода каждого произведения. Достоинство перевода книжки «Жизнь Господа нашего Иисуса Христа» Д.Сивиллов усматривал в том, что в нем не было «того напряжения, какое иногда видеть можно в усилии некоторых переводчиков перелагать мысли подлинника слишком в буквальном виде». Относительно перевода другой книжки, «Зерцало православного исповедника» (оригинал которой был взят из сочинений Дмитрия Ростовского), рецензент отмечал, что эта книжка «отличается от русского оригинала тем, что к ней приложены в переводе толкования на символ веры, молитву Господню, на 9 блаженств и 10 заповедей и проч., которых в оригинале нет». Считая этот перевод удачным («слог в ней чист, приятен и легко может быть понимаем»), Д.Сивиллов одобрял включение в него упомянутых приложений, полагая, что «в этом виде представленная книжка может вполне пользоваться правом самого превосходного православного Катехизиса» [ГАЯО, ф.230, оп.5, д.2079, л.8, 10].

В 1865 году арх.Гурий издал на китайском языке перевод Нового завета, предварительно внеся в него некоторые исправления на основе критических замечаний Д.С.Честного. Рецензируя опубликованный вариант перевода Нового завета, Д.С.Честной в целом оценил его положительно и даже поставил выше перевода, выполненного английским миссионером Медхерстом, с которым русский ученый имел возможность познакомиться в Шанхае во время поездки в Китай с посольством Е.В.Путятина. Английский миссионер тогда признавался Д.С.Честному: «...китайский слог своего перевода он исправлял несколько раз при помощи китайцев, жалуясь в то же время на недостаток там ученых, искусных в китайской словесности». В рецензии на опубликованный перевод арх.Гурия Д.С.Честной писал: «Может быть, по этой причине и последний печатный перевод его [Медхерста. – А.Х.] во многих местах оказывается или темным, или не согласным с духом китайской словесности» [АВПР, ф.Главный архив, 1–5, 1823, д.1, п.74, л.466–467].

С учреждением в Пекине постоянного дипломатического представительства России функции Пекинской духовной миссии, порой выполнявшей роль посредника в русско-китайских отношениях, заметно изменились. Особенно же изменилась ее изначальная роль как «учебно-политического учреждения». В соответствии с новой инструкцией, составленной для нового главы миссии арх.Палладия (П.И.Кафарова, 1817–1878) и утвержденной Св. синодом 9(16) сентября 1864 года, круг обязанностей российских миссионеров включал в себя:

«1) совершение богослужения в православных церквях в Пекине и исправление треб [молитв и церковных обрядов. – *Ред.*];

2) утверждение и поддержание православной веры в тамошнем православном обществе, состоящем из албазинцев, или потомков русских переселенцев, и из китайцев, принявших православную веру и

3) распространение оной, по мере возможности, между языческим населением» [ЦГИА, ф.797, оп.445, д.52, л.3].

В свете новых задач, поставленных перед российскими миссионерами в Пекине, глубокие познания арх.Палладия в области религиозных представлений китайцев и китайского языка пригодились ему и его окружению более, чем когда-либо раньше. При переводах богослужебных книг и православной литературы его советы и рекомендации как профессионального китаиста, основательно изучившего религиозные системы тогдашнего Китая, были бесценны. Упомянув о книгах, переведенных на китайский язык иером.Исайею (И.Ф.Поликиным), среди которых был канон Андрея Критского и другие произведения, глава миссии 10 марта 1869 года сообщал в Св. синод: «Из сих переводов особенно важен и полезен перевод пространного Катехизиса, долженствующего систематически объяснять истины православной веры. Так как опыт показал, что употребление книжного языка в переводах книг, назначенных для общего чтения между нашими христианами, мало приносит пользы, то я предложил иером.Исаяе переложить Катехизис также и на разговорный китайский яз[ык]» [ЦГИА, ф.796, оп.440, д.1275, 1868 г., л.4].

В отчете за 1875 год глава миссии упоминал об успехах в китайском языке иером.Флавиана (Н.Н.Городецкого, 1840–1915), переложившего в виде опыта «Круг великопостных паремий». При этом он сообщал в Св. синод: «В том же году [1875. – А.Х.] продолжаем был перевод на китайский язык кратких пояснений на текст Священного Евангелия от Матфея; также приготовлен к печатанию перевод пространного Катехизиса на двух наречиях китайских, книжном и простонародном, и составлен китайско-русский словарь для пособия православным миссионерам, которые чаще всего не в состоянии пользоваться европейскими китайскими лексиконами по незнанию иностранных языков и даже латинского» [ЦГИА, ф.797, оп.46, 1876, II отд., III стол, д.141, л.2].

Особенно широко развернулась переводческая работа в стенах Пекинской духовной миссии при арх.Флавиане, назначенном ее начальником после смерти арх.Палладия в 1878 году в Марселе, по пути на родину. Среди переведенных Флавианом книг (с помощью Палладия либо самостоятельно) – Толковое Евангелие, Служебник, «Краткие правила христианского учения» и др. Российский посланник в Пекине С.И.Попов 26 января 1884 года писал министру иностранных дел Н.К.Гирсу, что благодаря переводам арх.Флавиана «религиозные нужды православных китайцев, не знающих славянского или русского языка, могут в настоящее время считаться удовлетворенными» [АВПР, ф.Главный архив I–9, 1884, д.21, л.11–12].

В переводах религиозной литературы, преимущественно предназначенной для нужд миссионерской деятельности в странах Дальнего Востока, нашли отражение не только отточенное мастерство перевода специальной богословской терминологии, но и высокий уровень представ-

лений переводчиков-востоковедов о духовной культуре народов Восточной Азии. Вместе с переводами произведений русских классиков на восточные языки православная литература в переводах Пекинской духовной миссии знакомила население многонациональной Цинской империи и сопредельных стран с достижениями христианской культуры и особенностями православия с его «привлекательными для всех началами добра и взаимной любви, справедливости и равноправности всех и уважения к личности и человеческим правам самого последнего из туземцев». [См.: «Новое время», 1898, март – апрель]. В конечном итоге это вело к сближению народов России и Китая, прокладывая пути к большему взаимопониманию и деловому сотрудничеству.

*Цзинь Тхао
(Владивосток)*

ВЫБОР ИСХОДНОГО ПРИНЦИПА РАССМОТРЕНИЯ СИНТАКСИСА СОВРЕМЕННОГО КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА

Китайский язык – древнейший язык мира, но тем не менее ряд фундаментальных вопросов его грамматики остается спорным, что обоснованно выдвигает требование «создать новую систему грамматики, соответствующую реальным языковым факторам, которая должна существенно отличаться от прежней» [Чжан Чжигун, 1980]. Под «прежней» понимается система, которая была изложена Ли Цзиньси в «Новой грамматике национального языка» и которую принято считать традиционной, а также и те многочисленные варианты, проекты, которые основаны на коррекции традиционной системы [Чжан Чжигун, 1980; У Цзинцунь, Хоу Сюечао, 1988; Лу Цзяньминь, 1992; Шутова, 1991].

1. Сущность коррекции. В традиционной грамматике имеет место наибольшее сходство с системой грамматики европейских языков – она основана, прежде всего, не на реальных особенностях китайского языка, а на общепринятых в европейских языках грамматических понятиях. Дальнейшая коррекция является, в сущности, лишь вынужденной попыткой их приспособления к реальностям китайского языка.

Существенные результаты корректировки в области синтаксиса заключаются, по мнению автора настоящей статьи, в расширении ряда понятий:

Подлежащее. Если раньше подлежащее априорно понималось как субъект действия, то теперь под ним понимается то, о чем идет речь, и, таким образом, понятие «подлежащее» сближается с понятием «тема».

Сказуемое. Вместе с расширением понятия «подлежащее» понятие «сказуемое» сближается с понятием «рема».

Члены предложения. Теперь члены предложения представляют собой гораздо более крупные единицы, чем слова – от словосочетания до предикативных конструкций.

Из представленного рассмотрения видно, что содержание главных терминов синтаксиса уже качественно отличается от исходного, взятого из европейских языков. Но тем не менее, анализ по-прежнему скован

формально-структурным подходом, предполагающим непереносное образование предложения моделью «подлежащее – сказуемое». Этот принципиально неизменный подход к модели образования предложения не позволяет ликвидировать отмеченную выше неадекватность принципа анализа и анализируемого материала, что и является главной причиной внутрисистемных противоречий и отсутствия единых категорий при анализе структур предложений.

Выход из этого положения, по мнению автора настоящей статьи, может быть найден не на пути дальнейших коррекций, а только при фундаментальном изменении самого принципа рассмотрения синтаксиса в целом.

2. Новый подход к рассмотрению синтаксиса. Наиболее влиятельной в поисках нового подхода к проблеме является работа Шэнь Сяолун [1991], в которой предложение рассматривается с точки зрения функции высказывания и разделяется по этому принципу на три главных класса:

Глагольные предложения. Главной функцией глагольного предложения является изложение действия субъекта. Структурная конструкция его такова: субъект действия + глагольные комплексы.

Именные предложения. Главной их функцией является оценивание предмета, лица, а также явления или события. Его структурная конструкция: тематические комплексы + оценивающие комплексы.

Предложение соотношения. Главной функцией такого предложения является выяснение соотношения между явлениями или событиями.

Кроме трех главных классов предложений были выделены еще и собственно описательные, собственно изъяснительные, предложения наличия, предложения повелительные, и предложения-сообщения.

По мнению автора настоящей статьи, система Шэнь Сяолуна в большей степени отвечает реальностям китайского языка и может быть положена в основу создания новой системы грамматики. Попытаемся обосновать этот вывод путем выявления следующих главных специфических черт образования предложения в европейских и китайском языках.

2.1. Конструирующие модели. Для европейских языков характерно то, что для образования предложения необходимо наличие некоего конструирующего «ядра», функцию которого реально выполняет глагол-сказуемое. Между подлежащим и глаголом-сказуемым имеется прямая формально-семантическая связь, а другие слова-члены предложения организуются формальным путем либо вокруг подлежащего, либо вокруг сказуемого. Синтаксический анализ предложения прежде всего stalkивается с этой строго формальной организацией структуры. При такой предпосылке определение формально-структурной модели «подлежащее – сказуемое», как основы образования предложения, естественно, является закономерным. В китайском языке как раз наоборот – чаще всего трудно найти в предложении какое-либо слово в качестве конструирующего центра синтаксической структуры в целом. Предложение представляет собой линейную цепочку нескольких групп слов (отрезков речи), обладающих относительно самостоятельным семантическим содержанием. Соединение отдельных отрезков речи также основано на семан-

тическом соотношении, и формальные признаки отражения этих соотношений вовсе не обязательны.

Итак, структура предложения в китайском языке не имеет строгой формальной организации, его образование опирается на семантическую соотнесенность отдельных его частей. Поэтому исходный подход к рассмотрению синтаксиса предложения не может быть формальным, а должен с самого начала учитывать семантические соотношения внутри предложения.

2.2. Вопрос трансформации. В европейских языках при трансформации тех или иных членов предложения достигается перемещение коммуникативного центра, но синтаксическая структура остается неизменной, то есть для языков, чья система грамматики порождается на формальной основе, синтаксическая структура предложения и его коммуникативная функция являются двумя относительно самостоятельными понятиями, функция высказывания не влияет на строгую формальную структуру предложения.

В китайском языке «перемещение» позиций отдельных отрезков предложения качественно отличается от трансформации в европейских языках. Рассмотрим эту специфику китайского языка на следующих примерах:

1. 这件事,早就知道.	我早就知道这件事
букв. 'Это дело, давно знаю'	'Я давно знаю об этом деле'
2. 这本书,我没兴趣.	我对这本书没兴趣
букв. 'Эта книга, я не имею интереса'	'У меня нет интереса к этой книге'
3. 这张纸,我写字	我在这张纸上写字
букв. 'Эта бумага, я пишу'	'Я пишу на этой бумаге'

Сравнивая эти предложения слева и справа, мы можем заметить следующее.

Во-первых, после перемещения на начальную позицию предложения *这件事, 这本书, 这张纸* нарушается синтаксическая связь с глаголами. Они семантически соотносятся лишь с последующими отрезками речи в целом и становятся объектами изъяснения и оценивания. А следующие за ними синтагмы с глаголами теряют глагольный характер и становятся субстантивными комплексами. Во-вторых, при таком перемещении меняется не только коммуникативная функция предложения, но и его содержание, что особенно явно видно из третьего примера.

Итак, в китайском языке в связи с отсутствием строгой формальной структурной организации предложения между коммуникативной функцией высказывания и его синтаксической структурой имеется гораздо более тесная связь: при изменении коммуникативной функции требуется также и изменение синтаксической структуры в целом. Определенная синтаксическая структура служит определенной коммуникативной цели предложения.

Естественно, рассматриваемая концепция еще не совершенна, и главные ее недостатки, по мнению автора статьи, заключаются в следующем:

а) концепция преимущественно отражает синтаксическую структуру в целом, но вопрос о том, каковы синтаксические структуры внутри составляющих частей – отрезков речи, остается открытым;

б) нельзя однозначно определить функцию именного предложения, как функцию оценивания, поскольку субъективному оцениванию непременно сопутствует описание и изъяснение, поэтому нет необходимости различать именное предложение от собственно описательного и изъяснительного.

Однако отмеченные недостатки этой концепции не только не подвергают сомнению ее ценность для установления исходного принципа рассмотрения синтаксиса китайского языка, но и дает новый импульс дальнейшим исследованиям в этом направлении.

Новая система грамматики современного китайского языка только начала свой путь. Но даже сейчас можно с уверенностью сказать, что, освобождаясь от противоречий между традиционным подходом к анализу и анализируемым материалом, новый фундаментальный принцип, соответствующий реальностям китайского языка, будет способствовать созданию новой системы грамматики и поможет восприятию, изучению и овладению этим прекрасным, богатейшим и оригинальным языком.

ЛИТЕРАТУРА

Лу Цзяньминь. Ханьюй цзюйфа фэньси дэ шаньбянь//Чжунго юй-вэнь, 1992, №6;

У Цзинцунь, Хоу Сюечао. Сяньдай Ханьюй цзюйфа фэньси. Пекин, 1988;

Чжан Чжигун. Гуаньюй Ханьюй юйфатиси дэ фэнци вэньти//Юйянь цзяосюе юй янь цзю, 1980, №1;

Шутова Е.И. Синтаксис современного китайского языка. М., 1991;

Шэнь Сяолун. Чжунго цзюйсин вэньхуа. Чанчунь, 1991.

Н.И.Шевацова
(Владивосток)

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ КОНСТРУКЦИИ СОПРЯЖЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ В КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ И СПОСОБАХ ЕЕ ПЕРЕВОДА НА РУССКИЙ

Предложения с конструкцией сопряженных действий (КСД) в китайском языке (КЯ), а также непосредственно сама конструкция, неоднократно являлись объектом описания китайских исследователей (Ли Цзиньси, Чжан Чжигун, Ван Ли, Дин Шэншу, Чжао Юаньжэнь) и были отнесены к разряду особых синтаксических структур, характерных для КЯ [5].

В отечественном китаеведении исследование КСД («лянь дун ши») проведено в работах С.Е.Яхонтова [15; 16], Н.В.Солнцевой [4], Е.И.Шутовой [13]. Эти исследования посвящены, главным образом, синтаксической интерпретации конструкции (которая не всегда бывает однозначной), вопрос же ее перевода с КЯ на русский (РЯ) – как отдельный предмет описания – не рассматривался, хотя иногда предлага-

лись способы перевода отдельных частей КСД, но без указания критериев, допускающих подобный способ перевода.

Сложность интерпретации характера отношений в КСД влечет за собой проблему ее правильного понимания и правильного перевода на РЯ, поэтому в данной статье предпринимается попытка предложить способы перевода конструкции при опоре на формально-семантический критерий и показать роль критериев в формировании типа связи, определяющего в конечном итоге однозначное понимание КСД и способ перевода.

Особенностью КСД, на наш взгляд, является ее неоднозначность, «балансирование» между сочиненным (при равноправных отношениях однородности) и подчиненным (при обстоятельстве способа/метода действия и самого действия и при отношениях между самим действием и целью его совершения) характером отношений между глаголами в рамках КСД при отсутствии средств связи, однозначно указывающих на характер этих отношений. Однако последнее отнюдь не означает отсутствие признаков, определяющих тип отношений между глаголами внутри глагольной цепочки (то же, что и КСД). Можно выделить следующие признаки КСД: наличие двух и более полнозначных глаголов с зависимыми от них словами или без них, действия которых соотносятся с одним грамматическим субъектом – подлежащим; отсутствие между глаголами соединительных средств и паузы. К дополнительным характеристикам относятся – употребление неодинаковых глаголов и твердый порядок их следования в конструкции.

В способах формирования и выражения мысли при помощи КСД нашли свое отражение особенности морфологии КЯ. Морфологические формы китайского слова (и, в частности, глагола) не отражают характера синтаксической связи слов в предложении (ср., например, в РЯ), но это отнюдь не исключает возможности сопоставления двух языков, поиска критериев и способов, позволяющих переводить с одного языка на другой. Можно выделить следующие формально-семантические критерии, учитывающие: 1) отнесенность двух и более глаголов к одному грамматическому субъекту действия; 2) порядок следования глаголов и место каждого в глагольной цепочке; 3) характер приглагольных распространителей (как слева, так и справа); 4) семантическое значение глагола; 5) характер смысловых отношений между глаголами.

Анализ примеров с КСД показал, что высказывания могут относиться как к устной речи (например, высказывания персонажей пьес), так и к письменной (авторские описания в произведениях художественной литературы), обладая при этом некоторыми отличительными чертами: более частое морфологическое оформление последних глаголов, наличие и распространенный характер приглагольных слов-определений к дополнениям в стиле художественной литературы – с одной стороны; более частое употребление модальных глаголов в препозиции к конструкции в целом, отсутствие морфологических показателей у последнего глагола, отсутствие дополнений у глаголов (так называемые «двуглагольные конструкции») в разговорном стиле – с другой. Все это необходимо учитывать при переводе на РЯ, одновременно обращая внимание и на отличительные черты стилового характера, свойственные глагольным сочетаниям РЯ.

Учет семантического критерия – принадлежности глагола к той или иной семантической группе – позволил выделить следующие разновидности конструкции:

- 1) с глаголом движения на первом месте;
- 2) с глаголом состояния на первом месте;
- 3) с глаголами иной семантики.

Каждая разновидность в свою очередь подразделяется на группы по признакам наличия/отсутствия прямых дополнений, значения последующего глагола, наличия/отсутствия общих глагольных сем и пр., что позволило выявить и сопоставить некоторые аналоги глагольных цепочек в РЯ или выявить такие сочетания, которые соответствовали бы глагольной цепочке в КЯ. Ср., например, в КЯ разговорный стиль: *во цюй взньвзнь(цю) 'я пойду спрошу'*; авторское описание: *та начжэ цзи бэнь шу цзоучуцуюла 'он вышел, унося с собой книги/он вышел с книгами'*. В последнем примере можно допустить два способа перевода с КЯ на РЯ. В первом случае *на цзи бэнь шу* передается деепричастным оборотом, во втором – существительным с предлогом в творительном падеже. Оба способа перевода возможны, так как не искажают характера семантических отношений между глаголами в высказывании КЯ; кроме того, обстоятельство способа действия, выраженное как существительным в творительном падеже (с предлогом или без него), так и деепричастным оборотом, передаются на КЯ одинаковым образом, а предложным формам РЯ (предлог + существительное) может соответствовать непредложная форма глагольной цепочки в КЯ.

Способы перевода КСД на РЯ были предложены некоторыми китайскими исследователями [6]. Отметим попытку авторов выделить те группы глаголов, которые являются как бы «ключевыми» в формировании смыслового характера отношений в цепочке и способе перевода. Мы в основном согласны с этими предложенными способами. Основных способов несколько: 1) перевод одного из глаголов с зависимым словом сочетанием предлога с существительным; 2) деепричастием или деепричастным оборотом; 3) однородными сказуемыми; добавим еще один способ (в рамках двуглагольных конструкций, присущих разговорному РЯ) – 4) перевод последовательностью, образуемой двумя спрягаемыми глагольными формами.

Первый способ перевода КСД возможен, когда:

1. Между глаголами существуют отношения временной последовательности: *ихур, Чжан муцзян вань ба лун дэн хуйлайла* [6, с.213] 'немного спустя, после игры с бумажным драконом вернулся домой плотник Чжан'.

2. Между глаголами существуют отношения способа/метода действия и самого действия. Китайские исследователи совершенно справедливо выделяют глаголы группы *дай*, оформленные на -чжэ в препозиции к глаголу *лай*, между которыми формируются подобного рода отношения. На наш взгляд, здесь нужно говорить вообще о группе глаголов движения/перемещения, в препозиции к которым стоят глаголы группы *дай* (*ти* 'нести', *кан* 'нести на плечах', *тай* 'нести вдвоем'), содержащие в своем значении сему «перемещения, движения», которая, «погашаясь» в них, ведет к утрате этими глаголами своих глагольных свойств, характеризуя действие со стороны способа или метода его со-

вершения: *тичжэ сяо куан цун чжэнькэ ли чулай* [9, с.13] 'вышли из орешника с корзинками'; *дайчжэ Хэйлун хэ Сяохуа сян на цзо сяо шань цзоуцзюй* [9, с.86] 'с Хэйлуном и Сяохуа направился к той невысокой горе'. Нераспространенный характер прилагательных слов позволяет данную глагольную последовательность передать предлогом с существительным в творительном падеже. При распространенном характере прилагательного слова возможен перевод деепричастным оборотом, что делает предложение более понятным на слух: *шицзиге гуйцзы тайчжэ фэйцзи жэнсялай ди бай сань хэ лянгэ да лью коудай, цун цзамулинь чжун чулай* [9, с.87] 'более десятка японцев вышли из смешанного леса, неся сброшенные с самолета белые парашюты и два больших зеленых мешка'.

Упомянутый выше характер отношений между глаголами движения выражается существительными со значением средств перемещения и стоящими в препозиции к ним глаголами состояния (главным образом, положения в пространстве), которые образуют сочетания типа *цзо фэйцзи цюй* 'лететь на самолете/самолетом'; *ци цзысинчэ цюй* 'ехать на велосипеде'. Употребленные в препозиции глаголы *цзо* 'сидеть', *ци* 'сидеть верхом' и следующие за ними эксплицитно выраженные объекты места «самолет», «велосипед» образуют обязательную валентность стоящего в постпозиции глагола движения «ехать на велосипеде», «лететь самолетом» и способ перевода либо существительным с предлогом в предложном падеже, либо существительным без предлога в творительном падеже.

Обстоятельный (способа/метода) характер отношений возникает и между глаголами других семантических групп: речи, звучания, слухового и зрительного восприятия, конкретного физического действия, мысли.

3. При существовании между глаголами причинных отношений также допустим перевод существительным с предлогом причины: *бэнь дянь сюли нэйбу цзань тин ингэ* [6, с.213] 'по случаю ремонта наш магазин временно закрыт'; *фа нюэцзи мэи цюй* [2, с.42] 'из-за болезни не пошел'.

4. Данный способ допустим при целевом характере отношений между глаголами в цепочке. Китайские исследователи справедливо выделяют группу глаголов движения, после которых действия других глаголов указывают на цель. Эти отношения при переводе передаются предлогами «за», «для» или словом «чтобы», вводящим целевой оборот: *сюйдо цзяочжигун лайдао Бэйдайхэ го шуцзя* [6, с.214] 'многие преподаватели, служащие и рабочие приехали в Бэйдайхэ на летние каникулы' [6, с.214]; *чиго цзаофань, паодао чэцзянь, фэньпэйвань гунцзо, цзю шоучжэ фадунцзи* [6, с.214] 'после завтрака торопился в цех, чтобы распределить работу, а затем заняться двигателем'.

Формально в рамках конструкции целевой характер второго глагола может подчеркиваться *лай* и *цюй*, входящими в состав глагольного суффикса, стоящего после инкорпорированного дополнения со значением места: *во дао ни чжэр лай чжэнцю нинь ди ицзянь* [6, с.214] 'я к вам пришел за советом'; *паодао во цзя лай соуца лайла ма?* [8, с.97] 'прибежал к нам домой с обыском?'. В последнем примере целевой характер подчеркивается не только суффиксом *лай* в составе глагола *паодаолай*,

но и служебным *лай* в конце высказывания. Целевой характер отношений допустим и после глаголов иной семантики, например, конкретного физического действия: *дицзюнь янь лу чай фан хуй у лай сючжу дяобао* [6, с.214] 'войска противника по мере продвижения разбирали и разрушали вдоль дороги дома и другие строения для сооружения блокгаузов'.

КСД, начинающиеся глаголами со значением выражения мысли, мнения, точки зрения, переводятся существительным с предлогом в предложном падеже (со значением места). Эти глаголы также выделены китайскими исследователями – *шохуа* 'говорить', *яньшо* 'выступать с речью', *шаншу* 'обратиться с докладом', *цзяньши* 'предложить': *та цзянкэ ай иньцзин-цзюйдянь* [6, с.215] 'в своих лекциях он любит ссылаться на классиков'; *Линь Цзэсюй шаншу Даогуан хуанди чжучжан ча-цзинь япьянь* [6, с.215] 'Линь Цзэсюй в докладе императору Даогуану требовал запретить ввоз опиума'.

Второй способ перевода КСД – перевод одного из глаголов деепричастием или деепричастным оборотом – возможен в следующих случаях:

1. Между глаголами временные отношения: *та каньвань дьяньбао ликэ дуй Лэй Ин фэньфула цзи цзюй* [6, с.216] 'прочитав радиogramму, он отдал Лэй Ину короткий приказ'. Причем это отношения как последовательного, так и одновременного характера: *чжэнчжэ гэй хай-цзы май чжи сяо ту* [16, с.6] 'толкаясь, покупают детям игрушечных зайчат'.

2. Между глаголами существуют условные отношения: *ни мэй ю дуй цинкуан цзо цзюйти фэньси, уфа цзюэдин чжэсе взньти* [6, с.216] 'не разобравшись в конкретной обстановке, не можете решить эти вопросы'.

3. Целевые отношения: *ю и чжи чжюаньцзюнь ди будуй сян ди хоу мэн ча, цюй цедуань дижэнь ди тао лу* [6, с.216] 'отряд китайских добровольцев, стремясь отрезать противнику пути отступления, смело прорвался в его тыл'.

4. Причинные отношения: *дижэнь хайпа тужань сичу цзю туйчула цунь вай* [6, с.216] 'опасаясь внезапного нападения, противник отступил из деревни'.

5. Отношения дополняющего характера между глаголами: *сюань-чжуаньчже удаоцилай* [13, с.55] 'кружась, начал танцевать'.

Третий способ перевода КСД – перевод глаголов в цепочке однородными сказуемыми. Равноправными в смысловом отношении могут быть те глаголы, которые, относясь к различным семантическим группам, имеют численно равное количество либо собственных распространителей (как слева, так и справа), либо присущие всей глагольной цепочке общие распространители в виде модальных глаголов, групповых обстоятельств, общих групповых оформителей конструкции. Говоря о данном способе перевода, необходимо учитывать весь набор формально-семантических признаков, позволяющих, как правило, последний глагол рассматривать как самостоятельный: *Лу Вэньтин... фанся шоушудао наци цецайдао, тося бай да гуа цзишан лань вэйцюнь* [12, с.499] 'Лу Вэньтин откладывает скальпель и берет кухонный нож, снимает белый халат и повязывает голубой фартук'. Морфологическая оформленность глаголов суффиксами, наличие у каждого из них дополнений, а

также определений, относящихся к дополнениям вторых глаголов, соблюдение количественного параллелизма (2:3 – 2:3, 2:3 – 2:3) между частями предложения, создающего музыкальность и ритмику высказывания в целом, – все это позволяет рассматривать как однородные не только глаголы-сказуемые, но и части предложения: *суйши кэи шэньчу мочжуа доцзоу цзыцзи ди циньжэнь* [12, с.517] 'в любое время может протянуть (свои) злодейские когти и схватить своего близкого'. В данном примере не только модальный глагол, но и обстоятельство времени *суйши* также относится к конструкции в целом, что в равной мере позволяет рассматривать глаголы как самостоятельные.

Четвертый способ перевода КСД – перевод глаголов двумя спрягаемыми глагольными формами – характерен в первую очередь для двуглагольных конструкций разговорной речи (РР), где в качестве первого выступает глагол движения: *нимэнь хуйцуй сесе ба* [15, с.146] 'идите-ка (домой) (и) отдохните'; *вомэнь сяцуй канькань ба* [13, с.34] 'мы спустимся (и) посмотрим'. В данных конструкциях, как отмечают исследователи РЯ, стирается грань между сочинением и подчинением, чему способствует слитное произнесение, отсутствие союза и собственных приглагольных второстепенных членов, а также оттенок целевых отношений, – все это объединяет две предикативные формы в одну синтагму [3]. С синтаксической точки зрения, эта синтагма рассматривается как нечлененное сказуемое, а высказывание в целом имеет значение побуждения к совершению действия или желания его совершить. Наличие вышеуказанных факторов в высказывании КЯ, ведущих к его двум видам трансформации (когда подчеркиваются последовательные и равноправные отношения, с одной стороны, и целевые, – с другой), а также морфологическая оформленность глаголов (форма удвоения) допускают подобный способ перевода на РЯ. Те высказывания КЯ, в которых второй глагол бывает морфологически неоформлен или целевой характер подчеркивается служебными морфемами, переводятся на РЯ глаголом-сказуемым и существительным с предлогом, как отмечалось выше, либо глаголом-сказуемым и следующим за ним глаголом в форме инфинитива, что также подчеркивает целевой характер отношений: *во дэй хуйцзя шуйцзяо цуй* [7, с.259] 'я должен пойти домой поспать'; *минтянь цзю кэи цуй дэнцзи* [11, с.294] 'завтра можете идти на регистрацию/регистрироваться'.

Иногда в высказываниях разговорного стиля, содержащих КСД с приглагольными распространителями (или одним распространителем), когда целевой характер между глаголами выражен формальными показателями в конце фразы, также допустим перевод либо глаголами в одинаковой форме без союзов, либо последовательностью спрягаемых глаголов с соединительным союзом (эта черта, когда в устной речи в сочинительной форме выражается подчинение, отмечена отечественными русистами): *во дао шэчжужэнь нар шошо цуй* [10, с.6] 'я пойду к председателю коммуны (и) скажу'; *ни дао чуанху нали канькань цуй* [8, с.89] 'ты пойди к окну (и) посмотри'; *во дао во пэнью янтежэнь нар сюси цуй* [13, с.233] 'я пойду к моему другу железному человечку немного отдохну'.

Таковы основные способы перевода КСД с КЯ на РЯ. Предлагая способы перевода, мы исходили как бы из ранее установленного и од-

нозначно понимаемого характера отношений между глаголами, определить который на практике бывает не всегда легко. Надеемся, что предложенные в статье формально-семантические критерии помогут уточнить тип отношений и выбрать соответствующий способ перевода.

Говоря о переводе конструкции, в первую очередь необходимо отметить, что не всегда глагольным формам слов КЯ соответствуют глагольные формы слов РЯ. Вместе с тем передача части конструкции на РЯ именем существительным с соответствующим предлогом или существительным без предлога в нужном падеже не искажает смысла высказывания на КЯ. Учет этих «равносмысловых» несоответствий (по способу выражения) важен при переводе и с РЯ на КЯ, ибо помогает избежать русизмов. Иногда (например, при целевом характере отношений) зависимый глагол в конструкции КЯ на РЯ можно передать не только существительным с предлогом, но и глаголом в форме инфинитива. Двойкий перевод допустим в тех случаях, когда глагол в зависимой функции КСД выступает чаще либо в нулевой форме, либо без зависимых слов. Для КЯ, в котором морфологическое оформление не всегда однозначно указывает на синтаксическую функцию глагола, а характер синтаксических отношений определяется порядком слов, большую роль играет наличие приглагольных зависимых слов, которые актуализируют значение глагола и укрепляют (и в интонационном, и в семантическом плане) сочинительный характер связи между глаголами [1, с.6]. Эта мысль была высказана исследователем типологически близкого китайскому вьетнамского языка Буй Минь Тоаном; полагаем, что она в полной мере относится и к аналогичным цепочкам КЯ. Безусловно, появление приглагольных распространителей (кроме тех случаев, когда первый глагол с дополнением представляет собой обязательную валентность глаголов определенных лексико-семантических групп) меняет характер синтаксических отношений между глаголами, отсюда возникает проблема выбора перевода одного из глаголов КСД на РЯ либо деепричастием (а с зависимым словом – деепричастным оборотом), либо самостоятельным глаголом-сказуемым. В рамках простого самостоятельного предложения возможен перевод однородными сказуемыми (при этом важно отметить, что в восточных языках однородность допускает разнооформленность): в случаях, когда КСД встречается в одной из частей сложного предложения, один из ее глаголов можно передать деепричастием/деепричастным оборотом, чтобы не усложнять структуры сложного предложения в целом. С другой стороны, перевод глагола на РЯ деепричастным оборотом не всегда будет означать зависимый характер этого глагола так же, как не отражает зависимого характера второго глагола (когда в КЯ он однозначно зависим) его перевод, наряду с первым глаголом, глагольной формой в двуглагольных конструкциях РР, либо равноправным сказуемым, связанным с другим соединительным союзом (также в высказываниях РР), ибо в последних случаях при переводе должны учитываться стилевые особенности РЯ.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Буй Минь Тоан. Глагольная цепочка во вьетнамском языке/Дисс. ... канд. филол. наук. Л., 1981;

- [2] Люй Цзипин. Фуцза вэюй. Шанхай, 1985;
- [3] Михеева Н.С. К вопросу о границах простого и сложного предложения в современном русском языке (Явление однородности в составном сказуемом. «Нечленимые сказуемые»)/Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1974;
- [4] Солнцева Н.В. Проблемы типологии изолирующих языков. М., 1988;
- [5] Сяньдай ханьюй тэшу цзюйши. Шаньси цзяюй чубаньшэ, 1991;
- [6] Хань и э цзяочэн. Пекин, 1986;
- [7] Цао Юй. Жи чу. Шанхай, 1936;
- [8] Цао Юй. Юанье. Шанхай, 1938;
- [9] Цуй Пин. Да соубу. Цзилинь жэньминь чубаньшэ, 1984;
- [10] Цуй Пин. Сяошо цзи. Шаньдун жэньминь чубаньшэ, 1983;
- [11] Чжао Шули. Дэнцзи//Чжунго дандай вэньсюэ мин пянь сюаньду. Тяньцзинь, 1984;
- [12] Шэнь Жун. Жэнь дао чжуннянь//Чжунго дандай вэньсюэ мин пянь сюаньду. Тяньцзинь, 1984;
- [13] ШUTOва Е.И. Синтаксис современного китайского языка. М., 1991;
- [14] Янь Вэньцзин. Тунхуа цзи. Пекин, 1982;
- [15] Яхонтов С.Е. Категория глагола в китайском языке. Л., 1957;
- [16] Яхонтов С.Е. Принципы выделения членов предложения в китайском языке//Языки Китая и Юго-Восточной Азии. М., 1971;
- [17] «Жэньминь жибао», 1987, 2 января.

Е.И.ШUTOва
(Москва)

ГРАММАТИЧЕСКИЙ СТАТУС ЗНАЧИМОГО МОНОСИЛЛАБА В СОВРЕМЕННОМ КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ

I. Грамматика китайского языка начинается с отдельно взятого значимого моносиллаба.

Сложение моносиллабов – первооснова его грамматической организации. Это положение вещей – объективная реальность китайского языка. Как таковая она по существу общепризнана в китаеведении, хотя в данной выше формулировке и не была эксплицитно отражена и выражена.

В силу изначальной значимости отдельно взятого моносиллаба для грамматики китайского языка важное научное значение имеет адекватное определение его грамматического статуса.

II. По вопросу о грамматическом статусе значимого моносиллаба в китаеведении существуют две основные точки зрения; вместе с тем каждая из них далеко не однозначна.

Первая точка зрения. Значимый отдельно взятый моносиллаб трактуется как «слово». Словесная трактовка моносиллаба получила в кита-

еведении две существенные проекции в сферу типологической оценки китайского языка:

1) как языка «аморфного» (ранний термин), или «изолирующего» (более поздний термин);

2) «изолирующего, но не аморфного» (В.М.Солнцев, Н.В.Солнцева и др.).

Вторая точка зрения. Значимый моносиллаб трактуется как «морфема», причем:

1) термин «морфема» понимается в морфологическом смысле, как часть слова (Е.Д.Поливанов, В.М.Солнцев и др.);

2) под «морфемой» имеется в виду кратчайшая языковая единица (фаза), безотносительно к ее вхождению в слово или неслово (Люй Шусян, Лу Чживэй, А.М.Карапетьянц). Термин «слогоморфема», имеющий хождение в литературе, является производным от этого понимания «морфемы».

На фоне двух указанных выше основных точек зрения на природу моносиллаба в литературе развиваются также представления, согласно которым отдельно взятый моносиллаб несет в себе способность быть в реальном употреблении и словом (самостоятельное употребление) и морфемой (несамостоятельное употребление); в последнем случае авторы, которые исходят из понимания отдельного моносиллаба как слова, апеллируют к понятию «неполное слово» (Н.Н.Коротков, В.М.Солнцев, Ю.Д.Маматюк).

Распространены также представления, согласно которым массив значимых моносиллабов китайского языка неоднороден с точки зрения принадлежности отдельных моносиллабов к слову или морфеме (распределен относительно критерия способности или неспособности к самостоятельному употреблению).

III. В нашей работе предпринята попытка оценки грамматического статуса значимого моносиллаба в китайском языке на основании объективного анализа реальных свойств моносиллаба. Эти свойства следующие:

1. Значение отдельно взятого моносиллаба не автономно; оно осознается как таковое ассоциативно – по соотношению с некоторыми вошедшими в лексический фонд языка многосложными структурными образованиями, включающими в свой состав данный моносиллаб. В абсолютно изолированном произнесении, вне какой-либо ассоциативной смысловой связи, моносиллаб являет собой чисто фонологический факт.

2. Как предельная единица смысловыражения и смыслоразличения моносиллаб обладает потенциальной способностью самостоятельного синтаксического употребления. Однако в силу неавтономности лексического значения реальные возможности самостоятельного смысловыражения и самостоятельного синтаксического употребления у моносиллаба ограничены. Употребляясь в предложении, моносиллаб далеко не всегда самодостаточен в качестве отдельного структурного сегмента. Здесь его серьезным конкурентом выступают полисиллабы и другие структурные образования, оттесняющие (однако полностью не исключаящие) его с синтаксически автономных структурных позиций.

3. В принципе один и тот же моносиллаб способен к разноструктурному использованию в составе предложения. Это может быть и роль отдельного структурного сегмента предложения, и включенная позиция в составе полисиллаба, и другие структурные вхождения (например, сочетаемость со служебным словом, указательным местоимением, счетным словом и др.). Существенно то, что потенциальная способность разноструктурного использования в предложении не наделяет моносиллаб эксплицитной грамматической информацией. Взятый отдельно, до использования в речи (тексте) моносиллаб грамматически нейтрален. Именно нейтрален, а не аморфен.

4. Восходя к грамматической нейтральности отдельного моносиллаба, совокупность моносиллабов китайского языка не организована в грамматические классы (части речи). Имеющиеся в китаеведении, начиная с известного труда Г.Габеленца, попытки установить грамматические классы моносиллабов на основании функциональных синтаксических критериев не преодолевают сопротивления языкового материала, суть которого сводится к формуле китайских ученых «yici duolei» ('одно слово – много классов').

5. Система указанных выше грамматических характеристик взятого отдельно значимого моносиллаба исключает возможность использования терминов «слово» или «морфема» для его наименования. Адекватным здесь может явиться термин «слогосемантема».

6. Как грамматически нейтральная слогосемантема моносиллаб открыт для вхождения в различные структурные образования китайского языка – именно в последних он обретает свою лексическую определенность и грамматическое качество.

Ян Яньли
(КНР, Пекин)

ХУЭЙ – ДУНГАНЕ:
ИСТОРИЯ, РЕЛИГИЯ, ЯЗЫК, ПИСЬМЕННОСТЬ
(на фоне культурно-исторических ареалов)

Понятие культурно-исторического ареала не получило должного освещения в социолингвистике. Факт же отнесенности тех или иных языков к определенному культурно-историческому ареалу является спорным. Культурно-исторический ареал объединяет народы и их языки на основе общего уровня социально-экономического, политического и культурного развития, общности культурных традиций, базирующихся на определенной общности книжных текстов, отражающих основное содержание интегрирующей части духовной культуры [Журавлёв, 1982, с.140].

В.К. Журавлёв выделил четыре основных культурно-исторических ареала:

1) общеевропейский, в формировании которого важную роль сыграло христианство, а основными источниками языкового влияния являются древнегреческий и латинский языки;

2) ближневосточный, характеризующийся распространением мусульманской культуры и арабского языка (персидский язык в этом ареале также играл большую роль);

3) юго-восточноазиатский, где были восприняты буддизм и санскрит;

4) восточноазиатский с ханьским культурным центром, в котором глубокое усвоение этой культуры невозможно без освоения ее весьма сложной письменной традиции и специфического строя китайского языка. Здесь особую роль играют конфуцианство и буддизм, основным источником влияния является китайская иероглифическая письменность [Журавлёв, 1982, с.142].

Предки народа хуэй (самоназвание – хуэй хуэй, лао хуэй хуэй) в разное время, начиная с эпохи династии Тан (618–907) вышли из Аравии, Персии и Средней Азии и поселились в Китае. Они были членами мегасоциума ближневосточного культурно-исторического ареала и исповедовали ислам. Их родные языки принадлежали разным языковым семьям: австроазиатской, индоевропейской, алтайской и др. Переселившись в Китай, в восточноазиатский культурно-исторический ареал, они из представителей разных социалем¹ на основе формирующейся общности духовной культуры и внеязыковой деятельности образовали новый социальный коллектив, социум [Журавлев, 1982, с.10]. Их родные языки не имели ни связей в генезисе, ни общей социально-культурной основы. В новом культурно-историческом ареале социальное и языковое взаимодействие шло не только среди них самих, но и с окружающими ханьцами; китайский язык стал их естественным выбором, как средство межэтнического общения.

В эпоху Юань (1280–1368) и Мин (1368–1644) ислам получил поддержку со стороны китайского правительства. Многие представители народа хуэй занимали высокие посты в правительстве, играли важную роль в политике, экономике, военном деле, культуре и науке. В период правления династии Юань из их среды вышли выдающиеся ученые, прекрасно знавшие и исламскую и китайскую культуру, такие как Шань Сы (瞻思), Садуцы (薩都刺), Дин Хэнянь (丁鶴年). В период правления династии Мин сделаны первые переводы религиозных трудов с арабского на китайский язык. В конце эпохи Мин – начале эпохи Цин (1644–1911) появились труды «Чжэн цзяо чжэнь цюань» (正教真詮), «Тянь фан син ли» (天方性理) и др., в которых учение ислама трактовалось в свете конфуцианства.

За 800 лет (с эпохи династии Тан до эпохи правления династии Минь) хуэйцы совсем китаизировались, сохранив, однако, свою религию. В процессе социального и языкового взаимодействия через этап билингвизма (родного и китайского языков) с начала XVI века совершился их переход на китайский язык. Но муллы (священнослужители ислама) остались билингвами, владеющими арабским и китайским языками. В религиозной деятельности употреблялись только арабский язык и арабская письменность. «Письмо следует за религией» [Дирингер,

¹ Социалема – «социальная общность людей, говорящих на одном языке» [Дешериев, 1977, с.312].

1963, с. 145]. Вообще, религиозные служители ислама плохо или совсем не владели китайской письменностью и часто записывали китайскую речь арабскими буквами (такая транскрипция называется «сяоцзин»). Таким образом, они создали одну из первых фонетических транскрипций китайского языка.

Во времена династий Юань, Мин и Цин только незначительная часть хуэйцев имела возможность получать образование, а что касается хуэйцев, то число обученных китайской письменности среди них было еще меньше. Это объясняется политическими и экономическими причинами, а также религиозными барьерами. В период династии Цин, в отличие от периода династий Юань и Мин, ислам подвергся значительному преследованию, которое способствовало отстранению хуэйцев от китайской письменности, особенно в таких районах, как Ганьсу и Шэньси – местах их компактного проживания.

Во второй половине XIX века, до переселения части хуэйцев в Среднюю Азию, почти во всех местах их проживания при мечетях действовали начальные школы – шуэ и медресе. В этих религиозных заведениях обучение в основном сводилось к механическому заучиванию сур (глав) из Корана, а также освоению элементарной грамоты на арабском языке. Среди хуэйцев человек, владевший арабской грамотой, обладал высоким престижем.

В конце 70-х – начале 80-х годов XIX века после подавления народного восстания (1862–1877) против цинской династии на северо-западе Китая часть хуэйцев, населявших провинции Шэньси, Ганьсу и Синьцзян, бежала на территорию Средней Азии и современного Казахстана и там поселилась. Переселенцы – носители ганьсуйского и шэньсийского диалектов, которые относятся к северо-западным диалектам китайского языка.

Потомков хуэйцев, переселившихся в Среднюю Азию, стали называть дунганями, а их язык – дунганским языком. Переселившись в Среднюю Азию, дунгане утратили китайскую письменность, у них сохранилось только устное народное творчество. Они жили этнографическими островками и были совсем изолированы от китайского общества. А что касается системы образования этих дунган, то «обучение детей проводилось на непонятном для них арабском языке. Главным методом обучения была зубрежка слов и фраз из религиозных мусульманских канонов. Это приводило к тому, что дети после окончания религиозных школ только могли наизусть прочесть что-нибудь из священной книги – Корана, но не знали содержания прочитанного» [Сушанло, с.77].

После Октябрьской революции для дунган была создана письменность на основе ганьсуйского диалекта с использованием русской (кириллической) графики, а в 1928 году – с использованием латинской графики. В 1953 году дунганская письменность вновь переведена на русскую графику. Дунгане, приняв кириллическую письменность, вошли в другой культурно-исторический ареал, где русский язык являлся основным центром языкового взаимодействия. Представляется, что дунгане в Средней Азии и Казахстане утратили связи с иероглифической письменностью и с китайской литературной традицией, а также свою принадлежность к восточноазиатскому культурно-историческому ареалу.

- Дешериев Ю.Д. Социальная лингвистика. М., 1977;
 Дирингер Д. Алфавит. М., 1963;
 Журавлёв В.К. Внешние и внутренние факторы языковой эволюции.
 М., 1982;
 Сушанло М. Дунгане Семиречья.

Tian Huigang
 (КНР, Сиань)

ON THE TYPES OF DIALECT REGIONS IN THE CHINESE LANGUAGE

As a derivative of language, dialect also is a subspecies that became divided from its native language. Dialect is not nationwide and is limited by its area.

Now in Mainland China, the discussion about classification of dialect regions in the Chinese language has mainly concentrated on the following differences:

1. «Six Region Classification» – (1) Northern Dialect Region; (2) Wu Dialect Region; (3) Xiang Dialect region; (4) Yue Dialect Region; (5) Ke and Gan Dialect Region; (6) Min Dialect Region.

2. «Seven Region Classification» – in addition, Gan Dialect Region is divided into Gan Dialect Region and Kejia Dialect Region.

3. «Eight Dialect Region Classification» – in addition, Min Dialect Region is divided into Northern Min Dialect Region and Southern Min Dialect Region.

4. «Nine Dialect Region Classification» – in addition, Huizhou Dialect Region should be added.

This paper discusses the connotation of «Nine Dialect Region Classification», the similarities and differences between the types of dialect regions in Chinese language and their basic trends. It has the significance of typology for grasping the essence of classification of dialect regions in the Chinese language through the macroscopic view.

Wu Tieping
 (КНР, Пекин)

DEVELOPMENT OF VALUE FORMS AS REFLECTED IN CHINESE AND OTHER LANGUAGES

In most societies the development of value forms has passed through 4 stages:

- 1) the simple value form (Einfache Wertform) – i.e. the barter form;
- 2) expanded value form (Entfaltete Wertform) – i.e. where a particular commodity (for example, hemp or cloth) can be exchanged for a number of other types;

3) the general value form (Allgemeine Wertform) – where one kind of commodity (e.g. domestic animals or bolts of cloth) – comes to express the value of other commodities;

4) the money form (Geldform) – i.e. where shells or gold or silver function specifically as currency.

Vestiges of these four individual value forms can be found in many languages in the world.

Stage by stage these will be discussed as follows:

1. The modern meaning of 交易 *jiaoyi* 'trade' in Chinese is the buying and selling of commodities, while the meaning of 贸易 *maoyi* is 'commercial activity'. But the morphemes *jiao* and *yi* in these words retain characteristics of the first, simple barter stage.

In Chinese the character 货 *huo* is not found on the oracle bone inscriptions. In these inscriptions the archaic form was 分 and in «jinwen» (i.e. inscriptions on ancient bronzes) – 𠂔. All these were ancient written forms of 化 *hua*.

By the time of the seal script style the radical 贝 *bei* was added to form the character 货 *huo*. *Hua* and *huan* (换) have the same etymological origin. The original written form of 化 *hua* was 匕.

In *Shuowen* it states: «匕 means change, being the character for man *ren* turned on its head», because to turn something on its head was seen as the greatest change possible. Barter means that the holder of a commodity that has been exchanged for another is engaged in a fundamental change. That is the motivation of these cognate words.

2. The third stage is no more than a reverse of the second stage, so the reflection in language is the same. For example, in Chinese both the characters 布 *bu* and 币 *bi* are related to the character 巾 *jin*. The character 巾 *jin* already existed in the oracle bone inscriptions and is like the shape of a hanging drape. The original meaning of 币 *bi* is a bundle of silk used in ancestral sacrifices or gifts for guests, and only later came to refer to money.

Bu, *bo* and *bi* had all been used as representatives of value and all have the same etymological origin. The character 帛 *bo* appears on the oracle bone inscriptions but 布 *bu* and 币 *bi* do not appear until the time of bronze inscriptions.

The ancient meaning of 钱 (*qian* 'money') was a metal shovel-like agricultural implement. This perhaps reflects the fact that in ancient China agricultural implements were used to represent the general form of value. One of the earliest kinds of money in China was moulded in the shape of *qian*, a kind of agricultural implement: 𠂔, that is the shape of a multi-bladed plough.

3. The reflection in language of the fourth stage is particularly clear. For example, in Chinese 财 *cai*, 贾 *gu*, 货 *huo*, 赠 *zeng*, 赐 *ci*, 赏 *shang*, 贻 *zhi*, 贩 *fan*, 贯 *guan*, 贪 *tan*, 费 *fei*, 贫 *pin*, 货 *dai*, 贸 *mao*, 赊 *she*, 賅 *shu*, 贿赂 *huilu*, and 贡 *gong*, all have the 贝 *bei* radical.

In the oracle bone inscriptions the character 贝 *bei* has the shape of a sea shell. It can be seen that in ancient Chinese society shells were used as currency.

THE SIGNIFICANCE OF ETYMOLOGY FOR LEARNING CHINESE

It is generally assumed that there is no connection between linguistics (etymology in particular) and language learning in schools. This is a mistaken idea. The neglect of basic etymological knowledge in the school curriculum has negative consequences which can be seen from the lack of linguistic awareness in adults. For example, some of my post-graduate students very often confuse two words, 經綫 (*jingxian* 'meridian line, longitude') and 緯綫 (*weixian* 'parallel').

The root of such errors lies in an ignorance of the etymology of these words, knowledge of which should have been acquired in childhood. The etymological connection between the character 經 and characters such as 莖 ('stem'), 脛 ('shin'), 徑 ('upright, straight', as in 徑直) and 痙 (as in 痙攣 *jingluan* 'convulsion') clearly shows the etymological motivation (the «etymon») of 經 ('a vertical line'). In the same way, the etymological connection between 緯 ('a horizontal line') and characters such as 圍 ('to surround, to besiege') and 衛 ('to surround and protect') is also evident¹. If such basic etymological knowledge were taught in schools, adult language users would not have to resort to mechanical memorization of such lexical items, and would find it much easier to learn and remember the forms and meanings of the above-mentioned characters (which in this case are also words). This principle holds true in the learning of other Chinese words with the same etymological root, such as 蝦, 瑕, 霞, etc.

Zhang Li, Chen Hongyu
(KHP)

THE SEMANTIC VARIATION IN CURRENT CHINESE VOCABULARY

Lexical meaning, at all time, varies and produces new meanings that may be called «Semantic variants». Although not all the variants can «survive» finally in language system, the variation itself reveals the trends and features of lexical development. For this, referring to the definitions in «Modern Chinese Dictionary» (China, 1978), we have carried out a research on the variation of Chinese vocabulary in using.

The most useful Chinese vocabulary includes 8441 words. There are nearly 1000 semantic variants that often occur in publications and oral speaking, and are accepted by the whole language society. That means more than 10% of the words that form Chinese basic vocabulary have developed new meanings or changed their meaning in some extent.

¹ In the idiom 涇渭分明, 涇河 is a river that runs from North to South, and 渭河 a river running from West to East, surrounding the Great Bend of the Huanghe River. The names of these rivers correspond exactly to the etymological roots of these words.

Basing on the observation of 2000 or more semantic variants of Chinese words, we can see that there are 5 different ways of producing semantic variants.

A. **Metaphor.** This is a way that most variants come out in, for example, *aizheng* 'cancer' is likened to «fatal defects or big problems», and *chuxie* 'let blood out' is compared to «pay money unwillingly».

B. **Metonymy.** When a thing represented by a word is linked somehow to another thing represented by another word, one of the words may be «rented» by the other one to represent the other thing. For instance, policemen and those people enforcing laws in China are usually in the hats with big top which are called *dagairmao*, so this word is sometime used to name policemen and other people in uniforms. As the same, *yingping* 'TV screen' can be used to mean «TV programs» and «TV broadcast».

C. **Abbreviation.** Some words are equivalent to the abbreviated forms of other words, so they also conduct the meanings of those words. One example is *shoufu* 'hand operating', which acquires the meaning of 'walking tractor' from the abbreviation of *shoufutuolaji*. Another example is the word *chuzu* 'rent out' used to name *chuzuqiche* 'taxi'.

D. **Irony.** In certain circumstances, some words hint the contrary meanings to themselves, such as *zhaogu* 'to take care of' hinting 'to injure', *qing* 'to invite' hinting 'to arrest' and *kuajiang* 'to praise' hinting 'to criticize', etc.

E. **Homophony.** Some words are intentionally used to substitute those homophonic ones and take their meanings, e.g. *qiguanyan* 'tracheitis' substitutes *qiguanyan* 'be governed strictly by wife', *daodan* 'missile' substitutes *daodan* 'to make trouble' and so on.

The effects that the 5 ways of variation have on the development of word meanings are not all the same. The way of «A» may lead to both expanding and transferring of words' basic meaning, meanwhile the others merely lead to transferring.

What triggers semantic variation off is the demands of either rhetoric or explanation, the former can produce specific results of expression, and the latter can make out what a complicated thing is in a simple way.

One interesting thing is that, in current Chinese, vocabulary related to military and science or technics are active elements in semantic variation. Of the 2000 variants, military vocabulary take about 10%, scientific and technic vocabulary take about 7%. Describing intense action with military words is a tradition for a long period in China; scientific and technic vocabulary becoming dynamic is due to the psychology of science worship that now exists in China.

СОДЕРЖАНИЕ

А.Н.Алексахин (Москва). Сингармонизм как средство создания фонетической цельнооформленности слов китайского языка пунхуа	3
А.А.Антиповский (Москва). К характеристике некоторых особенностей языка произведений Лао Шэ	7
В.И.Антонов (Москва). Кадровая реформа в КНР и лексика китайского языка	8
К.В.Антонян (Москва). История развития результативной конструкции в китайском языке	10
Е.Б.Астрахан (Москва). Лексика со значением «жилище» в диалектах китайского языка	13
И.Е.Бобрышева, Ю.А.Сорокин (Москва). Китайские национальные лингвометодические традиции: когнитивный стиль познавательной деятельности	17
М.А.Брейтер (Москва). Гиперлексемная структура китайской лексики	19
Гао Эрцян (КНР, Пекин). Конструкции с пассивным значением в китайском языке	24
Б.Ю.Городецкий (Москва). Эксперимент в семантической типологии (На материале дунганского языка)	27
Б.Ю.Городецкий, Т.С.Зевахина (Москва). К социолингвистической модели многоязычия дунган	31
О.М.Готлиб (Чита). О базовых классах китайских глаголов (Категориально-парадигматический аспект)	33
Н.Я.Губарь (Владивосток). Вопросы классификации грамматических синонимов в современном китайском языке	36
И.С.Гуревич (С.-Петербург). Штрихи к «портрету» американской синологии (буддизм и язык: состояние проблемы)	40
Н.А.Дёмина (Москва). Основные методические требования к написанию учебников по практическому китайскому языку	43
О.И.Завьялова (Москва). О китайских переводах Корана	46
М.И.Задорожный (Орехово-Зуево). Лексическое заимствование: причины и результаты (На материале дунганско-русского языкового взаимодействия)	49
М.И.Задорожный (Орехово-Зуево). Усложнение заимствуемых слов как этап их вживания в иноязыковую систему (На материале дунганско-русского языкового взаимодействия)	56
Т.С.Зевахина (Москва). Принципы отбора иллюстративного материала для словарной статьи комплексного семантического словаря (На примере дунганского языка)	62

А.М.Карапетьянц (Москва). Формальное построение семантических полей нормативного китайского языка	66
В.Б.Касевич, Р.Р.Котов (С.-Петербург). Язык и пространственная ориентация (На материале китайского языка)	72
В.Б.Касевич, Е.Ю.Петровский (С.-Петербург). Экспериментальное исследование семантики и прагматики оценки в речемыслительной деятельности китайцев	75
И.Н.Комарова (Москва). Особенности деривации отглагольных существительных в тибетском языке	77
И.Б.Кульчицкая (Москва). Две формы существительных в современном китайском языке с точки зрения системы языка	81
Ю.А.Кунина (Москва). К проблеме сочетаемости счетных слов и имен существительных в современном китайском языке	85
К.А.Курилова (Владивосток). Особенности приветствий в речевом этикете современных китайцев	89
Т.В.Михайлова (Москва). Синтаксическая структура ба-конструкции в диалектах китайского языка: проблема типологии	93
В.И.Молодых (Владивосток). Коннотация и эмоциональность как часть прагматики китайских слов	96
Л.Н.Морев (Москва). Отрицания в китайском и тайских языках в генеалогическом аспекте	99
Нгуен Ван Лой (Вьетнам, Ханой). Этноним «зюти» (文趾) в историческом плане	102
Нгуен Ван Тхак (Вьетнам). Типы китаизмов во вьетнамском языке	105
Б.В.Поспелов, К.И.Долотин (Москва). Проблемы синтеза назализованных финалей в слогах китайского языка	107
Е.А.Потапова (Москва). О некоторых особенностях форм вежливости в тибетском языке	112
М.Б.Рукодельникова (Москва). К проблеме описания глагольной сочетаемости в словарях современного китайского языка	115
И.В.Самарина (Москва). Об особенностях фонологической системы языка лати	118
Д.В.Сафронов (Москва). Тибетские антропонимы	122
А.Л.Семенас (Москва). Взаимодействие национального языка го-юй и диалекта миньнань в условиях диглоссии на Тайване	123
Н.В. и В.М.Солнцевы (Москва). Счетные слова (классификаторы) и единицы измерения в китайском и других изолирующих языках	126
Ю.Н.Сорокин (Владивосток). О методике отбора учебного материала для обучения нормативной речи	132
М.В.Софронов (Москва). Семантика морфемы современного китайского языка	136

Тань Аошуан (Москва). Проблема грамматикализации в изолирующем строе (На примере грамматического строя современного китайского языка)	141
С.А.Тараканова (Москва). О значении термина «лянь-мяньцзы»	146
О.П.Фролова (Новосибирск). Типы личностных характеристик в системе экспрессивной лексики китайского языка	149
В.А.Хабибулин (Владивосток). К вопросу о языковой интерференции (На материале китайского, английского и русского языков)	152
А.А.Хаматова (Владивосток). О некоторых особенностях лексики китайского языка на Тайване и в Гонконге	154
А.Н.Хохлов (Москва). Китайско-русский словарь П.И.Кафарова – П.С.Попова в оценке современников (По архивным материалам)	156
А.Н.Хохлов (Москва). Российская православная миссия в Пекине и китайские переводы христианских книг	160
Цзинь Тхао (Владивосток). Выборы исходного принципа рассмотрения синтаксиса современного китайского языка	164
Н.И.Шевцова (Владивосток). Об особенностях конструкции сопряженных действий в китайском языке и способах ее перевода на русский	167
Е.И.Шутова (Москва). Грамматический статус значимого моносиллаба в современном китайском языке	174
Ян Яньли (КНР, Пекин). Хуэй – дунгане: история, религия, язык, письменность (На фоне культурно-исторических ареалов)	176
Tian Huigang (КНР, Сиань). On the Types of Dialect Regions in the Chinese Language	179
Wu Tieping (КНР, Пекин). Development of Value Forms as Reflected in Chinese and Other Languages	179
Wu Tieping (КНР, Пекин). The Significance of Etymology for Learning Chinese	181
Zhang Li, Chen Hongyu (КНР). The Semantic Variation in Current Chinese Vocabulary	181

Научное издание

КИТАЙСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ.
VIII Международная конференция.
Материалы. Москва. 25–26 июня 1996 г.

Утверждено к печати
Ученым советом Института языкознания РАН

Редактор *Е.В.Баринова*
Корректоры *Ю.А.Кунина, С.А.Тараканова*
Компьютерный набор *Т.А.Гопла, Т.В.Горяинова*
Китайские иероглифы *Л.И.Ермакова*
Компьютер-дизайн *И.В.Самарина*
Обложка *И.В.Самарина*

Формат 70х100/16. Гарнитура «Таймс». Бумага офсет №1. Усл. печ. л. 11,6.
Уч.-изд. л. 15,2. Тираж 150 экз. Заказ 3. Цена договорная.

Отпечатано в типографии Института языкознания РАН.
Москва, Б.Кисловский пер., д.1/12.